Г-84

XXXIX. 12 6

Гримм,

Ист. Греции

+

БИБЛІОТЕКА
О-ва для доставл. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

Г-84

Библиотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Jr I.10.18

Ф163

Э. Л. ГРИММЪ.

ЛЕКЦІИ
ПО
ИСТОРІИ ГРЕЦІИ.

XXXIX. 12. 6.

102

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

Пен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

48/1903.

Высшіе Женскіе Курсы.

1902-1903

С.Петербургъ.

Исторія греческаго народа за послѣдній вѣкъ пріобрѣла совершенно новый видъ. Независимо отъ того, что за это время окончательно выяснилось, что древнѣйшій памятникъ греческой литературы, т.назыв. гомеровскія поэмы, представляетъ сложный продуктъ долгаго развитія эпическаго творчества греческаго народа (Fr. Aug. Wolff, Prolegomena ad Homerum. 1795), особенное значеніе въ этомъ смыслѣ имѣло систематическое изученіе надписей, начатое подъ вліяніемъ Boeckh'a (Corpus inscriptionum Graecarum; два первыхъ тома изданы имъ самимъ 1828-1834/, и систематическое использованіе добытаго путемъ раскопокъ археологическаго матеріала, благодаря которому стало возможнымъ отодвинуть начало греческой исторіи на много столѣтій до Гомера /особенное значеніе имѣли раскопки Шлимана въ Троѣ, Тиринѣ, Микенахъ и т.д., къ которымъ затѣмъ прибавился цѣлый рядъ другихъ/. Параллельно съ этимъ критическое изученіе дошедшихъ до насъ греческихъ историковъ дало намъ возможность установить съ значительной точностью ходъ развитія представленій греческаго народа о его прошломъ и выяснить хоть отчасти степень достовѣрности тѣхъ данныхъ, которыя мы встрѣчаемъ у греческихъ писателей-историковъ. Благодаря всѣмъ этимъ фактамъ наши взгляды на греческую исторію корен-

---

нымъ образомъ измѣнились и хотя подготовительная работа продолжаетъ занимать очень многихъ работниковъ науки и еще долго не будетъ закончена, оказывается возможнымъ съ значительной увѣренностью опредѣлить общій ходъ развитія греческаго народа.

Раньше чѣмъ приступить къ изложенію этого общаго хода развитія греческаго народа однако необходимо выяснить, на какихъ данныхъ это изложеніе можетъ быть построено, иначе говоря, какими источниками мы располагаемъ для этой задачи?

I. Данныя литературныя.

I. Данныя собственно историческія.

Основнымъ отличіемъ греческой /и римской/ исторіи отъ исторіи германскихъ и славянскихъ народовъ съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать то обстоятельство, что первыя литературныя данныя для исторіи первыхъ двухъ народовъ относятся къ болѣе позднему періоду, чѣмъ аналогичныя данныя для исторіи германскихъ и славянскихъ народовъ. Тогда какъ римляне, начиная съ Цезаря и Тацита оставили намъ рядъ свидѣтельствъ объ историческихъ судьбахъ и древнѣйшемъ бытѣ германцевъ тогда какъ церковь, это наслѣдіе античной культуры, въ лицѣ своихъ епископовъ и монаховъ заносила ихъ дальнѣйшія судьбы въ лѣтописи и иныя историческія и біографическія произведенія, тогда какъ и тѣ и другіе такимъ образомъ сохранили намъ сравнительно богатый матеріалъ о такихъ временахъ, которыя безъ этихъ записей оставили бы исключительно слѣдъ въ народныхъ сказаніяхъ и историческихъ пѣсняхъ, греки не имѣли по близости отъ себя со-

сѣдей, которые могли бы позаботиться объ описаніи ихъ быта или о зарегистрированіи хотя бы внѣшнихъ фактовъ изъ исторіи.

Ближайшимъ результатомъ этого факта слѣдуетъ признать, что представленія грековъ о ихъ древнѣйшей исторіи основывались почти исключительно на народныхъ сказаніяхъ и историческихъ пѣсняхъ. Ясно, какъ неудовлетворительно было бы наше знакомство съ древней французской или нѣмецкой исторіей, если бы мы были вынуждены судить о нихъ по пѣснямъ о Роландѣ или по пѣсни о Нибелунгахъ. Грéки между тѣмъ находились именно въ подобномъ положеніи: древнѣйшимъ памятникомъ ихъ собственной исторіи имъ служили Иліада и Одиссея.

"Эпосъ", говоритъ одинъ бельгійскій ученый (Godefroy Kurth, Histoire poétique des Mérovingiens, стр. I-2) "эпосъ у всѣхъ народовъ является примитивной формой исторіи. Это исторія до историковъ, исторія въ томъ видѣ, какъ весь народъ въ цѣломъ ее излагаетъ живой рѣчью, и какъ онъ ее передаетъ изъ устъ въ уста потомкамъ. Онъ /эпосъ/ сохраняетъ лишь то, что поразило воображеніе или заставило сердце биться, и даетъ своимъ слушателямъ лишь картины и впечатлѣнія. Реальные факты лишь постольку имѣютъ для него значеніе, поскольку они соотвѣтствуютъ нѣкоторому положенному въ основаніе всего представленія идеалу, которому факты подчиняются и около котораго они группируются. Подъ вліяніемъ этого идеала разсказъ постепенно отдѣляется отъ тѣхъ реальныхъ явленій, которымъ онъ обязанъ своимъ существованіемъ; онъ стано-

вится самоцѣлью и извлекаетъ все свое дальнѣйшее развитіе изъ своихъ собственныхъ органическихъ /основныхъ/ особенностей. Въ скоромъ времени разсказъ не сохраняетъ другого историческаго элемента, кромѣ великаго имени, съ которымъ связано воспоминаніе о тѣхъ событіяхъ, которыя служатъ предметомъ самаго разсказа; все остальное подверглось передѣлкѣ или добавлено народнымъ геніемъ. Сюжетъ такимъ образомъ быстро подвергается стилизаціи, если позволено заимствовать у археологовъ терминъ, которымъ они обозначаютъ аналогичную, хотя и менѣе глубокую работу въ области искусства, воспроизводящихъ при помощи рисунка внѣшнія формы. Результатомъ этой безсознательной работы народа надъ данными, которыя ему доставляются жизнью, и является то, что мы называемъ эпической поэзіей".

Сложившись постепенно изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ пѣсенъ, соединенныхъ общностью основного сюжета /троянская война и возвращеніе героевъ въ Грецію/, Гомеровскія поэмы представляютъ чрезвычайно сложное по своему происхожденію и составу явленіе. Такъ наряду съ продуктами коллективнаго творчества народа въ нихъ несомнѣнно имѣются продукты личнаго творчества безымянныхъ для насъ пѣвцовъ, невольно перерабатывавшихъ тотъ матеріалъ отдѣльныхъ пѣсенъ и сказаній, изъ которыхъ постепенно сложились извѣстныя намъ поэмы. Съ другой стороны по самому существу своему поэмы содержатъ какъ стилизированные разсказы о поразившихъ народное воображеніе историческихъ фактахъ и явленіяхъ, такъ и этіологическія миѳы,

т.е. сказанія, цѣлью которыхъ является разрѣшеніе какихъ нибудь интересующихъ народъ вопросовъ: не имѣя возможности научно разрѣшить ихъ, народъ, а за нимъ и пѣвцы разрѣшаютъ подобнаго рода вопросы путемъ фантазіи. Сюда относятся напр. вопросы объ общихъ условіяхъ человѣческой жизни среди природы и среди общества, сюда же вопросы о смыслѣ разныхъ сдѣлавшихся непонятными традицій, обрядовъ, учрежденій и т.д.

Въ виду всего сказаннаго ясно, какъ осторожно надо обращаться съ доставляемымъ поэмами матеріаломъ, если пользоваться ими для характеристики греческой жизни соотвѣтственнаго періода, т.е. X-VII вѣка /причемъ Иліада въ общемъ должна быть признана болѣе древней, Одиссея болѣе поздней поэмой/. Мѣстомъ, гдѣ окончательно сложились поэмы, слѣдуетъ признать іонійскіе острова Эгейскаго моря и малоазіатскаго побережья и главнымъ образомъ для нихъ характерны тѣ представленія религіознаго, политическаго, соціальнаго и историческаго характера, которыя лежатъ въ основаніи поэмъ.

Само собою разумѣется, что наряду съ троянскимъ циклomъ существовали и другіе: таковы напр. сказанія о походѣ семи противъ Ѳивъ, сказанія о походѣ Аргонавтовъ за золотымъ руномъ и сказанія о Гераклѣ. Указанія на нихъ мы встрѣчаемъ и въ гомеровскихъ поэмахъ, о содержаніи ихъ мы знаемъ по болѣе позднимъ даннымъ, тѣмъ не менѣе слава всѣхъ ихъ была затемнена Иліадой и Одиссей, этимъ грандіознымъ памятникомъ поэтической дѣятельности передовой части греческаго племени, т.е. іонійцевъ, съ

которыми другіе греки очевидно не могли конкурировать.

Особенная популярность гомеровскихъ поэмъ сказывается между прочимъ въ томъ, что наряду съ Иліадой и Одиссей появился рядъ другихъ поэмъ, обрабатывавшихъ тотъ же самый сюжетъ. Несмотря на то, что и въ этихъ т.наз. киклическихъ поэмахъ содержатся очень древніе элементы, они въ общемъ выработались уже подъ вліяніемъ Иліады и Одиссеи. О содержаніи ихъ мы знаемъ только по болѣе позднимъ даннымъ. Сюда относится напр. поэма о походѣ эеіоповъ, союзниковъ троянцевъ, противъ осаждавшихъ Трою грековъ, а также поэма о взятіи Трои и т.д.

Отличительная особенность всѣхъ этихъ поэмъ заключается въ томъ, что онѣ разсчитаны на развлеченіе слушателей. Ихъ задача заключается въ красивомъ разсказѣ о славныхъ геояхъ минувшихъ дней. Періодъ ихъ расцвѣта совпадаетъ съ періодомъ нераздѣльнаго господства традиціонныхъ взглядовъ, пока мысль еще довольствовалась простыми разсказами, въ которыхъ художественная связь замѣняла логическую и реальную.

По мѣрѣ культурнаго роста народа появляются новые запросы и въ связи съ этимъ измѣняется и характеръ эпоса. "Не развлеченіе и не описаніе теперь стоятъ на первомъ планѣ, а поученіе, стремленіе къ расширенію и углубленію знанія. Міровая и этическая спекуляція, которыя въ старомъ эпосѣ, какъ во всякомъ разсказѣ представляли лишь добавленіе, выступаютъ впередъ, субъективное настроеніе требуетъ себѣ непосредственнаго выраженія." (Meyer, G. d. A. 2, 414).

Типичнымъ представителемъ этого направленія можно признать Гезіода. /не позже 700 г./

Для насъ въ данномъ случаѣ особенно интересно лишь та сторона этого движенія, которая выражается въ стремленіи систематизировать данныя эпоса. Эпосъ самъ становится предметомъ изученія: необходимо выяснить взаимныя отношенія боговъ, устранить противорѣчія, установить связь между миѳическимъ прошлымъ и настоящимъ. Само собой разумѣется, что цѣль достигается самымъ примитивнымъ образомъ, путемъ установленія генеалогическихъ таблицъ боговъ, царей, аристократическихъ родовъ и цѣлыхъ народностей. Генеалогическая послѣдовательность должна замѣнить не только хронологическую, но и генетическую связь. Вотъ почему произведенія этого рода объединяются подъ названіемъ генеалогической поэзіи, хотя поэтическій характеръ имъ придаетъ только форма /гекзаметръ/, тогда какъ ихъ содержаніе не имѣетъ ничего общаго съ поэзіей.

Какъ ни примитивны основные взгляды, лежащіе въ основаніи этой "поэзіи", во всякомъ случаѣ она служитъ проявленіемъ первыхъ попытокъ историческаго освѣщенія прошлаго, и именно изъ нея выросла греческая исторіографія послѣдующаго времени. Съ VI вѣка опять таки среди малоазіатскихъ іонійцевъ изъ генеалогической поэзіи возникаетъ рядъ работъ такъ наз. миѳографовъ и логографовъ. Внѣшнимъ образомъ ихъ работы отличаются отъ работъ ихъ предшественниковъ уже тѣмъ, что они замѣняютъ поэтическую форму гекзаметра прозаической. Но это внѣшнее отличіе является только отраженіемъ гораздо болѣе глубокаго,

внутренняго. Представители генеалогической поэзіи желали систематизировать данныя эпоса, но сами по себѣ эти данныя принимались ими безусловно на вѣру въ томъ именно видѣ, какъ ихъ изображалъ эпосъ. Миѳографы УІ и У вѣка стоятъ на совсѣмъ иной точкѣ зрѣнія: исполненные раціонализма, выросшаго на почвѣ культурнаго расцвѣта іонійскихъ городовъ, они принципіально устраняютъ чудесный элементъ, т.е. вмѣшательство боговъ въ дѣла людей. Типичнымъ представителемъ этого направленія является Гекатей Милетскій /начало УІ вѣка/. Цѣль его заключается въ выработкѣ хронологической схемы прошлаго развитія, а достигается она на основаніи генеалогическихъ данныхъ, причемъ въ основу счисленія положенъ взглядъ, что поколѣніе соотвѣтствуетъ періоду времени въ 40 лѣтъ. Матеріалъ для всей работы опять таки даетъ эпосъ, къ которому въ иныхъ случаяхъ дѣлаются добавленія изъ ближайшихъ къ Гекатею временъ. Вмѣстѣ съ "историческими" данными эпоса подвергаются изученію и его географическія данныя, до крайности расширенныя благодаря торговому развитію малоазіатскихъ городовъ и тотъ же Гекатей является авторомъ перваго описанія извѣстныхъ грекамъ его времени странъ, тогда какъ его современникъ Анаксимандръ составляетъ первую карту земли.

Вліяніе Гекатея на его время было очень значительно и онъ нашелъ многочисленныхъ продолжателей, отчасти подвергавшихъ данныя эпоса все новымъ обработкамъ, отчасти приступившимъ къ разработкѣ мѣстной исторіи /хорографы/,

отчасти излагавшимъ исторію ближайшихъ азіатскихъ народовъ, напр. персовъ и мидійцевъ.

Наряду съ эпосомъ при этомъ начали пользоваться и другимъ матеріаломъ, отчасти болѣе достовѣрнаго характера. Сюда относятся первые списки годовыхъ магистратовъ разныхъ греческихъ городовъ, списки побѣдителей на разныхъ болѣе или менѣе популярныхъ играхъ, наконецъ списки предковъ аристократическихъ родовъ. Письменность начала распространяться среди грековъ въ VIII вѣкѣ и согласно съ этимъ повидимому существовали списки спартанскихъ эфоровъ съ $75^{5}/_{4}$, списки аѳинскихъ архонтовъ $68^{2}/_{1}$ года, списки олимпіоникovъ быть можетъ съ 776 года, списки побѣдителей на спартанскихъ карнейскихъ играхъ съ 676-3 г. списки побѣдителей на пиѳійскихъ, исѳмійскихъ и немейскихъ играхъ съ первой половины VI вѣка. Само собой разумѣется, что эти данныя имѣли чисто внѣшній характеръ, тѣмъ не менѣе онѣ должны были имѣть большое значеніе при выработкѣ хронологическихъ данныхъ.

Кромѣ этихъ списковъ и въ связи съ ними быть можетъ существовали и мѣстныя лѣтописи, содержавшія разумѣется лишь самыя скудныя данныя да и то не ранѣе VI вѣка, но тѣмъ не менѣе дававшія болѣе твердый базисъ для возстановленія дѣйствительной исторіи соотвѣтственныхъ городовъ.

Не меньшее значеніе несомнѣнно имѣли устныя преданія о послѣднихъ временахъ, или по крайней мѣрѣ о тѣхъ событіяхъ и лицахъ, которыя обратили на себя особенное вниманіе общества. Сюда относятся воспоминанія малоазіатскихъ грековъ о мидійскомъ царствѣ начиная съ Гигеса и

о Псамметихѣ /около 650 г./, сюда данныя о тиранахъ VI вѣка, рано подвергшіяся стилизаціи и романической обработкѣ. Нѣкоторый немаловажный матеріалъ, наконецъ, доставляли произведенія лирическихъ поэтовъ VII и VI вѣка, Архилоха, Алкея, Солона и т.д.

Расширеніе матеріала и извлеченныя изъ его изученія данныя въ свою очередь вызвали переработку всей системы Гекатея, однимъ изъ выраженій которой является измѣненіе въ представленіи о продолжительности поколѣнія /30 вмѣсто 40 лѣтъ/, а такъ какъ продолжительность поколѣнія лежитъ въ основаніи всей хронологической системы, то изъ этого непосредственно слѣдуетъ, что вся хронологическая система Гекатея подверглась существенному видоизмѣненію.

Изъ всего хода развитія греческихъ представленій объ историческомъ прошломъ ихъ народа ясно видно, какъ мало довѣрія заслуживаютъ ихъ разсказы. Только упомянутые списки и преданія о ближайшихъ къ VI вѣку временахъ — дальше 630 года они почти нигдѣ не простираются — при осторожномъ обращеніи съ ними могутъ дать нѣкоторый серіозный матеріалъ. Все, что разсказывается о болѣе раннихъ временахъ, основано на эпосѣ и на попыткахъ объяснить происхожденіе исторически данныхъ учрежденій и традицій /этіологическіе миѳы/. Сюда относится напр. все, что позднѣйшіе авторы разсказываютъ о Ликургѣ.

Вдобавокъ нужно замѣтить, что вся богатая литература VI и V вѣка для насъ погибла или сохранилась лишь въ скудныхъ обрывкахъ у позднѣйшихъ писателей. То, что намъ

сообщаютъ эти позднѣйшіе писатели, въ сущности позволяетъ намъ только прослѣдить въ общихъ чертахъ ходъ развитія греческой мысли и выяснить научную неудовлетворительность ихъ разсказовъ и изысканій. Но и это ужъ очень важный результатъ: по крайней мѣрѣ мы знаемъ, какъ относиться къ ихъ собственнымъ разсказамъ о дорійскомъ нашествіи, о Ликургѣ, объ основаніи греческихъ колоній и т.д.

Первое дошедшее до насъ греческое историческое сочиненіе принадлежитъ перу Геродота Галикарнасскаго /около 430 г./: своимъ сохраненіемъ оно обязано какъ интересу своего сюжета для каждаго грека, такъ и художественной простотѣ своего изложенія. Въ отличіе отъ другихъ логографовъ /разсказчиковъ событій/ Геродотъ не занимается древнѣйшей исторіей своего народа, которой онъ посвящаетъ только рядъ экскурсовъ, а даетъ разсказъ о національной борьбѣ грековъ съ мидійцами и особенно съ персами, т.е. посвящаетъ его дѣяніямъ послѣднихъ поколѣній и въ связи съ этимъ излагаетъ результаты тѣхъ наблюденій и разысканій, которыя онъ произвелъ во время своихъ продолжительныхъ путешествій въ предѣлахъ почти всего извѣстнаго грекамъ міра. Заканчивается его изложеніе 479-8 годомъ, т.е. освобожденіемъ большинства малоазіатскихъ грековъ отъ персидскаго владычества и изъ одного этого уже ясно, что самъ Геродотъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ событій, которыя онъ описываетъ. Его разсказъ основанъ на народномъ преданіи и воспоминаніяхъ отдѣльныхъ лицъ, т.е. опять таки очень далекъ отъ документальной точности и естественно отличается прославленіемъ грековъ

вообще и аѳинянъ въ частности. Тѣмъ не менѣе основныя линіи великихъ событій начала У вѣка, разумѣется, еще не успѣли стереться и Геродотъ является самымъ цѣннымъ свидѣтелемъ о событіяхъ какъ этой эпохи, такъ и всей эпохи, о которой у грековъ вообще сохранились сколько нибудь отчетливыя историческія воспоминанія /иначе говоря о времени послѣ 630 г./. Самъ онъ, повидимому, сознавалъ, какъ опасно довѣряться народному преданію, и мѣстами замѣчаетъ, что самъ не вѣритъ всему, что разсказываетъ, а мѣстами пускаетъ въ ходъ наивную раціоналистическую критику, но въ общемъ онъ просто передаетъ все, что онъ слышалъ какъ отъ грековъ, такъ и отъ варваровъ, среди коихъ онъ придаетъ особенное значеніе египтянамъ и ихъ вліянію на греческую культуру. Самымъ слабымъ пунктомъ въ его изложеніи /помимо отсутствія систематической критики/ является хронологія, къ которой онъ въ общемъ весьма безучастенъ.

Первое историческое сочиненіе, посвященное эпохѣ современной автору, принадлежитъ Ѳукидиду, наиболѣе выдающемуся историку античнаго міра. Посвятивъ свое сочиненіе Пелопонисской войнѣ, онъ вполнѣ сознательно отбросилъ все то, что разсказывали миѳографы и логографы, опредѣленно высказалъ свое недовѣріе къ устному народному преданію и въ краткомъ очеркѣ /кн. I, гл. I-2I/ изобразилъ общій ходъ греческой исторіи, руководясь аналогіями современной ему жизни и внутренней вѣроятности. Несмотря на рядъ ошибокъ, его очеркъ древней греческой исторіи вполнѣ заслуживаетъ признанія его "одной изъ

удивительнѣйшихъ манифестацій человѣческаго духа". Изложеніе Пелопонисской войны, огромное значеніе которой онъ сразу оцѣнилъ, покоится у него на чрезвычайно богатомъ и тщательно собранномъ матеріалѣ, но къ сожалѣнію военно-дипломатическія событія почти совершенно заслоняютъ внутреннюю жизнь, а кромѣ того сочиненіе доведено только до 4I0 года, такъ что не даетъ полной картины всей войны. Во всякомъ случаѣ съ 43I /приблизительно/ года мы впервые въ греческой исторіи имѣемъ дѣло съ современнымъ событіямъ изложеніемъ. Все предшествующее развитіе дошло до насъ лишь постольку, поскольку оно прошло сквозь народное преданіе, или поскольку оно сохранилось благодаря скуднымъ документальнымъ памятникамъ, использованнымъ еще греками или дошедшими до насъ.

Дальнѣйшее развитіе греческой исторіографіи идетъ по двумъ разнымъ путямъ. Одни писатели сосредоточиваютъ свое вниманіе на современной имъ или ближайшей къ нимъ эпохѣ /напр. Ксенофонтъ и Полибій/, не обращая вовсе вниманія на древнѣйшую исторію или касаясь ее только въ экскурсахъ. Другіе наоборотъ стремятся дать картину всего развитія греческаго народа. О первыхъ намъ впослѣдствіи еще неоднократно придется говорить. Типичнымъ представителемъ вторыхъ можетъ быть названъ писатель IУ вѣка, Эфоръ. И онъ, правда, отказывается отъ изображенія чисто миѳической эпохи, но зато онъ считаетъ возможнымъ дать связную исторію грековъ, начиная съ дорійскаго нашествія и заполнивъ такимъ образомъ время отъ XII до УII вѣка. Матеріаломъ, разумѣется, служитъ народное преданіе, которое толкуется раціоналистически и

вводится въ хронологическія рамки. Несмотря на то, что онъ теоретически признаетъ необходимость критическаго отношенія къ матеріалу, онъ на практикѣ, какъ вся эта эпоха, колеблется между вѣрой и сомнѣніемъ и такъ какъ онъ при этомъ всецѣло исходитъ изъ представленій и фактовъ своего времени, потерявшаго всякую реальную связь съ древнѣйшимъ бытомъ, то выводы его въ общемъ имѣютъ крайне субъективный и ненаучный характеръ. Тѣмъ не менѣе и несмотря на сильную примѣсь реторическихъ элементовъ его изложеніе пріобрѣло громадное вліяніе на послѣдующую эпоху. Именно вслѣдствіе этого мы и можемъ судить о характерѣ погибшаго сочиненія Эфора: довольно значительные отрывки изъ него дошли до насъ напр. у Діодора, Страбона и другихъ писателей временъ римской имперіи.

Отъ остальной исторической литературы эллинистической эпохи до насъ дошли лишь скудные обрывки. Работа этой эпохи была главнымъ образомъ направлена на спеціальные вопросы /исторія литературы, учрежденій, исторія отдѣльныхъ государствъ, спеціальное филологическое изученіе Гомера и т.д./ и на хронологію. Именно въ это время Тимей /нач. III вѣка/ ввелъ лѣтосчисленіе по олимпіадамъ, съ которыми онъ согласовалъ другія хронологическія данныя, а Эритосѳенъ /ок. 220г./ создалъ ту хронологическую систему, которая впослѣдствіи пріобрѣла каноническое значеніе и по которой завоеваніе Трои относится къ 1184, дорійское нашествіе къ 1104, іонійское переселеніе къ 1044, а эпоха Ликурга къ 885 году.

Вся эта богатая литература почти цѣликомъ погибла и только большія компиляціи римскаго времени /Діодора, Страбона, Плинія, Геллія, Аеинея, Поліена, Стефана Византійскаго/, біографіи Плутарха, описаніе Греціи Павсанія и христіанская хроника Евсевія сохранили намъ часть ея выводовъ и взглядовъ. /Ср. *Wachsmuth, Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Leipzig. 1895.*/

О большинствѣ изъ этихъ писателей намъ дальше еще придется говорить. Здѣсь достаточно отмѣтить общіе выводы, къ которымъ насъ приводитъ разсмотрѣніе общаго хода развитія греческой исторіографіи. Они могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

I/До начала пелопоннисской войны /43I г./ мы не имѣемъ современнаго излагаемымъ событіямъ разсказа о развитіи греческаго народа.

2/Всѣ /или точнѣе почти всѣ/ данныя о развитіи греческаго народа до пелопоннисской войны опираются на народное преданіе и воспоминанія отдѣльныхъ лицъ. Среди всего сообщаемаго древними авторами относительно этой эпохи матеріала можно различать три группы преданій:

а/преданія о персидскихъ войнахъ: они записаны лѣтъ 40-50 послѣ персидскихъ войнъ и по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ сохранили достаточно отчетливое представленіе о значеніи и ходѣ войны.

в/полуисторическія преданія о непосредственно предшествующей эпохѣ: они выходятъ не далѣе 630 г. въ собствен-

---

Ген. Гос. Ун-т
Научная Библиотека
им. Горького

ной Греціи, не далѣе 660 г. въ Малой Азіи, но уже успѣли подвергнуться значительной переработкѣ. Какъ и преданія о персидскихъ войнахъ они однако уже въ древности были восполнены документальными данными /спи*с*ки должностныхъ лицъ, законодательные памятники, отдѣльныя надписи/ и свидѣтельствомъ современныхъ событіямъ поэтовъ /напр. Солона/.

с/эпическое преданіе, въ которомъ почти или совершенно невозможно выдѣлить историческіе элементы.

Въ результатѣ ясно, что обладай современный изслѣдователь только этими данными, онъ едва ли могъ бы начать исторію греческаго народа раньше У вѣка. Къ счастью мы располагаемъ не только разсказами греческихъ историковъ, но и цѣлымъ рядомъ другихъ данныхъ. Весьма большое значеніе въ этомъ смыслѣ имѣютъ:

2. Другія литературныя данныя историческаго характера. На первомъ планѣ здѣсь стоятъ дошедшія до насъ:

а/Памятники греческой поэзіи. О значеніи гомеровскихъ поэмъ мы уже говорили. Какъ бы осторожно не приходилось пользоваться Иліадой и Одиссеей, во всякомъ случаѣ поэмы даютъ все-таки въ высшей степени цѣнный матеріалъ. Уже сложность, лежащаго въ ихъ основаніи міросозерцанія, свидѣтельствуетъ о сравнительно значительномъ культурномъ уровнѣ создавшаго ихъ общества, а слѣдовательно и о значительной продолжительности предшествующаго развитія греческаго народа и хотя данныя эпоса ближайшимъ образомъ и характеризуютъ бытъ іонійскихъ областей Малой Азіи, все же они въ соединеніи съ другими данными позволяютъ

сдѣлать и болѣе общія заключенія и по необходимости всегда будутъ служить базисомъ нашихъ предстaвленій о религіозной, умственной, политической, соціальной и экономической жизни создавшей ихъ эпохи.

Весьма большое значеніе далѣе имѣютъ, какъ уже раньше замѣчено, сочиненія, приписываемыя Гезіоду, и сохранившіеся отрывки лирической поэзіи грековъ. Независимо отъ того, что ихъ рѣзко индивидуальный характеръ свидѣтельствуетъ о разложеніи традиціонной жизни эпической Греціи, они содержатъ рядъ важныхъ данныхъ для всей политической и соціальной исторіи грековъ: такъ произведенія Алкея и особенно Феогниса вводятъ насъ въ страстную борьбу аристократіи съ демократіей и съ тираніей и знакомятъ насъ съ политическими взглядами аристократовъ, такъ элегіи Солона раскрываютъ намъ смыслъ его реформъ и т.д.

Для пониманія греческой, въ частности аѳинской жизни У и начала IУ вѣка, имѣютъ затѣмъ громадное значеніе произведенія Эсхила, Софокла и Эврипида съ одной, произведенія Аристофана и другихъ комиковъ съ другой стороны. Какъ бы много не погибло изъ ихъ произведеній, во всякомъ случаѣ и оставшагося достаточно для того, чтобы пополнить собственно историческій матеріалъ несцѣнимыми данными.

Аналогичное значеніе имѣютъ наконецъ и тѣ, впрочемъ, очень скудные остатки, которые дошли до насъ отъ позднѣйшей поэтической литературы грековъ.

в/Весьма велико также значеніе дошедшихъ до насъ рѣчей греческихъ, точнѣе аѳинскихъ ораторовъ. И здѣсь очень многое погибло, но все-таки мы имѣемъ часть рѣчей всѣхъ

десяти классическихъ ораторовъ У и IУ вѣковъ и такъ какъ дошедшія до насъ рѣчи относятся какъ къ государственнымъ, такъ и къ частнымъ дѣламъ, то они даютъ намъ массу данныхъ не только для внѣшней, но и для внутренней исторіи Аѳинъ, да и Греціи вообще.

с/Произведенія греческихъ философовъ, особенно Платона и Аристотеля, и публицистическія произведенія IУ вѣка /напр. о лакедемонскомъ и объ аѳинскомъ государствѣ/, также содержитъ много цѣннаго матеріала для исторіи внутренняго развитія греческихъ государствъ и особенно Аѳинъ и для исторіи политическихъ теченій и идей. Особенно большое значеніе имѣетъ въ частности недавно открытое аристотелевское сочиненіе объ аѳинскомъ государствѣ.

d/Независимо отъ этого философская литература наряду съ сочиненіями по спеціальнымъ отраслямъ знанія даютъ намъ богатый матеріалъ для возстановленія умственнаго развитія греческаго народа.

Несмотря на весь этотъ сравнительно богатый матеріалъ наши свѣдѣнія по многимъ вопросамъ греческой исторіи, въ частности внутренней исторіи греческихъ государствъ, были бы крайне скудны и отрывочны, если бы намъ не пришли на помощь:

II. Данныя эпиграфики, нумизматики и папирологіи. Для древнѣйшей исторіи греческаго народа до УII вѣка эти данныя правда непосредственно ничего не даютъ. Ни одна изъ извѣстныхъ намъ греческихъ надписей не можетъ быть отнесена къ болѣе раннему времени, чѣмъ УII вѣкъ; да и монеты УII вѣка почти всѣ не имѣютъ надписей. Особенное

значеніе онѣ /главнымъ образомъ надписи/ пріобрѣтаютъ съ половины У вѣка. Полагаютъ, что ихъ постоянно увеличивающееся число возросло съ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка отъ 7000 до 40000.

I/Значеніе, которое надписи имѣютъ для современныхъ изслѣдователей греческой исторіи, объясняется тѣмъ, что "все, что въ послѣдніе вѣка доводится до всеобщаго свѣдѣнія путемъ печати, въ наши дни путемъ газетъ, оффиціальныхъ изданій и т.д., все равно относится ли оно къ государственнымъ, богослужебнымъ или частнымъ дѣламъ, а также и сверхъ того многое, что въ настоящее время только фиксируется на бумагѣ, все это въ античныя времена врѣзывалось въ металлъ, мраморъ или камень и выставлялось на площадяхъ, улицахъ и т.д. городовъ". При такихъ условіяхъ понятно, что надписи сохранили намъ массу свѣдѣній не только о всякаго рода постановленіяхъ и актахъ въ честь боговъ и храмовъ, но и международныхъ договорахъ, о законодательныхъ актахъ общаго или частнаго характера, о постановленіяхъ народныхъ собраній и городскихъ совѣтовъ, объ оффиціальной международной перепискѣ и т.д. Сюда же относятся въ высшей степени важные отчеты должностныхъ лицъ особенно по финансовымъ дѣламъ, акты о передачѣ верфей и казначействъ съ подробнымъ инвентаремъ, списки должностныхъ лицъ, павшихъ на войнѣ гражданъ, списки добровольныхъ взносовъ гражданъ въ пользу государства и т.д. и т.д.

Весьма естественно, что особенно большое значеніе надписи имѣютъ для выясненія внутренняго строя государствъ, особенно аѳинскаго, для области права, финансовъ, упра-

вленія и культа, а также для изученія частной жизни; тѣмъ не менѣе они содержатъ непосредственно или косвенно немало матеріала и для внѣшней исторіи. Въ виду этого вполнѣ понятно, какое громадное значеніе ихъ систематическое изученіе имѣло для исторіи греческаго народа: для примѣра замѣчу только, что почти всѣ наши свѣдѣнія о государственномъ хозяйствѣ Аѳинъ основываются на надписяхъ.

2/Важную роль по цѣлому ряду вопросовъ имѣютъ далѣе монеты, особенно какъ показатель экономическаго развитія, какъ свидѣтельство о торговыхъ сношеніяхъ, далѣе для политической исторіи /только суверенныя государства чеканятъ монету/ и для хронологіи. /Подробнѣе см. Wachsmuth, ук. соч. стр. 270 сл./

3/Для эллинистической и римской эпохи наконецъ имѣетъ громадное значеніе литература папирусовъ, изученіе которыхъ дало богатѣйшій матеріалъ для исторіи эллинистическихъ государствъ. Въ связи съ послѣдней намъ еще придется остановиться на нихъ.

Какъ бы однако не было велико значеніе надписей, монетъ и папирусовъ для исторіи Греціи, всѣ они, какъ видно, относятся лишь къ сравнительно позднимъ или совсѣмъ позднимъ временамъ ея исторіи, и если мы въ настоящее время имѣемъ возможность указать общія черты греческаго развитія до VII вѣка и до гомеровскихъ поэмъ, то мы этимъ обязаны тому обстоятельству, что намъ стали доступны:

III. Данныя археологическія. Особенно со времени знаменитыхъ раскопокъ Шлимана въ Троѣ, Микенахъ, Тиринѳѣ и Орхоменѣ цѣлый рядъ отдѣльныхъ ученыхъ и ученыхъ учрежде-

ній разныхъ европейскихъ націй продолжаютъ разслѣдованіе древнихъ греческихъ городовъ въ предѣлахъ собственной Греціи, западной части Малой Азіи, острововъ Эгейскаго моря и Кипра. Результатомъ этихъ работъ является громадная масса археологическаго матеріала, дающая возможность прослѣдить съ значительной точностью ходъ развитія памятниковъ быта народовъ, населяющихъ бассейнъ Эгейскаго моря. Найдена масса каменныхъ, мѣдныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ орудій и оружій, глиняные сосуды, вазы, разнаго рода фигуры, украшенія и т.д. и, что самое важное, оказалось возможнымъ установить послѣдовательный ходъ развитія всѣхъ этихъ предметовъ отъ грубѣйшихъ до сравнительно болѣе совершенныхъ формъ. Главнымъ критеріемъ независимо отъ большаго или меньшаго совершенства найденныхъ предметовъ при этомъ служитъ то обстоятельство, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ /напр. въ Троѣ и въ Аѳинахъ/ удалось открыть въ одномъ и томъ же мѣстѣ рядъ лежащихъ другъ надъ другомъ пластовъ съ остатками отъ соотвѣтственнаго данному пласту поселенія, причемъ оказалось 1/что чѣмъ ниже /т.е. древнѣе/ пластъ, тѣмъ грубѣе сохранившіеся въ немъ остатки и 2/что остатки древнѣйшихъ пластовъ одной мѣстности также соотвѣтствуютъ остаткамъ древнѣйшихъ пластовъ другой мѣстности, какъ остатки послѣдующихъ пластовъ, найденныя опять таки въ разныхъ мѣстахъ.

Но если археологическія данныя такимъ образомъ позволяютъ прослѣдить съ увѣренностью общій ходъ развитія населенія бассейна Эгейскаго моря отъ каменнаго до желѣзнаго вѣка, то съ другой стороны они страдаютъ двумя въ

высшей степени существенными недостатками. А именно, они сами по себѣ не даютъ и не могутъ дать никакого отвѣта ни на вопросъ объ этнографическомъ составѣ того населенія, остатки жизни и дѣятельности котораго изучаетъ археологія, ни на вопросъ, къ какому времени относятся отдѣльныя стадіи развитія этихъ остатковъ. Дальше намъ еще придется вернуться къ этому вопросу. Здѣсь замѣтимъ только, что указанные недостатки археологическаго матеріала отчасти способны восполнить

IУ. Данныя египтологіи. Дѣло въ томъ, что среди археологическихъ памятниковъ бассейна Эгейскаго моря встрѣчаются памятники египетскаго искусства, время происхожденія которыхъ можетъ быть опредѣлено съ достаточной точностью, а съ другой стороны и среди египетскихъ памятниковъ соотвѣтственной эпохи находятся преметы, происхожденіе которыхъ изъ бассейна Средиземнаго моря, повидимому, не можетъ подлежать сомнѣнію. Независимо отъ этого рядъ ученыхъ /и среди нихъ такой выдающійся, какъ *Meyer*/ считаютъ возможнымъ утверждать, что на нѣкоторыхъ египетскихъ памятникахъ 2 половины II тысячелѣтія до Р.Хр. прямо упоминаются нѣкоторыя изъ греческихъ народностей.

Помимо этихъ, впрочемъ очень рѣдкихъ, прямыхъ данныхъ данныя египтологіи и ассиріологіи кромѣ того имѣютъ значеніе потому, что даютъ возможность установить картину жизни и культуры передней Азіи и сѣверо-восточной Африки въ такія времена, когда греческая жизнь подвергалась ихъ вліянію.

Во всякомъ случаѣ и эти данныя однако не даютъ намъ отвѣта на вопросъ о происхожденіи и прародинѣ греческаго

народа. Поскольку на этотъ вопросъ вообще можно отвѣтить, отвѣтъ даютъ:

У. Данныя лингвистическія. Сравнительное языковѣдѣніе, какъ извѣстно, установило близкое родство языковъ индоевропейской расы и путемъ изученія ихъ языковъ въ извѣстной степени выяснило, какъ вопросъ о прародинѣ, такъ и вопросъ о древнѣйшей культурѣ индоевропейскаго народа. (Cp. Schrader, Reallexicon der indogermanischen Alterthümer).

Независимо отъ этого въ высшей степени замѣчательнаго результата сравнительнаго изученія всѣхъ индоевропейскихъ языковъ, изученіе греческаго языка и его діалектовъ дало возможность придти къ научнымъ представленіямъ о взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ греческихъ племенъ и народностей.

Таковы тѣ источники, на основаніи которыхъ въ настоящее время дѣлаются попытки возстановить исторію греческаго народа. Какъ видно, всякое изложеніе греческой исторіи стоитъ на болѣе или менѣе твердой почвѣ только начиная съ VII-VI вѣка и только съ V вѣка мы обладаемъ вполнѣ удовлетворительнымъ матеріаломъ. При возстановленіи предшествующаго развитія мы не имѣемъ возможности обойтись безъ болѣе или менѣе рискованныхъ комбинацій и гипотезъ и этимъ объясняются многочисленныя разногласія ученыхъ, когда они дѣлаютъ попытки разрѣшить хотя бы крупнѣйшіе вопросы древнѣйшей исторіи Греціи. Здѣсь въ настоящее время еще очень многое, если не все, подвержено со-

мнѣніямъ и никакое изложеніе этой эпохи не можетъ претендовать на строгую научность. Стоитъ только просмотрѣть одно изъ послѣднихъ сочиненій, посвященныхъ исторіи греческаго народа — греческую исторію Белоха, — чтобы убѣдиться, что даже такіе факты, которые всегда считались несомнѣнными, какъ напр. дорійское нашествіе — могутъ быть оспариваемы безусловно выдающимся ученымъ. Съ вытекающей отсюда условностью всѣхъ нашихъ выводовъ такимъ образомъ приходится безусловно считаться.

I. Древнѣйшая исторія.

Греки до поселенія на Балканскомъ полуостровѣ намъ извѣстны только по даннымъ сравнительнаго языковѣдѣнія /ср. Schrader, Reallexicon der indogermanischen Alterthümer; Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache/. Изученіе языковъ индусовъ, иранцевъ, грековъ, италиковъ, кельтовъ, германцевъ, славянъ и литовцевъ доказало, что всѣ эти языки несмотря на существенныя различія обладаютъ цѣлымъ рядомъ коренныхъ общихъ чертъ. Единственное объясненіе этого факта только и можетъ заключаться въ предположеніи, что праотцы всѣхъ этихъ народовъ нѣкогда жили въ одной и той же мѣстности и говорили на одномъ и томъ же языкѣ, одинаково понятномъ для всѣхъ даже въ томъ случаѣ, если и тогда уже существовали зачатки діалектическихъ особенностей, изъ которыхъ уже постепенно развились совершенно обособленные языки.

Народы, праотцы которыхъ говорили на этомъ языкѣ, — къ числу ихъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, принадлежатъ еще армяне, фригійцы, фракійцы и иллирійцы, нынѣ погибшіе

или сильно видоизмѣнившіеся -- обыкновенно объединяются подъ названіемъ "индоевропейской расы". Если подъ расой подразумѣвать группу вполнѣ однородныхъ по своему антропологическому типу народностей, то это обозначеніе должно быть признано неточнымъ. Ни лингвистика ни соматическая антропологія не располагаютъ по крайней мѣрѣ въ настоящее время безспорными данными, на основаніи которыхъ мы могли бы утверждать, что общность индоевропейскаго праязыка непремѣнно свидѣтельствуетъ объ антропологическомъ единствѣ тѣхъ мелкихъ народностей, которыя выработали этотъ праязыкъ и говорили на немъ /Ср. Schrader, I, 459 сл./

Въ данномъ случаѣ для насъ этотъ вопросъ впрочемъ и неваженъ. Для насъ особенно важно то, что сравнительное языковѣдѣніе намъ можетъ дать относительно культурнаго состоянія грековъ въ эпоху праязыка и относительно древнѣйшаго мѣстожительства греческаго народа.

Что касается послѣдняго вопроса, то современная лингвистика почти единодушно /ср. Schrader, т.II, стр.878 сл./ признаетъ прародиной индоевропейцевъ южнорусскія степи, откуда они затѣмъ разселились главнымъ образомъ вѣроятно подъ давленіемъ нужды. Относительно литовцевъ, сохранившихъ въ своемъ языкѣ наиболѣе архаическія черты, нѣкоторые ученые считаютъ возможнымъ утверждать, что они жили на юговосточномъ берегу Балтійскаго моря еще около 5000 г. до Р.Хр. Они и наиболѣе близкіе къ нимъ славяне остались такимъ образомъ ближе всего къ прародинѣ. Остальныя племена постепенно заселили такія громадныя пространства, что совершенно утратили связь между собою, въ силу чего естественно совершенно отдѣлились другъ отъ друга и ихъ

языки. Такъ иранцы и индусы черезъ среднеазіатскія степи проникли въ закаспійскую область и отдѣлившись другъ отъ друга заняли съ одной стороны /черезъ долину Кабула/ Индію, съ другой стороны Иранъ. Ближайшіе ихъ родичи сарматы, еракійцы, фригійцы и армяне отчасти /сарматы/ остались въ южнорусскихъ и среднеазіатскихъ степяхъ, отчасти проникли на Балканскій полуостровъ /еракійцы и родственныя съ ними племена гетовъ и даковъ/, отчасти черезъ Балканскій полуостровъ прошли въ Малую Азію /фригійцы, армяне/. Вмѣстѣ съ еракійцами /но раньше ихъ/ поселились на Балканскомъ полуостровѣ греки и на сѣверозападѣ иллирійцы; Апеннинскій полуостровъ заняли италики, западную и центральную Европу кельты и германцы.

О времени этихъ передвиженій мы ничего не знаемъ. Въ частности переселеніе грековъ совершилось настолько рано, что ко времени гомеровскихъ поэмъ о немъ не сохранилось уже рѣшительно никакихъ воспоминаній.

Не сохранилось, разумѣется, никакихъ воспоминаній и о бытѣ греческаго народа до и во время его переселенія. Данныя языка по словамъ Шрадера /II,824 сл./ заставляютъ заключить, что пранародъ находился на уровнѣ неолитической культуры.

Дѣло въ томъ, что доисторической археологіи удалось установить, что развитіе доисторическаго населенія Европы прошло черезъ нѣсколько достаточно опредѣленно отличающихся другъ отъ друга періодовъ, которые по матеріалу, изъ котораго въ теченіе каждаго изъ нихъ приготовлялись орудія и оружія, называются каменнымъ, бронзовымъ и желѣзнымъ вѣкомъ. /См. Hoernes, Urgeschichte des Menschen/.

Каменный вѣкъ въ свою очередь подраздѣляется на два большихъ періода: палеолитическій /или древнекаменный/ и неолитическій /или новокаменный/. Внѣшнимъ образомъ они отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что въ теченіе перваго орудія и оружія изготовляются изъ неполированныхъ, во время второго изъ полированныхъ камней, наряду съ которыми встрѣчается уже и мѣдь.

Слѣды древнекаменнаго быта /во Франціи, Бельгіи и южной Англіи, Испаніи и Португаліи, въ средней Германіи, Австріи и Италіи/ вмѣстѣ съ тѣмъ являются древнѣйшими слѣдами человѣческихъ поселеній въ западной Европѣ. Геологически они относятся къ послѣднему междуледниковому и къ послѣднему ледниковому періоду /предположенія о болѣе раннихъ слѣдахъ человѣка пока повидимому не могутъ быть признаны научно доказанными, ср. *Ranke, der Mensch*, т.II, стр.502 сл./ т.е. къ очень давнему времени, для хронологическаго опредѣленія котораго у насъ къ сожалѣнію нѣтъ данныхъ, но которое во всякомъ случаѣ отстоитъ отъ нашего времени на много десятковъ тысячъ лѣтъ. /Ср. *Neumayr, Erdgeschichte*, т.II, стр.649 сл./ Культура этой по всему вѣроятію весьма продолжительной эпохи отличается крайней примитивностью: въ теченіе ея населеніе Европы еще не знало ни скотоводства /даже собака еще не была приручена/, ни земледѣлія, а жило охотой и рыболовствомъ, не имѣло домовъ или хижинъ, а жило подъ открытымъ небомъ или въ пещерахъ, не имѣло сосудовъ, не умѣло ни ткать ни прясть и изготовляло немногія орудія и оружія изъ неполированнаго камня.

Неолитическая культура стоитъ неизмѣримо выше палеолитической, причемъ необходимо отмѣтить, что нигдѣ не были найдены слѣды переходной эпохи.

Особенности неолитической эпохи могутъ быть опредѣлены слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, животный и растительный міръ ея опредѣленно отличается отъ палеологической эпохи, въ теченіе которой человѣкъ жилъ въ западной Европѣ совмѣстно съ мамонтомъ, слономъ, носорогомъ, гиппопотамомъ, пещернымъ медвѣдемъ, пещернымъ львомъ, гіеной, пантерой, леопардомъ, зубромъ, мускуснымъ быкомъ и сѣвернымъ оленемъ среди сначала ледниковой, затѣмъ степной, наконецъ лѣсной растительности. Послѣдняя является характерной для неолитической эпохи, среди которой нѣтъ болѣе мѣста ни для мамонта, ни для сѣвернаго оленя, ни цѣлаго ряда другихъ представителей предыдущаго періода.

Во-вторыхъ, населеніе этой эпохи знакомо какъ съ скотоводствомъ, такъ и съ земледѣліемъ, оно успѣло приручить собаку, вола, овцу и козу, разводитъ три разныхъ сорта пшеницы, два сорта ячменя и проса, но не знаетъ ни ржи ни овса, разводитъ также ленъ, но не знаетъ конопли, знаетъ горохъ, но не знаетъ ни бобовъ ни чечевицы.

Въ-третьихъ, неполированныя каменныя орудія и оружія замѣняются полированными, а если данный предметъ и не полированъ, то онъ во всякомъ случаѣ неизмѣримо лучше приспособленъ для своей цѣли, чѣмъ въ предшествующую эпоху. Количество отличающихся другъ отъ друга по своему назначенію орудій и оружій значительно возросло.

Далѣе населеніе этой эпохи изготовляетъ и обжигаетъ сосуды изъ глины, умѣетъ ткать и прясти и строить себѣ дома или хижины.

Измѣнилось наконецъ и отношеніе къ покойникамъ: ихъ предаютъ землѣ /или сжигаютъ/ и воздвигаютъ имъ своего рода памятники и возводятъ сооруженія для культа.

Таковъ характеръ неолитической эпохи по даннымъ археологіи. Любопытно, что данныя сравнительнаго языковѣдѣнія рисуютъ бытъ индоевропейскаго пранарода почти буквально въ такомъ же видѣ /Ср. Schrader, ук.соч.2,824 и Kauffmann, ук.соч.2,582 сл./

Шрадеръ дѣлаетъ изъ этого нѣсколько поспѣшный выводъ, что неолитическая культура западной Европы связана съ переселеніемъ индоевропейцевъ въ эти области и для подтвержденія ссылается на уже указанное отсутствіе слѣдовъ переходной эпохи отъ палеолитическаго къ неолитическому періоду.

Заключеніе его едва ли можетъ быть признано убѣдительнымъ: во-первыхъ, мы не имѣемъ никакого основанія предположить, чтобы переходъ отъ палеолитической къ неолитической эпохѣ не совершился въ разныхъ мѣстахъ самостоятельно въ силу самостоятельнаго роста культуры разныхъ народовъ; во-вторыхъ, если даже признать, что неолитическая культура не развилась въ западной Европѣ, а была занесена сюда извнѣ, то мы не имѣемъ никакого основанія утверждать, что она была занесена сюда именно индоевропейцами, тогда какъ она могда быть принесена иберами и лигурами, предшественниками индоевропейцевъ въ западной Европѣ; наконецъ, при такихъ условіяхъ едва ли объясни-

мо и большое разнообразіе памятниковъ неолитической эпохи, объяснимое только, если предположить, что развитіе неолитической культуры западной Европы не имѣетъ одного общаго источника /Ср. *Hoernes*, ук.соч., стр.220 сл.

Дальше намъ еще придется вернуться къ этому вопросу. Пока для насъ важнѣе всего то, что мы можемъ до извѣстной степени опредѣлить культурный уровень грековъ въ эпоху ихъ пребыванія въ предѣлахъ индоевропейской прародины.

Основой жизни пранарода несомнѣнно было скотоводство, наряду съ которымъ земледѣліе — занятіе женъ, дѣтей и рабовъ — играло совершенно второстепенную роль. Благодаря господству скотоводства пранародъ несомнѣнно былъ вынужденъ вести кочевую жизнь, причемъ вѣроятно совершалъ передвиженія цѣлыми ордами, распадавшимися на роды и семьи, въ которыхъ, можетъ быть, уже господствовала власть отца и мужа. Помимо камня /и, разумѣется, дерева и рога/ имъ уже была извѣстна мѣдь, но они еще не знали ни бронзы ни желѣза. При раздѣленіи скота, добычи, а также, вѣроятно, и отрядовъ они пользовались десятичнымъ счетомъ. Что же касается ихъ религіозной жизни, то и здѣсь встрѣчаются нѣкоторые общіе корни, но всякіе выводы о соединенныхъ съ ними понятіяхъ и о характерѣ религіозныхъ представленій пранарода на мой взглядъ не могутъ имѣть никакой научной цѣны. /Ср. впрочемъ *Meyer, Gesch. d. Alt.* 2, стр.45 сл./.

О ходѣ и времени выдѣленія грековъ изъ состава индоевропейскаго пранарода мы, разумѣется, не имѣемъ никакихъ данныхъ. Если судить по тому, что греки заняли наиболѣе

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

южную часть Балканскаго полуострова, тогда какъ иллирійцы заняли его сѣверозападную, а ѳракійцы сѣверовосточную часть, то, пожалуй, можно было бы предположить, что переселеніе грековъ предшествовало переселенію иллирійцевъ и ѳракійцевъ. Съ увѣренностью, однако, и этого утверждать нельзя, такъ какъ иначе пришлось бы предположить, что напр. дорійцы стояли во главѣ всего греческаго переселенія, такъ какъ они заняли наиболѣе южную часть греческой территоріи, а между тѣмъ это невѣрно, какъ мы, случайно, знаемъ изъ цѣлаго ряда данныхъ, каковыхъ нѣтъ въ нашемъ распоряженіи для исторіи переселенія всего греческаго племени.

2. Древнѣйшая Греція извѣстна намъ исключительно по даннымъ археологіи. Раскопки, произведенныя въ разныхъ мѣстахъ Греціи, познакомили насъ съ совершенно неизвѣстнымъ до послѣдняго времени міромъ, который во многихъ отношеніяхъ, впрочемъ, представляется въ высокой степени загадочнымъ /Для оріентировки ср. *Hall, the oldest civilisation of Greece*, сочиненіе, которымъ нужно пользоваться съ осторожностью/.

Основное открытіе археологіи заключается въ установленіи цѣлаго ряда періодовъ культурнаго развитія населенія бассейна Эгейскаго моря, опредѣленно отличающихся другъ отъ друга какъ по матеріалу, которымъ пользуются для изготовленія орудій и оружія, такъ и по особенностямъ орнаментики сосудовъ и другимъ даннымъ.

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Какъ и въ западной Европѣ мы имѣемъ предъ собой неолитическій періодъ каменнаго вѣка /т.наз. троянская культура/, бронзовый вѣкъ /т.наз. микенская культура/ и желѣзный вѣкъ, служащій переходомъ къ историческимъ временамъ Греціи /т.наз. періодъ геометрическаго стиля/.

Что касается прежде всего эпохи троянской культуры /названной такъ по одному изъ важнѣйшихъ мѣстонахожденій ея остатковъ/, то здѣсь возможно различать двѣ стадіи развитія. Древнѣйшіе слѣды ея найдены въ т.наз. первомъ троянскомъ городѣ /въ общей сложности ихъ шесть/ и въ Аѳинахъ: населеніе, оставившее эти слѣды, находилось на переходной ступени отъ каменнаго къ металлическому вѣку, знало уже мѣдь, но пользовалось еще преимущественно камнемъ и изготовляло глиняные сосуды безъ помощи гончарнаго круга.

Во второмъ и третьемъ троянскомъ городѣ, а также на островахъ Эгейскаго моря, на Кипрѣ, въ Аѳинахъ, Элевзисѣ, Дельфахъ, Спартѣ и Тиринѳѣ и далѣе въ Италіи и въ Малой Азіи затѣмъ были найдены слѣды болѣе высокаго развитія той же самой культуры. Здѣсь замѣчается значительный успѣхъ въ обработкѣ мѣдныхъ копій, стрѣлъ, кинжаловъ и т.д., а также и въ гончарныхъ продуктахъ, на которыхъ встрѣчаются первые слѣды воспроизведенія человѣческихъ и животныхъ формъ /на вазахъ!/. Развалины городскихъ стѣнъ, воротъ и дворцовъ свидѣтельствуютъ о значительной техникѣ. Характерными для этой эпохи являются далѣе варварскія женскія фигурки /идолы/ большей частью изъ парасскаго мрамора. Встрѣчаются уже бронзовые предметы

и предметы изъ слоновой кости, что заставляетъ думать о сношеніяхъ съ востокомъ. Центромъ этой культуры считаются острова Эгейскаго моря, тогда какъ аналогичное развитіе на Кипрѣ, повидимому, относится къ болѣе позднему времени. Установить въ точности время этой культуры, разумѣется, невозможно; во всякомъ случаѣ она носитъ очень древній характеръ и, вѣроятно, развилась между 2500-2000г.г

Къ слѣдамъ болѣе поздней троянской культуры непосредственно примыкаютъ слѣды т.наз. микенской культуры.

Послѣ протомикенскаго переходнаго періода /наблюдаемаго на островѣ Өерѣ, на Мелосѣ и другихъ Кикладахъ, въ Кноссосѣ и другихъ мѣстахъ на Критѣ/ во всѣхъ областяхъ въ историческое время заселенныхъ эллинами и только въ этихъ областяхъ встрѣчаются многочисленные слѣды богаторазвитой культуры бронзоваго вѣка. Центрами ея являются, повидимому, Критъ и Арголида /съ Микеной/. Наряду съ этими областями слѣды ея встрѣчаются на аѳинскомъ акрополѣ, на берегахъ Копаидскаго озера /въ Віотіи/, въ Орхоменѣ, на всѣхъ островахъ Эгейскаго моря, на Родосѣ и Кипрѣ и спорадически /какъ результатъ ввоза/ въ Италіи и въ Египтѣ. Послѣднее обстоятельство даетъ возможность точно опредѣлить время этой культуры. Дѣло въ томъ, что около Кахуна въ Египтѣ не такъ давно найдены слѣды поселенія, существовавшаго въ эпоху XVIII и XIX египетскихъ династій, причемъ были открыты многочисленные черепки микенскаго типа. Съ другой стороны на Родосѣ и въ Микенахъ найденъ рядъ предметовъ съ именами послѣдняго крупнаго фараона XVIII династіи Аменготепа III и его жены

/по *Meyer*'у ок.1440-1400 г./. Уже этимъ несомнѣнно не случайнымъ совпаденіемъ данныхъ египетскихъ и греческихъ совершенно опровергается мнѣніе Белоха и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, будто микенская культура является современницей древнѣйшихъ частей гомеровскихъ поэмъ и создана дорійцами Арголиды. Противъ этого кромѣ того говоритъ и тотъ фактъ, что остатки микенской культуры явно носятъ на себѣ слѣды восточнаго вліянія, носителями котораго только и могли быть финикіяне, о торговыхъ сношеніяхъ которыхъ съ Грецією гомеровскія поэмы почти совершенно молчатъ, изъ чего непосредственно слѣдуетъ, что къ ихъ времени финикіяне уже не играли прежней роли въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Къ половинѣ XУ вѣка до Р.Хр. микенская культура несомнѣнно уже достигла значительной степени развитія: начало ея развитія такимъ образомъ по всему вѣроятію относится къ началу второго тысячелѣтія до Р.Хр.

Характерныя особенности микенской культуры заключаются, во-первыхъ, въ безусловномъ господствѣ бронзы, во-вторыхъ, въ соединеніи въ ней двухъ разныхъ элементовъ, мѣстнаго и занесеннаго съ востока и, въ-третьихъ, въ существованіи сравнительно крупныхъ политическихъ организацій, слѣды которыхъ дошли до насъ въ дворцахъ Микенъ, Кноссоса, Файста и въ другихъ архитектурныхъ памятникахъ этой эпохи.

Что касается прежде всего перваго пункта, то эпоха микенской культуры является эпохой безусловнаго господства металлическаго производства. Изъ обширнаго развитія послѣдняго непосредственно слѣдуетъ, что горное дѣло

сдѣлало весьма значительные успѣхи: золотые рудники Пангейскихъ горъ во Ѳракіи, на островѣ Ѳазосѣ, въ Троадѣ и около Сардъ несомнѣнно разрабатывались съ очень давнихъ временъ и Геродотъ впослѣдствіи съ удивленіемъ отмѣтилъ ихъ грандіозность; точно также, вѣроятно, тогда уже разрабатывались серебряные рудники въ Лаврійскихъ горахъ Аттики и въ Троадѣ /около Скепсиса/, а также и мѣдные рудники около Халкиды и Айдепса на островѣ Эвбеѣ. Наряду съ этимъ значительная часть мѣди, вѣроятно, привозилась изъ Кипра, особенно богатаго мѣдной рудой, а олово, необходимое для производства бронзы, /представляющей смѣсь опредѣленнаго количества мѣди и олова/, во всякомъ случаѣ въ бассейнѣ Эгейскаго моря не находится и поэтому несомнѣнно служило предметомъ ввоза въ центры микенской культуры. Но разъ это такъ, то единственнымъ поставщикомъ олова только и могли быть финикіяне, привозившіе его или изъ западной части Пиринейскаго полуострова или изъ какого нибудь неизвѣстнаго намъ мѣста Передней Азіи или сѣверовосточной Африки.

Изъ господства металлическаго производства, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы торговыя сношенія вышли за предѣлы простой мѣновой торговли, причемъ мѣриломъ, вѣроятно, служилъ скотъ. Тѣмъ не менѣе металлическая казна, содержавшая наряду съ оружіемъ и преметами искусства, вѣроятно, и простые слитки, по справедливому замѣчанію Мейера, играла въ это время по всему вѣроятію такую же роль какъ въ эпоху меровинговъ у франковъ и другихъ германскихъ народовъ этого времени. Во всякомъ случаѣ раскопки въ

Троѣ и Микенахъ доказали, что преданія о богатствѣ мѣстныхъ царей, сохранившіяся въ гомеровскихъ поэмахъ, были основаны на дѣйствительныхъ фактахъ.

Уже одно то обстоятельство, что олово привозилось въ бассейнъ Эгейскаго моря финикіянами, свидѣтельствуетъ о существованіи довольно постоянныхъ и существенныхъ сношеній между центрами микенской культуры и востокомъ. Ознакомленіе съ остатками микенскаго искусства не только подтверждаетъ существованіе подобныхъ сношеній, но свидѣтельствуетъ и о значительномъ вліяніи востока на микенскую культуру.

Основа микенскаго декоративнаго искусства — оно отличается господствомъ концентрическихъ, разнообразно переплетенныхъ другъ съ другомъ круговъ, развернутыхъ спиралей, воспроизведеніемъ листьевъ, бутоновъ, розетокъ, бабочекъ и каракатицъ — правда имѣетъ несомнѣнно самостоятельный, мѣстный характеръ. Выработанный на металлической техникѣ этотъ микенскій стиль затѣмъ нашелъ себѣ примѣненіе и въ гончарномъ производствѣ, которое кромѣ того отличается чуждымъ востоку раскрашиваніемъ вазъ, а также при украшеніи стѣнъ и могильныхъ камней. Въ частности на вазахъ при этомъ появляется рядъ новыхъ типовъ: улитки, гуси, коровы, кони, наконецъ даже воины на колесницѣ и пѣшіе, причемъ рисунокъ, впрочемъ, отличается большой примитивностью.

Наряду съ этими результатами развитія туземнаго искусства, однако, стоятъ элементы явно заимствованные съ востока. Сюда относятся работы изъ слоновой кости и плави-

ковъ, украшеніе стѣнъ алебастромъ, украшеніе кинжаловъ инкрустаціями изъ золота и т.д. Какъ самый матеріалъ, такъ и форма, въ которую онъ приведенъ заимствованы съ востока. Здѣсь мы встрѣчаемъ изображеніе рѣки, поросшей папирусомъ, сфинксовъ, грифовъ, человѣческія фигуры, одѣтыя въ восточные костюмы, охоту на львовъ, наконецъ характерные для хетскаго искусства Малой Азіи смѣшанныя фигуры, составленныя изъ разныхъ частей тѣла коня, осла, льва, вола, козы и человѣка и т.д.

Всѣ эти предметы, носящіе слѣды восточнаго вліянія, изготовлены не на востокѣ, а на мѣстѣ — предметовъ, прямо ввезенныхъ съ востока, повидимому, не найдено, — но изготовлены по восточнымъ образцамъ.

Существованіе болѣе или менѣе постоянныхъ сношеній съ востокомъ и значительное развитіе искусства, о которомъ здѣсь дано лишь самое общее представленіе, повидимому, предполагаютъ болѣе или менѣе значительное развитіе политической жизни. На это наводятъ и остатки богатыхъ дворцовъ на Критѣ, въ Микенахъ и въ Троѣ, могучія стѣны этихъ городовъ, большія гробницы ихъ царей и наконецъ слѣды крупныхъ работъ по осушенію Копаидскаго озера въ Віотіи. Всѣ эти данныя, повидимому, свидѣтельствуютъ о томъ, что позднѣйшія преданія о богатствѣ и могуществѣ Миноса, Агамемнона, Пріама и т.д. имѣютъ за собой реальные факты, что нѣкогда, задолго до окончательной выработки гомеровскихъ поэмъ, въ Греціи и сосѣднихъ странахъ и островахъ дѣйствительно существовали крупныя государства, во всякомъ случаѣ болѣе крупныя государства, чѣмъ въ VIII-VII вѣкахъ до Р.Хр. Какова была организація

этихъ государствъ, на чемъ основывалась власть ихъ государей, каково было отношеніе этихъ послѣднихъ къ аристократіи, если таковая существовала, и къ народу мы, разумѣется, также мало знаемъ и также мало когда либо узнаемъ, какъ каково было экономическое положеніе народной массы и какъ создались эти государства, о существованіи которыхъ мы вынуждены только догадываться.

Данными о троянской и микенской культурахъ археологическія свѣдѣнія о культурномъ развитіи населенія бассейна Эгейскаго моря далеко не исчерпываются. Раскопки дали еще очень много матеріала для исторіи упадка микенскаго стиля, для замѣны его геометрическимъ, и для дальнѣйшихъ стадій художественнаго развитія страны. Пока мы, однако, можемъ остановиться на моментѣ расцвѣта микенской культуры, чтобы приступить къ разсмотрѣнію наиболѣе сложнаго, связаннаго съ вышеуказанными данными, вопроса, вопроса о томъ, какія народности должны быть признаны носителями этой культуры.

Спрашивается, представляютъ ли слѣды троянской и микенской культуры вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣды древнѣйшей греческой культуры или они относятся къ догреческимъ временамъ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ чрезвычайно трудно, такъ какъ археологическія данныя сами по себѣ, разумѣется, не содержатъ никакого матеріала для его разрѣшенія, а другихъ данныхъ у насъ нѣтъ или почти нѣтъ.

Нѣкоторые ученые, правда, полагаютъ, что на египетскихъ памятникахъ XIУ и XIII вѣка среди другихъ враждебныхъ Египту сѣверныхъ народовъ встрѣчаются и греки. Такъ

около 1300 г. союзниками хетскаго царства называются народности: *Luca, Dardenii, Masa, Maunna (?), Pidasa* и *Qalaqiša*, которые отожествляются съ ликійцами, дарданцами /одно изъ обозначеній греческаго народа у Гомера/, мизійцами, пизидами, киликійцами и меонянами /?/. Около 1250 г. говорится о нашествіи цѣлаго ряда народовъ, разбитыхъ фараономъ Меренпта; среди нихъ встрѣчаются *Aquaiwaaša, Thuirsha* и *Šardina*, изъ коихъ первые будто бы соотвѣтствуютъ ахейцамъ, вторые тиреннамъ т.е. этрускамъ, а третьи не то сардинцамъ, не то жителямъ города Сарды. Еще нѣсколько позже, около 1200 г., упоминается о нашествіи *Pulusatha* /филистимлянъ/, *Uashasha, Takarai* и *Daânâu* или *Daânâuna* /данайцы/. Всѣ эти народности по словамъ египтянъ "пришли "со своихъ острововъ въ великомъ морѣ" и изображены въ вооруженіи /мечъ, копье, круглые щиты/ микенскаго типа.

Отрицать возможность морскихъ набѣговъ даже при низкомъ культурномъ уровнѣ нападающихъ и на большихъ разстояніяхъ нельзя: вспомнимъ набѣги норманновъ, охватывавшіе не только почти всю Европу, но приведшіе норманновъ даже въ Исландію, Гренландію и Сѣверную Америку. Ясно, что если викинги на своихъ первобытныхъ корабляхъ могли переплыть чрезъ Атлантическій океанъ, то нѣтъ основанія отрицать возможности, чтобы не только греки и сосѣднія съ ними народности, но и этруски и сардинцы <u>могли</u> совершать набѣги, пересѣкая гораздо менѣе бурное Средиземное море. Къ сожалѣнію, однако, вышеприведенныя данныя, основанныя на отчасти довольно отдаленномъ созвучіи именъ, сами по себѣ представляются не настолько убѣ-

дительными, чтобы мы имѣли право дѣлать только на основаніи ихъ серіозные выводы, а другихъ данныхъ въ нашемъ распоряженіи не имѣется.

Но если даже признать, что дарданцы, ахейцы и данайцы упоминаются здѣсь не ранѣе XIII вѣка, а полный расцвѣтъ микенской культуры относится, повидимому, уже къ 1500 г. до Р.Хр. и мы все-таки не узнаемъ, кто создалъ эту культуру, греки ли или какой нибудь иной народъ, впослѣдствіи покоренный греками и лишь передавшій имъ свою культуру, какъ впослѣдствіи римляне передали свою культуру поселившимся среди нихъ варварамъ?

Вопросъ до крайности усложняется съ одной стороны вслѣдствіе того, что мы не знаемъ, когда греки поселились на Балканскомъ полуостровѣ, съ другой стороны вслѣдствіе того, что мы не имѣемъ никакого права отрицать возможность и даже вѣроятность догреческаго населенія и догреческой культуры въ областяхъ впослѣдствіи занятыхъ греками.

Палеонтологическія и археологическія данныя, найденныя преимущественно въ западной и центральной Европѣ, какъ мы видѣли, свидѣтельствуютъ о томъ, что человѣкъ существовалъ въ Европѣ за много десятковъ тысячъ лѣтъ до нашего времени, и мы естественно не имѣемъ права ограничить предѣлы его мѣстопребыванія только тѣми мѣстностями, гдѣ счастливая случайность сохранила его кости и продукты его дѣятельности среди отложеній ледниковаго періода /вліяніе котораго на Грецію не распространилось/ наряду съ костями мамонта и сѣвернаго оленя. Въ виду

этого мы должны признать весьма вѣроятнымъ, что и бассейнъ Эгейскаго моря былъ заселенъ задолго до переселенія греческаго племени. Это предположеніе вдобавокъ находитъ себѣ, повидимому, подтвержденіе въ разсказахъ самихъ грековъ о разныхъ догреческихъ элементахъ. Сюда относятся разсказы древнѣйшихъ греческихъ историковъ о пеласгахъ, лелегахъ и карійцахъ, изъ коихъ первые будто бы жили въ Пелопоннисѣ, Оессаліи, Эпирѣ и другихъ мѣстахъ Греціи, а отсюда переселились и въ Малую Азію и въ Италію; слѣды карійцевъ отмѣчаются не только на кикладскихъ островахъ, но и на материкѣ, гдѣ многочисленныя мѣстныя названія съ окончаніями на ассосъ и эссосъ /эттосъ/, повидимому, доказываютъ правильность греческихъ преданій /подобнаго рода словообразованія чрезвычайно распространены во всей западной части Малой Азіи и въ Каппадокіи/. Слѣды лелеговъ, которые въ историческое время представляютъ родственное карійцамъ западно-малоазіатское племя, наконецъ отмѣчаются древними писателями въ средней Элладѣ, особенно въ Локридѣ, Акарнаніи и Мегарѣ, а также въ Лаконіи и Мессеніи.

На чемъ основываются въ данномъ случаѣ утвержденія древнихъ писателей, представляютъ ли они простыя комбинаціи, основанныя на неправильно понятыхъ преданіяхъ, или же они выведены изъ наблюденій надъ языкомъ или бытомъ послѣднихъ остатковъ догреческаго населенія, быть можетъ сохранившагося въ разныхъ трудно доступныхъ мѣстахъ, сказать очень трудно. Если, однако, принять въ расчетъ, что о карійскомъ населеніи говоритъ такой историческій умъ, какъ Ѳукидидъ, и, главное, что его слова

подтверждаются вышеупомянутыми лингвистическими данными о мѣстныхъ названіяхъ Эллады и Малой Азіи, то послѣднее предположеніе представляется болѣе вѣроятнымъ. Относительно пелазговъ Meyer (Forschungen zur alten Geschichte I. I) правда доказалъ, что разсказы древнихъ писателей о нихъ, какъ о до-греческой народности, населявшей почти всю Грецію, основаны на генеалогическихъ и иныхъ комбинаціяхъ и внѣшнихъ созвучіяхъ, но изъ этого можно только вывести заключеніе, что догреческое населеніе не можетъ считаться пелазгическимъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такого населенія вовсе не было. Уже то обстоятельство, что еще древнѣйшіе греческіе логографы говорятъ о такомъ догреческомъ населеніи, въ связи съ хорошо засвидѣтельствованнымъ фактомъ довольно широкаго распространенія карійскаго или, быть можетъ точнѣе, родственнаго карійскому населенія, заставляютъ насъ предположить, что переселяясь въ бассейнъ Эгейскаго моря, греки столкнулись здѣсь съ болѣе древнимъ населеніемъ.

Кому же въ такомъ случаѣ принадлежатъ слѣды троянской и микенской культуры, грекамъ или ихъ предшественникамъ?

Разрѣшить этотъ вопросъ очень трудно. По своему основному типу ни микенская ни особенно троянская культура не представляютъ ничего безусловно исключительнаго, а въ существенныхъ чертахъ представляютъ лишь мѣстныя разновидности широко распространенной неолитической и бронзовой культуры. "Развитіе, начинающееся съ примитивнѣйшаго состоянія, гдѣ человѣкъ обходится при помощи грубыхъ орудій изъ осколковъ камней, дерева и костей, и до того времени, когда онъ впервые научается пользоваться метал-

лами /прежде всего мѣдью и золотомъ/, и изготовлять сосуды изъ глины, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ предъ нами появляются зачатки декоративнаго стиля, это развитіе принадлежитъ къ области антропологіи, а не исторіи. Въ основныхъ чертахъ это развитіе протекало всюду однообразно, даже въ такихъ областяхъ, въ которыхъ какое либо взаимное вліяніе представляется совершенно невозможнымъ, какъ напр. между Европой и Америкой. Отдѣльныя стадіи развитія слѣдуютъ другъ за другомъ такъ, что невозможно рѣшить, связано ли появленіе новаго культурнаго направленія съ появленіемъ новаго народа, или имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ послѣдовательнымъ органическимъ развитіемъ, съ распространеніемъ новаго представленія или культурнаго пріобрѣтенія, совершающимся самымъ мирнымъ путемъ; и также мало можно сказать, не относятся ли часто самыя громадныя этнографическія катастрофы къ такому періоду, который намъ по своимъ археологическимъ слѣдамъ кажется совершенно однороднымъ". (Meyer, G. d. A. 2,52-53/. Вся исторія доказываетъ", какъ замѣчаетъ совершенно вѣрно тотъ же ученый, "что измѣненіе стиля, быта, нравовъ и религіи не имѣетъ ничего общаго съ измѣненіями въ составѣ населенія... Пусть тотъ, кто не захочетъ это признать, представитъ себѣ, чтобы мы обладали для исторіи Италіи отъ эпохи римской имперіи до эпохи возрожденія только монументальными памятниками. Въ такомъ случаѣ, согласно оспариваемому здѣсь взгляду пришлось бы предполагать рѣзкое измѣненіе въ составѣ населенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ все совершалось въ силу самаго мирнаго послѣдовательнаго развитія, какъ напр. при появленіи христі-

анской архитектуры и готическаго стиля, и наоборотъ мы бы ничего не узнали о дѣйствительныхъ катастрофахъ, о вторженіяхъ готовъ, византійцевъ, лангобардовъ и франковъ."

Утверждать при такихъ условіяхъ, что троянская культура имѣетъ догреческое, микенское чистогреческое происхожденіе, очевидно, нельзя, тѣмъ болѣе, что лингвистика изображаетъ намъ индоевропейцевъ до ихъ разъединенія переживающими какъ разъ тотъ фазисъ каменнаго вѣка, слѣды котораго мы имѣемъ передъ нами и въ остаткахъ троянской культуры. Съ другой стороны мы, очевидно, не имѣемъ никакого права отрицать, что греки появились въ предѣлахъ Балканскаго полуострова въ такое время, когда предшествовавшее имъ населеніе подъ вліяніемъ востока уже перешло къ бронзовому вѣку, иначе говоря, когда основныя черты микенской культуры уже были выработаны, такъ что греки, перенявъ его, явились учениками своихъ предшественниковъ и продолжателями начатаго этими послѣдними дѣла.

Разрѣшить этотъ коренной вопросъ древнѣйшей греческой исторіи мы теперь не въ состояніи, да и едва ли когда либо будемъ въ состояніи. Въ виду этого для насъ, вѣроятно, навсегда останется неизвѣстнымъ, чѣмъ были греки обязаны своимъ предшественникамъ, какъ произошло сліяніе греческаго народа и его культуры съ туземнымъ населеніемъ и его культурой и какъ велика примѣсь чужой крови и чужого труда въ греческомъ народѣ и его цивилизаціи. Одно несомнѣнно, а именно то, что археологическія данныя сопоставленныя съ лингвистическими даютъ намъ представленіе о томъ ходѣ развитія отъ каменнаго вѣка

къ бронзовому, который такъ или иначе должны были продѣлать и греки. А далѣе несомнѣнно и то, что въ своихъ позднѣйшихъ стадіяхъ развитія микенская культура во всякомъ случаѣ была греческой, все равно, была ли она таковой съ самаго начала или нѣтъ. Центры ея въ послѣдующія времена, какъ доказываетъ эпосъ, представлялись греческому народу, какъ центры греческой культуры и мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ правильности этого преданія.

3. Разселеніе грековъ. Свѣдѣній о времени и ходѣ греческаго переселенія, какъ мы видѣли, нѣтъ вовсе и все, что мы можемъ сказать относительно древнѣйшихъ судебъ греческаго народа въ бассейнѣ Эгейскаго моря имѣетъ гипотетическій характеръ и основано съ одной стороны на данныхъ географическаго и лингвистическаго характера, съ другой стороны на комбинаціяхъ, извлеченныхъ изъ позднѣйшихъ фактовъ греческой жизни.

Покинувъ прародину индоевропейцевъ греки по всему вѣроятію прошли черезъ сѣверную часть Балканскаго полуострова и уже оттуда постепенно проникли въ тѣ мѣстности, которыя они занимаютъ въ историческое время. Представляли ли они вполнѣ однородную и организованную массу, мы не знаемъ и также точно не знаемъ, какое общее названіе отличало ихъ отъ другихъ народностей, не знаемъ даже, существовало ли такое общее названіе.

Терминъ "эллины" пріобрѣтаетъ широкое распространеніе и становится господствующимъ для обозначенія всѣхъ разновидностей этого племени только послѣ эпохи гомеровскихъ

поэмъ и по мѣрѣ роста національнаго самосознанія въ VII вѣкѣ. Въ эпоху гомеровскихъ поэмъ такъ называлась лишь одна изъ греческихъ народностей въ южной Ѳессаліи.

Терминъ "греки" въ свою очередь появляется еще позже: такъ называли грековъ не они сами, а ихъ западные сосѣди въ Италіи, отъ которыхъ это названіе затѣмъ черезъ средніе вѣка перешло и къ намъ. Сами эллины никогда не называли себя такъ.

Наряду съ этими общими обозначеніями всего племени въ эпосѣ встрѣчается еще рядъ другихъ, изъ коихъ особенное значеніе имѣютъ термины: ахейцы, аргивяне и данайцы. Термины аргивяне и данайцы, повидимому, представляютъ поэтическое *pars pro toto* и стоятъ въ связи съ господствомъ Аргоса въ эпическомъ преданіи о троянской войнѣ. Менѣе яснымъ представляется происхожденіе термина ахейцы, но и относительно него очень сомнительно, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ былъ нѣкогда общимъ названіемъ племени /ср. *Beloch 1,157; Meyer, G.d.A. 2,77-78).*

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что греки нѣкогда занимали рядъ такихъ территорій къ сѣверу отъ ихъ позднѣйшихъ центровъ, изъ которыхъ они въ большей или меньшей степени точно также были вытѣснены позднѣйшими индоевропейскими пришельцами, иллирійцами и ѳракійцами, какъ германцы впослѣдствіи были вытѣснены славянами изъ области между Эльбой и Дономъ. Такъ Эпиръ въ историческое время заселенъ иллирійскими ѳеоманами, молоссами и ѳеспротами, тогда какъ эпосъ отмѣчаетъ именно здѣсь существованіе высокочтимаго оракула Зевса, а рядъ мѣстныхъ названій свидѣтельствуетъ о томъ, что греки нѣкогда зани-

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

мали эту страну. Точно также и Македонія нѣкогда сплошь была заселена греками и уже позднѣе эракійцы порвали географическую связь между македонскими греками и остальными эллинами, занявъ прибрежную полосу Македоніи до Олимпа.

Въ историческія времена эллины /если не считать македонцевъ/ занимаютъ весь югъ Балканскаго полуострова отъ горныхъ цѣпей Олимпа до Мыса Матапана, а дальше и острова Эгейскаго моря и западный берегъ Малой Азіи отъ Троады до Памфиліи и Кипра. Весьма понятно, что заселеніе этой обширной территоріи совершилось не сразу и что эллины прежде всего заняли южную часть Балканскаго полуострова, а затѣмъ уже путемъ колонизаціи острова и западную часть Малой Азіи.

Но и въ предѣлахъ ихъ древнѣйшихъ поселеній греки не сразу расположились въ томъ порядкѣ, въ какомъ мы ихъ встрѣчаемъ въ историческія времена. Преданіе сохранило намъ память о крупныхъ передвиженіяхъ и столкновеніяхъ среди самихъ эллиновъ, столкновеніяхъ, получившихъ впослѣдствіи названіе дорійскаго нашествія. За самое послѣднее время и это преданіе въ числѣ прочихъ было объявлено плодомъ неисторическихъ комбинацій и домысловъ позднѣйшихъ греческихъ писателей (*Beloch, в. Rheinisches Museum т. XLV, стр. 555 сл. и Gr. Gesch. I, 146 сл., ср. Niese, Histor. Zeitschr, N.F. XXVI, 76 сл.*)

Въ самомъ дѣлѣ нельзя не признать, что всѣ подробности этого преданія не выдерживаютъ критики и представля-

---

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

ютъ явный плодъ позднѣйшихъ комбинацій. Въ общихъ чертахъ разсказы позднѣйшихъ временъ характеризуются тѣмъ, что въ нихъ дорійское завоеваніе приведено въ связь съ мивами о Гераклѣ. Уже въ VII вѣкѣ спартанскій пѣвецъ Тиртей утверждаетъ, что "Зевсъ самъ далъ Гераклидамъ этотъ городъ /Спарту/, съ ними вмѣстѣ мы /т.е. дорійцы/ покинули Эриней /т.е. Дориду въ средней Элладѣ/". Гераклъ самъ не былъ дорійцемъ, а происходилъ изъ Пелопонниса, но во время своихъ странствованій онъ оказалъ дорійскому царю Этимію, господствовавшему надъ частью Эесаліи, услугу, за которую тотъ ему подарилъ треть своей земли, а послѣ его смерти усыновилъ его сына Гилла и оставилъ ему власть, несмотря на то, что самъ имѣлъ двухъ сыновей Памфила и Димана. /Дорійцы распадались на три филы, гиллеевъ, памфиловъ и диманов/. Подъ главенствомъ Гилла дорійцы переселились въ позднѣйшую Дориду и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ завоевать Пелопоннисъ наконецъ достигли своей цѣли при правнукахъ Геракла, Темент, Кресфонтѣ и Аристодемѣ. Тисаменъ, сынъ Ореста, былъ разбитъ и весь Пелопоннисъ, кромѣ Аркадіи и Ахейской области /сюда переселились побѣжденные, вытѣснивъ іонійцевъ/ былъ завоеванъ. Элиду завоеватели предоставили своему союзнику, этолійцу Оксилу, а остальную часть — аргосско-коринескую область, Лакедемонъ и Мессенію они раздѣлили между собой по жребію, причемъ Темену досталась Арголида, Кресфонту Мессенія, а сыновьямъ умершаго Аристодема, Эврисѳену и Проклу, Лакедемонъ.

Весь этотъ разсказъ, разумѣется, не имѣетъ никакой исторической цѣны и еще въ настоящее время возможно различить въ немъ нѣсколько наслоеній и отмѣтить его несоотвѣтствіе съ другими мѣстными традиціями. Такъ едва ли подлежитъ сомнѣнію, что основа его была создана въ Арголидѣ: только здѣсь, напримѣръ, имя легендарнаго основателя царствующаго дома, Темена, соотвѣтствуетъ дѣйствительному имени дома Теменидовъ, тогда какъ спартанскіе царствующіе роды называютъ себя Агіадами и Эврипонтидами, въ Мессеніи царили Эпитиды, а въ Коринѳѣ Бакхіады /упомянутое преданіе называетъ ихъ родоначальникомъ гераклида Алита/. Такъ въ Спартѣ хорошо помнили, что развитіе единаго спартанскаго государства совершилось послѣ вѣковой борьбы, а не въ силу единичнаго факта завоеванія. Всѣ эти характерныя разногласія, разумѣется, такъ или иначе впослѣдствіи были приведены въ соотвѣтствіе съ основной канвой разсказа, но послѣдній отъ этого не выигралъ ни въ единствѣ мысли ни въ серіозной обоснованности.

Но если всѣ подробности разсказа о дорійскомъ завоеваніи не выдерживаютъ никакой критики /между прочимъ и связь дорійскихъ царствующихъ родовъ съ Геракломъ уже потому не является дорійскимъ преданіемъ, что самыя сказанія о Гераклѣ имѣютъ свое происхожденіе не среди дорійцевъ, а въ Віотіи и Аттикѣ, и только оттуда распространились среди остальныхъ грековъ, причемъ віотійскій богъ Гераклъ превратился въ героя/, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы дорійскаго завоеванія не было вовсе.

Съ одной стороны мы уже видѣли, что археологическія данныя заставляютъ насъ предполагать, что около половины II тысячелѣтія до Р.Хр. въ Греціи существовали относительно крупныя политическія организаціи, замѣнившіяся впослѣдствіи крайнимъ дробленіемъ страны на совершенно ничтожныя общины.

Къ числу такихъ древнихъ политическихъ центровъ принадлежатъ прежде всего Микены, цари которыхъ, повидимому, властвовли не только надъ сосѣдними Тиринѳомъ, Аргосомъ, Мидеей, Азиной и Навпліей, но и надѳ другими или частью другихъ областей Пелоппониса, а можетъ быть даже и надъ частью средней Эллады. Микены недаромъ являются центромъ ряда дорогъ и недаромъ именно здѣсь сохранились богатые остатки "микенской" культуры: не только въ спартанскомъ эпосѣ, но и въ миѳахъ о Гераклѣ и въ віотійскихъ сказаніяхъ о походѣ семи противъ Ѳивъ Арголида представляется единымъ и наиболѣе могущественнымъ изъ всѣхъ греческихъ государствъ.

Рядъ крупныхъ центровъ, повидимому, находился и въ Віотіи: кромѣ Ѳивъ, этого естественнаго центра страны съ его богатымъ эпическимъ прошлымъ, и богатаго Орхомена съ знаменитымъ "казнохранилищемъ Минія" /на самомъ дѣлѣ это могила, вѣроятно, царскаго рода/, впослѣдствіи, повидимому, погибшаго подъ ударами Ѳивъ, здѣсь имѣются еще слѣды третьяго города, находившагося на островѣ Копаидскаго озера.

Наряду съ этими двумя областями извѣстную роль, вѣроятно, играла Аттика съ Аѳинами, о чемъ свидѣтельству-

етъ уже крупная роль мѣстной богини Аѳины, культъ которой рано пріобрѣли широкое распространеніе, а далѣе городъ Іолкосъ на Пагазейскомъ заливѣ, откуда по преданію нѣкогда двинулись въ путь аргонавты и гдѣ какъ и въ Аттикѣ сохранились слѣды микенской эпохи.

Разложеніе этихъ болѣе сложныхъ политическихъ организацій, раздробленіе Греціи на мельчайшія общины, нѣкогда входившія въ составъ сравнительно крупныхъ государствъ, есть историческій фактъ по всѣмъ признакамъ свидѣтельствующій о какомъ то крупномъ переворотѣ въ греческой жизни и, естественно, наводящій на мысль о дорійскомъ нашествіи.

Этими косвенными соображеніями, однако, не исчерпываются наши доказательства въ пользу историческаго характера нашествія, который подкрѣпляется рядомъ болѣе вѣскихъ данныхъ.

Прежде всего въ высшей степени характернымъ представляется уже тотъ фактъ, что гомеровскій эпосъ систематически игнорируетъ существованіе дорійцевъ въ Пелопоннисѣ и всегда называетъ жителей полуострова аргивянами, данайцами или ахейцами. Очевидно, представленіе о недорійскомъ происхожденіи Аргоса, Микенъ, Спарты и т.д. имѣло чрезвычайно прочныя основанія въ народныхъ воспоминаніяхъ. Любопытно, что на Критѣ дорійцы уже упоминаются въ Одиссеѣ: Критъ вѣдь не играетъ существенной роли въ этихъ преданіяхъ о быломъ величіи греческаго народа и здѣсь, такимъ образомъ, ничто не мѣшало эпосу признать совершившійся фактъ, несмотря на то, что само собой ясно,

что существованіе дорійцевъ предполагаетъ ихъ существованіе въ Пелопоннисѣ. Если тѣмъ не менѣе не говорится о дорійцахъ въ Пелопоннисѣ, то это явное доказательство въ пользу того, что эпосъ знаетъ о ихъ позднемъ появленіи въ предѣлахъ полуострова и о завоеваніи ими областей, уже бывшихъ въ греческихъ рукахъ.

Но не только въ эпосѣ, а точно также и среди самихъ дорійцевъ сохранились воспоминанія о ихъ переселеніи и ихъ завоеваніяхъ. Уже Тиртей, какъ мы видѣли, совершенно опредѣленно говоритъ объ этомъ.

Самое существенное доказательство въ пользу совершившагося въ Пелопоннисѣ переворота, однако, заключается въ томъ, что языкъ греческаго населенія Кипра и Памфиліи оказывается близко родственнымъ аркадскому діалекту. Очевидно, населеніе Аркадіи нѣкогда не было ограничено предѣлами горнаго центра Пелопонниса, а заселяло точно также и побережья Эгейскаго моря и уже впослѣдствіи было вытѣснено отсюда дорійцами.

Но если фактъ дорійскаго переселенія и завоеванія едва ли подлежитъ серьезному сомнѣнію, то этимъ въ сущности и ограничивается все, что мы о немъ знаемъ. Какъ и когда произошло завоеваніе, мы не знаемъ и никогда не узнаемъ, и если высказываютъ предположеніе, что дорійское нашествіе въ Пелопоннисъ произошло не позже конца XII вѣка до нашей эры, то можно признать это предположеніе довольно вѣроятнымъ, но оно все-таки остается только предположеніемъ.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что разселеніе грековъ въ южной части Балканскаго полуострова не было результатомъ одного единственнаго завоевательно-переселенческаго движенія, а совершилось нѣсколькими толчками, результатомъ которыхъ и является извѣстное намъ въ историческое время распредѣленіе греческихъ племенъ въ занятой ими территоріи.

Что касается самаго дѣленія грековъ на племена, то сами они, какъ извѣстно, впослѣдствіи различали четыре племени: дорійцевъ, іонійцевъ, эолійцевъ и ахейцевъ. Современная лингвистика, однако, пришла къ выводу, что это дѣленіе невѣрно, такъ какъ ахейцы вовсе не составляли особой діалектической группы, а принадлежали сами къ той же группѣ, что и дорійцы.

Изученіе греческихъ діалектовъ, главнѣйшимъ образомъ на основаніи надписей, дало возможность различить только три большія діалектическія группы среди греческаго народа, а именно, т.наз., эолійскую /или сѣверную/, т. наз. іонійскую и т.наз. сѣверозападную, дорійско-локрійско-фокійско-ахейскую группу.

Къ эолійской группѣ принадлежитъ населеніе Ѳессаліи /кромѣ фтіотійскихъ ахейцевъ/, Віотіи, Лесбоса и другихъ колоній на сѣверозападномъ прибрежіи Малой Азіи. А такъ какъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ этой группой стоятъ аркадское и кипрское нарѣчіе, то изъ этого, повидимому, непосредственно слѣдуетъ, что племя, говорившее на эолійскомъ нарѣчіи, нѣкогда заселяло сплошной массой всю территорію отъ Олимпа до южныхъ оконечностей Пелопонниса

и только впослѣдствіи было разъединено передвиженіемъ дорійскихъ и родственныхъ имъ племенъ.

Въ близкомъ родствѣ съ эолійскими нарѣчіями первоначально, повидимому, стояли и іонійскія области, Аттика и Эвбея, откуда была заселена значительная часть острововъ Эгейскаго моря и средняя часть западнаго берега Малой Азіи. Полное обособленіе іонійскаго діалекта отъ эолійскаго, повидимому, совершилось только въ этихъ колоніяхъ, гдѣ и возникли самые термины "Іонійцы" и "Эолійцы".

Къ сѣверозападной группѣ, нѣкогда занимавшей область къ западу отъ Пинда, т.е. Эпиръ и Этолію, кромѣ дорійцевъ принадлежатъ /съ сѣвера на югъ/ ахейцы въ Фтіотидѣ, фокейцы и локрійцы, разъединившіе Ѳессалію и Віотію, этолійцы въ Этоліи, дорійцы въ Доридѣ, ахейцы и другіе дорійцы въ Пелопоннисѣ. Къ нимъ же принадлежало и то племя, которое завоевало Ѳессалію и дало ей свое имя; вѣроятно, въ силу своей малочисленности оно рано потеряло свое нарѣчіе и приняло нарѣчіе покоренныхъ эолійцевъ. Къ нимъ же далѣе принадлежитъ греческое населеніе Крита, Родоса и нѣкоторыхъ другихъ острововъ и населеніе югозападнаго берега Малой Азіи.

Но какъ же были организованы народности, поселившіяся въ Греціи и на какихъ началахъ покоилась ихъ экономическая, соціальная и политическая жизнь?

Несмотря на всю его важность отвѣтить на этотъ вопросъ удовлетворительнымъ образомъ нельзя. Судить по даннымъ гомеровскаго эпоса и по еще болѣе позднимъ даннымъ

относительно строя греческихъ государствъ VI вѣка о томъ, что представляли изъ себя греки около половины или во второй полоьинѣ II тысячелѣтія, какъ это дѣлаетъ Мейеръ /G.d.A.2, стр. 79-92 и стр. 166-176/, въ высшей степени рисковано и строго говоря даже ненаучно.

Весьма вѣроятно, разумѣется, что при поселеніи въ Эллядѣ греки были кочевымъ или полукочевымъ народомъ съ безусловнымъ преобладаніемъ пастушескаго быта и скотоводствомъ надъ земледѣльческимъ бытомъ и хлѣбопашествомъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію и то, что организація ихъ покоилась не на территоріальныхъ, а на кровныхъ началахъ. Но это въ сущности все, что мы можемъ сказать: въ какую форму вылилась эта кровная организація, замѣнилась ли она и если да, то въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ организаціей территоріальной, объ этомъ можно только догадываться и всякія догадки въ этомъ направленіи будутъ въ значительной мѣрѣ, если не цѣликомъ, безпочвенны.

Сюда относится даже вопросъ о слѣдахъ важнѣйшей формы кровныхъ союзовъ, т.е. союзовъ родовыхъ, существованіе которыхъ мы по даннымъ сравнительной этнографіи имѣемъ право предполагать и среди грековъ.

Въ историческое время мы встрѣчаемъ рядъ данныхъ, указывающихъ на то, что греческія племена /или народности?/ напр. дорійцы и іонійцы нѣкогда распадались на филы и на фратріи, и что по крайней мѣрѣ аристократическія семейства сохранили /или создали вновь?/ родовую организацію, объединявшую болѣе или менѣе значительное количество объединенныхъ властью отца и мужа семействъ.

Но въ какомъ отношеніи эти порядки находятся къ тѣмъ, которые господствовали среди грековъ при ихъ поселеніи въ Элладѣ, мы не знаемъ.

Начнемъ съ филъ. Что такое фила въ своемъ первоначальномъ видѣ, искусственное подраздѣленіе переселяющейся орды или основанная на дѣйствительномъ или фиктивномъ родствѣ самостоятельная единица, соединившаяся подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ съ другими также самостоятельными единицами? И то и другое возможно. Дальше возникаетъ вопросъ, каково отношеніе филъ къ фратріямъ: являются ли фратріи опять таки подраздѣленіями филъ или филы составились изъ соединенія прежде самостоятельныхъ фратрій? И на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта.

Важно то, что неизвѣстно, когда филы образовались и каковы были ихъ историческія судьбы. Изъ того, что однѣ и тѣ же филы встрѣчаются въ метрополіи и въ /нѣкоторыхъ/ колоніяхъ, пожалуй, можно сдѣлать заключеніе, что филы существовали уже при поселеніи грековъ въ метрополіи. Но если это такъ и если филы уже тогда представляли прочныя организаціи, основанныя на дѣйствительномъ или фиктивномъ родствѣ, то въ высокой степени вѣроятно, что при переходѣ къ осѣдлости каждая фила занимала опредѣленную территорію /какъ мы это видимъ при германскихъ поселеніяхъ въ предѣлахъ имперіи/. Тогда представляется очень страннымъ, что напр. въ Кизикѣ, колоніи Милета, основаннаго въ свою очередь выходцами изъ Аттики, встрѣчаются все тѣ же филы Гелеонтовъ, Гоплетовъ, Аргадовъ и

Айгикореевъ, которыя намъ извѣстны въ Аттикѣ: неужели можно предположить, что не только изъ Аттики, но и впослѣдствіи изъ Милета двинулись непремѣнно представители всѣхъ четырехъ филъ?

Не яснѣе и значеніе фратрій. Одни считаютъ ихъ родовыми организаціями, другіе полагаютъ, что это союзы, основанные не на кровномъ родствѣ, а на искуственно установленномъ "кровномъ братствѣ". (Blutsbruderschaft).

Представляютъ ли наконецъ аристократическіе роды историческаго времени слѣды древней родовой организаціи, сохранившейся среди богатыхъ и владѣтельныхъ классовъ и утратившей свое значеніе среди народной массы, или наоборотъ эти аристократическіе роды представляютъ продуктъ болѣе поздняго развитія, слѣдующаго за разложеніемъ родовой организаціи и связаннаго съ соціальнымъ и политическимъ господствомъ знати.

Всѣ эти вопросы одинаково неразрѣшимы. Установить первоначальный смыслъ всѣхъ указанныхъ дѣленій греческихъ народностей, а въ иныхъ случаяхъ и установить непосредственную преемственную связь между древнѣйшими и историческими извѣстными организаціями, на нашъ взглядъ едва ли возможно.

4. Характеръ страны, въ которой греки поселились, не могъ не оказать весьма замѣтнаго вліянія на ихъ развитіе, вліянія, одна сторона котораго раскрывается уже въ раннихъ торговыхъ и культурныхъ сношеніяхъ съ востокомъ.

Но раньше чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ сторонъ этого вліянія географическихъ условій, слѣдуетъ

поставить вопросъ объ общемъ вліяніи всей греческой природы на развитіе греческаго народа.

Вотъ какъ характеризуютъ это вліяніе лучшіе знатоки и изслѣдователи греческой природы:

"Если кто пожелаетъ выяснить себѣ въ общихъ чертахъ, какими благопріятными чертами природа надѣлила Грецію, чтобы побудить способное населеніе къ раннему развитію національной культуры, то будетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, представить себѣ прежде всего теоретически тѣ формы природы, отъ дѣйствія которыхъ скорѣе всего можно ожидать, что они побудятъ людей къ полезной и многообразной дѣятельности, а слѣдовательно и къ гармоническому развитію ихъ силъ.

Прежде и раньше всего можно признать необходимымъ для этого, чтобы человѣкъ по отношенію къ природѣ былъ поставленъ въ нѣкоторомъ родѣ въ положеніе нуждающагося. Тамъ, гдѣ природа даритъ ему все, что ему нужно для поддержанія жизни, безъ всякаго напряженія съ его стороны, тамъ онъ будетъ вести полусонную растительную жизнь, тамъ ему будетъ недоставать самаго могущественнаго импульса къ дѣятельности, труда. Если съ другой стороны природа такъ непривлекательна, что она ему отказываетъ почти во всѣхъ средствахъ, способныхъ обезпечить ему удобства жизни, онъ ограничится заботой о наиболѣе необходимомъ, отчасти потому, что лучшаго и въ самомъ дѣлѣ не добудешь, отчасти потому, что уже забота о необходимѣйшемъ истощаетъ всѣ его силы: здѣсь суровая природа

дѣйствительно энергично встряхиваетъ человѣка изъ его сонной жизни, но только съ тѣмъ, чтобы властно удержать его на низкомъ культурномъ уровнѣ, такъ какъ она неумолимо отказываетъ ему въ средствахъ къ дальнѣйшему улучшенію его положенія. Первое, какъ человѣкъ, не встрѣчая импульса къ дѣятельности, надѣется на природу, мы видимъ въ тропическихъ странахъ, второе въ полярныхъ. И тамъ и тутъ, пока люди представляются самимъ себѣ, они остаются на низкомъ культурномъ уровнѣ, такъ какъ природа или не даетъ имъ импульса или не показываетъ имъ желательную и въ то же время достижимую цѣль. Иное дѣло въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ. Здѣсь природа не столь расточительна, чтобы избавить человѣка отъ чувства нужды, но все же достаточно богата, чтобы онъ съ нѣкоторымъ трудомъ могъ найти въ ней самой средства не только для того, чтобы устранить самую тяжелую нужду, но и для того, чтобы обезпечить себѣ извѣстный уютъ. Здѣсь человѣкъ, такимъ образомъ, побуждается къ дѣятельности двумя сильными мотивами: съ одной стороны его подгоняетъ нужда, съ другой стороны его привлекаетъ основательная надежда на удовлетворительные результаты его труда. Здѣсь даны условія для ранняго культурнаго развитія и это развитіе будетъ тѣмъ многообразнѣе и тѣмъ дольше будетъ вести отъ успѣха къ успѣху, чѣмъ природа будетъ богаче силами и средствами, которыми человѣкъ можетъ воспользоваться для постепеннаго улучшенія своего положенія.

Во вторыхъ на развитіе культуры будетъ имѣть благотворное вліяніе извѣстное разнообразіе формъ природы.

Однообразныя формы природной жизни, какъ напр. видъ моря, безконечныхъ степей или пустынь, вначалѣ, правда, нерѣдко глубоко захватываютъ человѣческую душу; но первое сильное впечатлѣніе скоро притупляется и подчасъ даже уступаетъ мѣсто подавленному настроенію, отъ котораго снова освобождаетъ лишь сила постепенной привычки; и во всякомъ случаѣ монотонныя формы лишены способности давать многообразные импульсы. Человѣкъ находитъ многообразные импульсы тамъ, гдѣ онъ поставленъ среди массы разнообразныхъ формъ природы, гдѣ земля и море часто и тѣсно соприкасаются другъ съ другомъ, гдѣ его взоры встрѣчаютъ горы и долины, рѣки и ручьи, лѣса и луга и гдѣ они приглашаютъ его извлечь изъ нихъ разнообразную пользу. Культура жителей степей и пустынь или обширныхъ лѣсныхъ пространствъ будетъ имѣть односторонній характеръ и въ большинствѣ случаевъ остановится на низкой ступени развитія; вѣдь здѣсь отсутствуетъ разнообразіе импульсовъ, побуждающее человѣка къ разнообразной дѣятельности. Тамъ, гдѣ почва богато расчленена, тамъ плодородныя долины приглашаютъ къ земледѣлію, богатые солнцемъ склоны холмовъ къ плодоводству, богатыя травами горы къ скотоводству, рѣки, озера и привѣтливое море къ рыболовству. По мѣрѣ того, какъ населеніе предается этимъ разнообразнымъ занятіямъ въ зависимости отъ того, что каждому ближе или что обѣщаетъ ему наибольшую выгоду, среди отдѣльныхъ группъ нѣкоторыя специфическія способности получаютъ большее развитіе; у каждой изъ нихъ накопляется запасъ

опыта по отношенію къ спеціальнымъ стремленіямъ ихъ дѣятельности, иначе говоря, культурное развитіе совершается болѣе быстрымъ темпомъ.

Но чтобы это развитіе пріобрѣло въ широкихъ размѣрахъ плодотворное значеніе, подобная мѣстность нуждается еще въ одномъ условіи — въ возможности легкихъ сношеній. Въ странахъ съ нерасчлененнымъ строеніемъ, среди обширныхъ низменностей, вродѣ русской, отдѣльныя части страны находятся въ совершенно одинаковыхъ или очень схожихъ физическихъ условіяхъ. Одинаковая высота надъ уровнемъ моря, одинаковыя климатическія условія, одинаковый характеръ почвы вызываютъ и одинаковую растительность и равномѣрное распредѣленіе животныхъ формъ среди однородной страны. Вслѣдствіе этого здѣсь и для культурнаго развитія нигдѣ нѣтъ повода къ отклоненіямъ, къ развитію особенностей; нигдѣ нѣтъ такихъ особенностей природы, которыя бы побуждали часть племени развивать преимущественно опредѣленныя способности и предупреждать въ опредѣленной сферѣ дѣятельности дѣятельность остальныхъ. Здѣсь каждый человѣкъ представляется въ нѣкоторомъ родѣ снимкомъ съ другого и сношеніе между людьми, этотъ могущественнѣйшій ферментъ взаимнаго вліянія по пути прогресса, при такихъ условіяхъ теряетъ свою возбуждающую силу; оно не даетъ возможности узнать нѣчто новое и достойное подражанія. Представимъ себѣ съ другой стороны діаметральную противоположность этой формы природы, альпійскую область, разорванную на извѣстное количество рѣзко обособленныхъ кантоновъ, которые только по недоступнымъ гор-

нымъ тропинкамъ черезъ трудные перевалы могутъ вступить другъ съ другомъ въ сношенія и мы, правда, увидимъ, что среди одинокихъ котловинъ развивается очень много особенностей: жители разныхъ долинъ будутъ представлять изъ себя собраніе пестрыхъ образцовъ, какъ напр. на Кавказѣ, гдѣ жители сосѣднихъ долинъ подчасъ принадлежатъ къ совершенно разнообразнымъ лингвистическимъ группамъ и вся горная страна является кабинетомъ этнографическихъ рѣдкостей. Но это великое разнообразіе не служитъ на пользу общей культурѣ, отчасти потому что сношенія слишкомъ затруднительны, чтобы могла быть рѣчь о живомъ взаимодѣйствіи. Тогда какъ тамъ среди монотонныхъ низменностей легкость сношеній мало помогаетъ при однообразіи культуры, здѣсь при трудности сношеній и многообразіе культурныхъ формъ не имѣетъ практической цѣны для общаго развитія.

Изъ того вліянія, которое оказываютъ эти два крайніе типа на народную жизнь, мы съ легкостью можемъ вывести, какія именно условія будутъ имѣть наиболѣе плодотворное вліяніе на культуру. Они будутъ заключаться, во-первыхъ, въ отчетливомъ расчлененіи и разнообразіи почвы, такъ что въ разныхъ частяхъ страны разныя теченія самостоятельнаго культурнаго развитія найдутъ длительную поддержку, и, во-вторыхъ, въ относительно легкихъ сношеніяхъ между отдѣльными центрами разнообразнаго культурнаго развитія. Тогда возможны и сношенія и взаимодѣйствіе. Дана возможность узнавать и усваивать новое и своеобразное. Лучшее не остается скрытымъ. Народное цѣлое не расплывается въ

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

однородную массу, которая слишкомъ легко останавливается въ своемъ развитіи на извѣстной ступени, а въ нѣкоторомъ родѣ дифференцируется въ извѣстное количество индивидуальностей, изъ коихъ каждая, благодаря своему своеобразному развитію, вноситъ свой вкладъ въ культуру цѣлаго. Здѣсь, гдѣ разныя отрасли культурной дѣятельности распредѣлились среди отдѣльныхъ группъ населенія, легкость сношеній далѣе даетъ возможность, обмѣниваться различными продуктами труда, а слѣдовательно и возможность концентрировать всю силу на развитіе собственной дѣятельности.

Таковы приблизительно основныя особенности тѣхъ природныхъ условій, которыя болѣе всего содѣйствуютъ быстрому и здоровому развитію человѣка. Что отмѣченныя условія въ Греціи всѣ имѣются на лицо, бросается въ глаза уже при поверхностномъ разсмотрѣніи страны." (Neumann-Partsch, Physikalische Geographie von Griechland mit besonderer Rücksicht auf das Alterthum, 1885, стр. 8-11)

Несмотря на разныя оговорки, въ которыхъ нуждается приведенный отрывокъ, какъ и большинство подобныхъ попытокъ установить значеніе географическихъ условій для развитія народовъ, въ общемъ нельзя не признать разсужденія авторовъ вполнѣ правильными, по крайней мѣрѣ, поскольку они относятся къ греческому народу.

Вліяніе природы на развитіе греческаго народа однако,

Лекція по Исторіи Греціи. Листъ 5-ый.
Лит. Богданова. Эртелевъ пер. № I. Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

не ограничивается вышеуказанными общими чертами. Поселенія грековъ на Балканскомъ полуостровѣ охватываютъ въ историческое время южную часть полуострова отъ Олимпа до южной оконечности Пелопонниса за исключеніемъ Эпира, т.е. со включеніемъ острова Эвбеи приблизительно 60.000 кв. кил. /ок.II00 кв.м./. Орографическое строеніе страны опредѣляется горнымъ хребтомъ Пинда, тянущимся съ сѣвера на югъ и юговостокъ и раздѣляющимъ сѣверную и среднюю Элладу на западную и восточную часть, и цѣлымъ рядомъ горныхъ хребтовъ, тянущихся отъ Пинда на западъ и югъ /Эпирскія и Этолійскія горы/ и на востокъ /Оерисъ, Эта и т.д./ или параллельно съ Пиндомъ /Олимпъ и т.д./. Гористость является также характерной особенностью Пелопонниса: рядъ горныхъ цѣпей, примыкающихъ къ аркадскому плоскогорью разбиваютъ полуостровъ на большое количество мелкихъ долинъ, среди коихъ наибольшее значеніе имѣютъ долины Эврота, Алѳея и Мессеніи.

Гористый характеръ страны и отсутствіе большихъ низменностей /единственной болѣе значительной является Ѳессалія/ оказали громадное вліяніе на ходъ греческой исторіи. Всякій народъ при переходѣ къ осѣдлости въ первое время имѣетъ тенденцію къ разложенію болѣе крупныхъ племенъ на мелкія общины: покуда среди земледѣльческаго народа господствуетъ натуральное ходяйство /мѣстное производство всѣхъ необходимыхъ для жизни благъ для мѣстнаго потребленія/, покуда не устанавливается болѣе или менѣе интенсивный обмѣнъ разныхъ продуктовъ разныхъ мѣстностей и тѣмъ самымъ не создается новая экономическая и культур-

ная связь, способная замѣнить болѣе примитивную, нѣкогда существовавшую среди кочующаго ордами племени, связь, всюду каждая община, каждое село имѣетъ тенденцію къ обособленности. Отъ характера страны зависитъ болѣе или менѣе полное осуществленіе этой тенденціи, а также и продолжительность періода мѣстной обособленности. Среди обширной низменности сношенія, естественно, легче сохраняются и экономическая обособленность не усугубляется такъ легко культурной и политической, какъ въ области, гдѣ всякое или почти всякое селеніе ограничено предѣлами какой нибудь одной небольшой долины и гдѣ населеніе вслѣдствіе этого больше привыкаетъ къ своей оторванности отъ окружающаго міра и способно, опираясь на естественныя условія, легче отразить попытку сосѣдей вторгнуться въ его владѣнія. А разъ обособленность проникла въ такой степени въ нравы, то и при измѣнившихся условіяхъ возникающее съ теченіемъ времени стремленіе къ объединенію встрѣчаетъ такія затрудненія, какихъ обширная низменность не представляетъ ни съ географической ни съ культурной стороны. Одна изъ существенныхъ причинъ крайняго дробленія политической жизни греческаго народа, такимъ образомъ, несомнѣнно заключается въ самомъ характерѣ страны и если это дробленіе въ культурномъ отношеніи содѣйствовало, какъ выше указано, многообразію проявленій греческой культурной жизни, то то же самое дробленіе въ политическомъ отношеніи имѣло самыя пагубныя послѣдствія для судебъ греческаго народа.

Вторымъ характернымъ и крайне важнымъ отличіемъ заселенной греками области является рѣдкая на всемъ земномъ шарѣ изрѣзанность береговъ и доступность страны съ моря. Начиная съ Ѳермейскаго залива около Олимпа, мы видимъ на восточномъ берегу Пагазейскій, Малійскій, Саронический и Аргосскій, на южномъ берегу Лаконскій и Миссенскій, на западѣ большой Коринѳскій и Амвракійскій заливы, не говоря уже о болѣе мелкихъ. Эта близость къ морю особенно важна еще потому, что Грецiя не имѣетъ сколько нибудь значительныхъ рѣчныхъ системъ: даже наиболѣе значительныя и не высыхающія лѣтомъ рѣки, какъ Пеней въ Ѳессалiи, Алфей въ Элидѣ и Ахелой на границѣ Этолiи и Акарнанiи, мало удобны для судоходства. Близость моря вслѣдствiе этого одна способна обезпечить возможность сношенiй и обмѣна. Съ этой точки зрѣнiя, впрочемъ, существуетъ немаловажная разница между западнымъ и восточнымъ берегомъ Грецiи: западный берегъ кромѣ Коринѳскаго залива не имѣетъ болѣе удобныхъ гаваней и вообще въ меньшей степени изрѣзанъ, чѣмъ восточный, благодаря чему торговая жизнь и развилась особенно на востокѣ и на Коринѳскомъ заливѣ.

Этому, впрочемъ, содѣйствовали и другiя причины. Прежде всего Эгейское море въ отличiе отъ Iонiйскаго болѣе удобно для плаванiя, главнымъ образомъ, благодаря обилiю острововъ, почти непрерывной цѣпью соединяющихъ Грецiю съ Малой Азiей. "Говорятъ объ Европѣ и Азiи и невольно думаютъ о двухъ различныхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга естественными границами материкахъ", замѣчаетъ Курцiусъ. "Но гдѣ эти границы? Быть можетъ на сѣверѣ,

тамъ, гдѣ Уралъ раздѣляетъ обширныя пространства земли, и возможно провести пограничную линію; на югѣ отъ Чернаго моря природа нигдѣ не провела демаркаціонной линіи между Востокомъ и Западомъ, а наоборотъ сдѣлала все, чтобы соединить ихъ тѣсно и неразрывно... Прибрежныя области относятся другъ къ другу, какъ двѣ половины одной страны и прибрежные города вродѣ Фессалоники и Аѳины всегда стояли гораздо ближе къ іонійскимъ прибрежнымъ городамъ /Малой Азіи/, чѣмъ къ окружающей ихъ самихъ территоріи или тѣмъ болѣе къ западнымъ берегамъ ихъ собственнаго материка, отъ которыхъ они были отдѣлены обширными областями и труднымъ плаваніемъ.

Море и воздухъ соединяютъ берега Архипелага въ одно цѣлое; тѣ же ежегодные вѣтры дуютъ отъ Геллеспонта до Крита и создаютъ одинаковыя условія для мореплаванія, одинаковыя перемѣны въ климатѣ. Между Азіей и Европой едва найдется такой пунктъ, гдѣ мореплаватель при ясной погодѣ могъ бы почувствовать себя одинокимъ между небомъ и моремъ; глазъ проникаетъ отъ острова до острова, удобные дневные переѣзды ведутъ изъ бухты въ бухту... Произволъ политики, какъ въ древнія, такъ и въ новыя времена раздѣлялъ оба берега и дѣлалъ изъ болѣе широкихъ морскихъ проливовъ границу между островами, но всякое подобное разграниченіе оставалось чисто внѣшнимъ и никогда не могло раздѣлить того, что природа создала, какъ мѣсто дѣйствія одной общей исторіи". (Curtius, Griechische Geschicte т. I, стр. 3-4).

Естественнымъ результатомъ такого строенія бассейна Эгейскаго моря слѣдуетъ признать раннее заселеніе малоазіатскаго побережья греками /см. дальше/ и тѣсную связь, существующую между исторіей и культурой греческаго народа и Передней Азіи. "Начиная съ Ѳракійскаго побережья восточный берегъ представляется лицевой стороной обширной массы земель Балканскаго полуострова". (Curtius, т. I, стр. 11)

Помимо географическихъ условій тому же результату содѣйствуетъ историческая обстановка, среди коей развивается греческая жизнь. Основнымъ фактомъ всей греческой исторіи въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ признать то обстоятельство, что греки именно на востокѣ столкнулись съ богатыми и въ экономическомъ и въ культурномъ отношеніи областями египетской, вавилоно-ассирійской, финикійской, хетской, лидійской и мидоперсидской культуръ.

Обращенная на востокъ уже по географическимъ причинамъ греческая жизнь вслѣдствіе этого обстоятельства въ еще большей степени получаетъ восточное направленіе. Сношенія съ востокомъ, съ лидійской монархіей, съ Египтомъ и особенно съ персидскимъ царствомъ сыграли громадную роль не только во внѣшнемъ, но и во внутреннемъ развитіи греческаго народа.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ особенности въ природѣ Греціи, которыя такъ или иначе отразились на исторіи грековъ. Въ заключеніе остается только замѣтить, что и направленіе греческаго движенія на западъ также было обусловлено географическими причинами. Почти полное от-

сутствіе хорошихъ гаваней на восточномъ побережьи Италіи и бурный характеръ Адріатическаго моря /наряду съ нѣкоторыми другими условіями/ не дали грекамъ возможности заселить бассейнъ этого моря и направили ихъ колоніи изъ южной Италіи на западъ въ Сицилію, на Липарскіе острова, въ Сардинію, Корсику, южную Францію и восточную Испанію. Если лицевая сторона Греціи обращена къ востоку, то лицевая сторона Италіи обращена къ западу.

5. Древнѣйшая колонизація. "Внѣшняя исторія греческаго народа", по мѣткому замѣчанію Мейера [G. d. A. 2, 215] "въ существѣ дѣла заключается въ безпрерывномъ переселеніи, начало котораго относится къ очень давнимъ временамъ".

Непосредственной причиной всѣхъ болѣе значительныхъ переселенческихъ движеній самыхъ разнообразныхъ народовъ является ростъ населенія и связанная съ нимъ необходимость увеличенія средствъ къ пропитанію ростущаго населенія. Теоретически разсуждая, увеличеніе средствъ пропитанія даннаго населенія можетъ быть достигнуто двоякимъ путемъ, а именно расширеніемъ его территоріи или переходомъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства, при которомъ та же самая территорія будетъ въ состояніи прокормить болѣе значительное количество населенія, чѣмъ раньше, когда формы хозяйства были менѣе интенсивны.

Само собою разумѣется, что обѣ формы обезпеченія прироста населенія средствами къ жизни не только не исключаютъ другъ друга, но очень часто встрѣчаются у одного и того же народа въ одно и то же время. Ясно далѣе и то, что каждая изъ нихъ заключаетъ специфическія трудности:

расширеніе территоріи предполагаетъилизавоеваніе или переселеніе всего народа или болѣе или менѣе значительныхъ частей его; переходъ къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства предполагаетъ большую затрату физическаго и умственнаго труда и болѣе расчетливое расходованіе человѣческихъ силъ. Несмотря , однако, ни на то, что расширеніе территоріи и улучшеніе хозяйства не исключаютъ другъ друга, и несмотря на то, что и то и другое соединено съ необходимостью побороть опредѣленныя затрудненія, въ общемъ, повидимому, можно сказать, что покуда есть возможность увеличить средства къ жизни при условіи сохраненія обычныхъ формъ хозяйства, иначе говоря, покуда есть возможность такъ или иначе завладѣть новыми территоріями, всякій народъ предпочитаетъ этотъ исходъ тому, который требуетъ большую затрату труда, т.е. переходу къ болѣе интенсивному хозяйству. Послѣдній совершается лишь въ случаѣ крайней необходимости, подъ давленіемъ нужды, устранить которую иными средствами представляется невозможнымъ, причемъ само собою ясно, что косность народа будетъ тѣмъ болѣе значительна, чѣмъ ниже его культурный уровень, чѣмъ большее значеніе для него имѣетъ стародавній обычай, опредѣляющій весь образъ его жизни и его взглядовъ.

Изъ этого непосредственно слѣдуетъ, что развитіе народа, тѣсно соединенное съ увеличеніемъ количества труда, употребляемаго имъ съ цѣлью сдѣлатьсебя независимымъ отъ природы, будетъ совершаться тѣмъ медленнѣе, чѣмъ обширнѣе занятая имъ территорія и чѣмъ легче ему

достанется ея дальнѣйшее расширеніе. Степень легкости расширенія разъ занятой территоріи въ свою очередь зависитъ отъ двухъ главныхъ условій, отъ географическаго характера страны и отъ населенности и /культурнаго/ характера населенія сосѣднихъ съ данной территоріей мѣстностей, а также и отъ степени культурности самого стремящагося къ захватамъ народа.

Ясно, что народъ, живущій среди громадной равнины, скорѣе будетъ въ состояніи расширить свои владѣнія, чѣмъ народъ, владѣнія котораго окружены обширными водными пространствами или высокими горными хребтами. Точно также ясно, что чѣмъ меньше будутъ населены сосѣднія области и чѣмъ меньше политическая организація сосѣдей будетъ приспособлена къ систематическому и упорному сопротивленію, тѣмъ меньшія затрудненія совершающій захваты народъ встрѣтитъ на своемъ пути. При этомъ даже можетъ случиться, что этотъ народъ въ общемъ будетъ стоять на болѣе низкой ступени культурнаго развитія — будетъ кочевымъ народомъ —, чѣмъ сосѣднее — осѣдлое — населеніе, и тѣмъ не менѣе онъ можетъ одержать верхъ, если только его политическая организація будетъ болѣе прочна, чѣмъ организація его культурныхъ сосѣдей. Послѣднее въ свою очередь можетъ произойти въ двухъ случаяхъ: когда болѣе культурный народъ переживаетъ періодъ культурнаго и соціальнополитическаго кризиса или упадка, лишающаго его центральную власть нравственной и матеріальной поддержки со стороны населенія /завоеваніе Египта кочевыми

гиксами, завоеваніе обширныхъ областей римской имперіи полукочевыми восточными германцами, завоеваніе византійскихъ и сассанидскихъ владѣній кочевыми арабами и т.д./ и когда болѣе культурный народъ еще не успѣлъ создать болѣе сложной и прочной политической организаціи, но вмѣстѣ съ переходомъ къ осѣдлости успѣлъ утратить ту болѣе примитивную свойственную ордамъ кочевниковъ организацію, которая даетъ его врагу возможность одержать надъ нимъ верхъ /покореніе русскихъ татарами и т.п./

Чѣмъ благопріятнѣе складываются всѣ эти условія, чѣмъ легче народъ можетъ расширить предѣлы занятой имъ территоріи, тѣмъ медленнѣе, очевидно, будетъ совершаться переходъ его къ болѣе интенсивному хозяйству и къ болѣе сложнымъ формамъ соціальной, культурной и политической жизни. Съ этой точки зрѣнія одна изъ существенныхъпричинъ культурной отсталости русскаго народа по сравненію съ его западно-европейскими сосѣдями заключается именно въ сравнительной легкости, съ которой русскій народъ съ бассейна Днѣпра проникъ въ бассейнъ верхней Волги и сѣверно-русскихъ рѣкъ, по Камѣ проникъ въ Сибирь и дошелъ до Тихаго океана, заселяя въ то же время и покинутыя имъ подъ напоромъ кочевниковъ низовья Волги, Дона и Днѣпра. Этимъ безспорно задерживалось развитіе болѣе сложныхъ формъ хозяйственной и общественной жизни.

Стремленіе къ расширенію данной территоріи такимъ образомъ свойственно всякому здоровому и развивающемуся народу, особенно въ болѣе ранніе /но не только въ болѣе

ранніе/ періоды его жизни, но осуществленіе этого стремленія и формы его осуществленія, какъ видно, зависятъ отъ очень разнообразныхъ условій. Расширеніе территоріи можетъ быть результатомъ массовыхъ переселеній кочевого или полукочевого народа, соединенныхъ съ войной и завоеваніемъ /ср. образованіе германскихъ государствъ въ предѣлахъ римской имперіи, образованіи халифата и т.д./, причемъ завоеваніе и переселеніе совпадаютъ и въ послѣднемъ принимаетъ участіе цѣлое племя. Нѣсколько иной характеръ имѣетъ завоеваніе и заселеніе нѣмцами области полабскихъ и поморскихъ славянъ и Пруссіи: здѣсь завоеваніе совершается нѣмецкими князьями и тевтонскимъ орденомъ и влечетъ за собою заселеніе завоеванныхъ областей выходцами изъ разныхъ нѣмецкихъ областей /саксовъ, фламандцевъ, голландцевъ и т.д./. Третью форму мы наблюдаемъ въ видѣ движенія русскаго народа на финскій сѣверъ и востокъ: здѣсь нѣтъ ни массовыхъ переселеній цѣлыхъ племенъ, ни /въ большинствѣ случаевъ/ планомѣрной дѣятельности князей, скорѣе слѣдующихъ за теченіемъ, чѣмъ руководящихъ имъ и дающихъ ему направленіе; здѣсь расширеніе территоріи представляетъ результатъ иниціативы большей частью безымянныхъ выходцевъ изъ народа, предупреждающихъ соотвѣтственную дѣятельность государственной власти. /Ср. напр. еще въ настоящее время появленіе русскихъ поселенцевъ въ китайской Монголіи; ср. Ядринцевъ, Сибирь какъ колонія II изд. стр.203/ Здѣсь движеніе имѣетъ характеръ постепенной инфильтраціи русскаго элемента, медленно, но вѣрно вытѣсняющаго туземцевъ, причемъ, ра-

зумѣется, дѣло не обходится и безъ насилія, набѣговъ и завоевательныхъ предпріятій /ср.покореніе западной Сибири Ермакомъ/.

Древнѣйшая греческая колонизація, повидимому, имѣла такой же характеръ: по своему основному характеру это не было ни массовое переселеніе, ни переселеніе, руководимое князьями, а постепенное заселеніе ближайшихъ къ Элладѣ острововъ, а тамъ и низменнаго западнаго побережья Малой Азіи отдѣльными группами выходцевъ, искавшихъ новыя земли для поселенія.

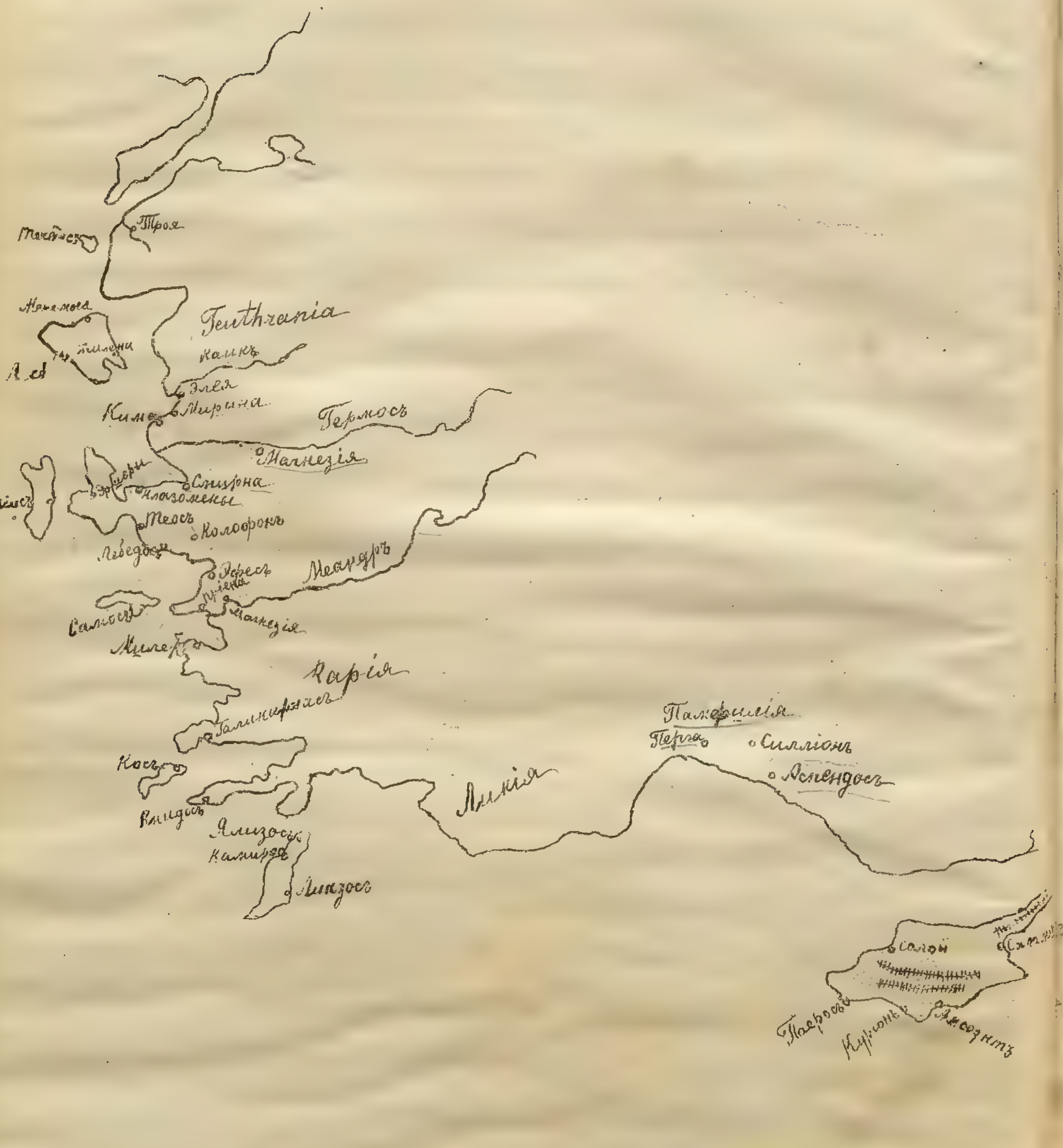
Установить въ точности, когда началось колонизаціонное движеніе, мы, разумѣется, не въ состояніи. Несомнѣнно лишь то, что начало его относится къ весьма давнимъ временамъ /по мнѣнію Мейера къ началу XIII стол. до Р.Хр./ На это указываетъ уже отмѣченный выше фактъ близкаго родства кипрскаго и аркадскаго нарѣчія: очевидно, заселеніе Кипра предшествовало дорійскому нашествію, т.е. относится еще къ эпохѣ микенской культуры.

Самый фактъ ранняго заселенія части Кипра, столь отдаленнаго отъ центровъ греческой жизни, не представляетъ ничего особенно поразительнаго въ виду того крайне важнаго положенія, которое Кипръ занималъ въ торговой жизни этой эпохи. Всѣ сношенія съ востокомъ проходили черезъ Кипръ и возникшее такимъ путемъ знакомство съ богатымъ островомъ, богатства котораго, вѣроятно, еще преувеличивались народной фантазіей, обратило на него вниманіе греческихъ выходцевъ, постепенно занявшихъ плодородную

долину въ центрѣ острова и расширившихъ свои владѣнія насчетъ туземцевъ и болѣе раннихъ финикійскихъ поселенцевъ, занявшихъ преимущественно области, богатыя мѣдной рудой. Такимъ путемъ здѣсь создался рядъ греческихъ городскихъ центровъ вродѣ Саламиса, Хитъ, Ледры, Лакедемона, Амаѳунта, Куріона, Пафоса и Солой. О давности кипрскихъ колоній грековъ можно судить и потому, что населеніе въ отличіе отъ остальныхъ грековъ заимствовало форму письменъ /т.наз. силлабарій/ у малоазіатскаго хетскаго царства въ такое время, когда еще не успѣлъ развиться финикійскій алфавитъ т.е. до X вѣка, и сохранило свое болѣе примитивное письмо, въ основѣ котораго лежитъ не изображеніе буквъ, а изображеніе слоговъ, несмотря на тѣсныя сношенія съ финикійскимъ населеніемъ острова, придавшимъ всей кипрской культурѣ смѣшанный греко-финикійскій характеръ, что было бы немыслимо, если бы это болѣе примитивное письмо не пріобрѣло ко времени появленія финикійскаго алфавита всѣхъ правъ освященной традиціей давности.

Независимо отъ Кипра выходцы изъ Греціи заняли еще близъ лежащій памфильскій берегъ Малой Азіи, гдѣ они также основали рядъ городовъ /Пергу, Силліонъ, Аспендосъ, Сиду/ и также въ значительной мѣрѣ подверглись смѣшенію съ туземцами, что имъ, однако, не помѣшало сохранить свой языкъ, также очень близкій къ аркадскому діалекту.

Гораздо большее значеніе, чѣмъ эти отдаленныя колоніи основаніе которыхъ быть можетъ стоитъ въ связи съ упомянутыми египетскими памятниками, походами сѣверныхъ наро-


Троя
Teuthrania
Каикъ
Элея
Мирина
Гермосъ
Магнезія
Смирна
Клазомены
Теосъ
Колофонъ
Лебедосъ
Эфесъ
Меандръ
Магнезія
Самосъ
Милетъ
Карія
Галикарнасъ
Косъ
Книдосъ
Ялизосъ
Линдосъ
Ликія
Памфилія
Перга
Силліонъ
Аспендосъ
Солой
Пафосъ
Курионъ

довъ на Египетъ /въ XIII вѣкѣ/, имѣли, однако, колоніи на западномъ берегу Малой Азіи, въ созданіи которыхъ участвовали какъ эолійцы, такъ и іонійцы и дорійцы, причемъ колоніи ихъ слѣдуютъ другъ за другомъ съ сѣвера на югъ въ порядкѣ разселенія греческихъ племенъ въ самой Эллядѣ.

Сѣверозападная часть малоазіатскаго побережья была занята эолійцами, занявшими сначала острова Лесбосъ и Тенедосъ, а затѣмъ тевранское и лидійское побережіе Малой Азіи, откуда они постепенно двигались въ глубь страны по низовьямъ Каика и Герма. Города Питана, Элея, Гринейонъ, Мирина, Кима, Темносъ, древняя Смирна, Неонтейхосъ, Магнезія, таковы важнѣйшіе центры ихъ поселеній Большинство населенія происходило изъ Ѳессаліи и Віотіи и сказанія о ѳессалійскомъ геро̀ѣ Ахиллѣ первоначально были сосредоточены на завоеваніи Лесбоса, Тенедоса и тевранскаго побережья и лишь позднѣе комбинировались съ пелопоннисскими сказаніями о походѣ микенскаго царя Агамемнона на Трою, въ область которой сами эолійцы проникли только въ VIII вѣкѣ. Давнишнее соединеніе сказаній объ Ахиллѣ съ сказаніями объ Агамемнонѣ само по себѣ дѣлаетъ вѣроятнымъ, что въ эолійской колонизаціи кромѣ выходцевъ изъ сѣверной и средней Греціи участвовали и выходцы изъ Пелопонниса. Только здѣсь всѣ они, повидимому, сознали какъ свою близость, такъ и тѣ особенности, которыя ихъ отличали отъ туземцевъ и въ связи съ этимъ возникло и племенное названіе "Эолійцевъ", впослѣдствіи перенесенное и на ихъ родичей въ метрополіи.

Іонійцы заняли прежде всего Киклады, затѣмъ Хіосъ и Самосъ и отсюда уже перешли на малоазіатское побережіе: кромѣ Магнезіи на Меандрѣ всѣ ихъ города /Клазомены, Эрифры, Теосъ, Лебедосъ, Колофонъ, Эфесъ, Пріена, Міунтъ, Милетъ и Фокея/ расположены на морскомъ берегу и греческія поселенія нигдѣ не проникли глубже въ страну, изъ чего, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы они съ самаго начала имѣли торговый, а не земледѣльческій характеръ: дальнѣйшее распространеніе грековъ было задержано туземцами. Послѣдніе, впрочемъ, не были истреблены и въ занятой греками области, какъ видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. въ Милетѣ, наряду съ обычными четырьмя іонійскими филами существуютъ еще и другія, вѣроятно туземныя /такъ въ Милетѣ Бореи и Ойнопы/. Самый фактъ, что въ Милетѣ, Теосѣ, Эфесѣ и, вѣроятно, въ большинствѣ другихъ городовъ встрѣчается дѣленіе на тѣ же четыре филы /Гелеонты, Гоплеты, Аргады и Айгикореи/, которыя намъ извѣстны въ Аттикѣ, доказываетъ, что масса іонійскихъ выходцевъ происходила изъ Аттики, съ чѣмъ въ существенныхъ чертахъ согласно и мѣстное преданіе. Кромѣ Аттики въ іонійской колонизаціи, повидимому, участвовали Эвбея, восточное побережіе Пелопоннеса, а можетъ быть также и выходцы изъ Аркадіи и другихъ частей Пелопоннеса. Точно также, какъ и эолійцы, іонійцы именно въ колоніяхъ почувствовали и развили свои особенности и точно также именно здѣсь возникло самое племенное названіе іонійцевъ, перенесенное затѣмъ на ихъ родичей въ метрополіи.

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Къ эолійской и іонійской колонизаціи послѣ переселенія дорійцевъ въ Пелопоннисъ примыкаетъ и дорійская. Та, хотя и примитивная, но единая племенная организація, которая, вѣроятно, отличала дорійцевъ при ихъ движеніи на Пелопоннисъ и обезпечила имъ побѣду, должна была распасться послѣ завоеванія, и ихъ колонизація въ связи съ этимъ также мало отличается единствомъ плана и исполненія, какъ и колонизаціонное движеніе эолійцевъ и іонійцевъ. Ближайшей цѣлью переселенческаго движенія и здѣсь были острова, Мелосъ, Ѳера, Критъ, Косъ и Родосъ и затѣмъ уже югозападное карійское побережье Малой Азіи. Изъ острововъ самымъ крупнымъ былъ Критъ, на которомъ дорійцы, кромѣ туземцевъ малоазіатскаго происхожденія /т.наз. Этеокритяне/ столкнулись съ слабыми финикійскими колоніями и съ греческими поселеніями микенскаго періода. О внутренней организаціи вѣчно враждовавшихъ другъ съ другомъ критскихъ городовъ /Кноссосъ, Гортинъ, Файстосъ, Ликтосъ, Гіерапитна, Кидонія/ будетъ сказано ниже. Изъ другихъ центровъ дорійской колонизаціи наибольшее значеніе имѣютъ островъ Родосъ съ его тремя городами /Линдосъ, Ялизосъ, Камиросъ/ и города на малоазіатскомъ побережіи, Книдъ и Галикарнассъ, населеніе которыхъ подверглось смѣшенію съ туземцами, особенно карійцами.

Результатомъ перваго крупнаго періода греческой колонизаціи такимъ образомъ является заселеніе большей части

Лекціи по Исторіи Греціи. Листъ 6-ой.

Лит. Богданова. Эртелевъ пер. № I. Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

острововъ Эгейскаго моря /кромѣ сѣверныхъ вродѣ Лемноса, Имброса, Скироса, Θазоса и Самоѳраки/ и всего побережья Малой Азіи почти отъ самаго Геллеспонта и до Ликіи, а дальше заселеніе Памфиліи и части Кипра. Весь этотъ процессъ, повидимому, уже былъ законченъ къ началу перваго тысячелѣтія до Р.Хр. и, хотя въ значительной мѣрѣ игнорируется эпосомъ, но служитъ необходимымъ условіемъ для развитія самаго эпоса сначала въ эолійскимъ, затѣмъ въ іонійскихъ колоніяхъ Малой Азіи. Благодаря отсутствію какихъ либо современныхъ событіямъ записей и недостовѣрности позднѣйшихъ преданій и комбинацій весь этотъ процессъ можетъ быть возстановленъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ и лишенъ для насъ всякихъ сколько нибудь достовѣрныхъ индивидуальныхъ чертъ, да и изображеніе всей народной жизни этого, а тѣмъ болѣе предшествовавшаго періода, не моежтъ опираться на сколько нибудь удовлетворительныя данныя, каковыя мы получаемъ впервые съ того момента, какъ эпосъ рисуетъ намъ бытъ создавшаго его греческаго народа.

II. Греческая жизнь въ эпоху гомеровскихъ поэмъ.

Главнымъ источникомъ для изображенія греческаго быта въ ту эпоху, которая послѣдовала за разложеніемъ Микенскихъ царствъ и ихъ культуры и предшествовала эпохѣ борьбы аристократіи съ демократіей, являются гомеровскія поэмы, наряду съ которыми нѣкоторыя указанія могутъ дать исторически извѣстныя формы жизни позднѣйшихъ государствъ,

особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя отстали отъ богатаго развитія послѣдующаго времени и сохранили болѣе архаическія черты быта /какъ напр. этолійцы, акарнанцы, отчасти ахейцы Пелопонниса и аркадцы и затѣмъ Спарта и Критъ/.

Но если гомеровскія поэмы и являются нашимъ главнымъ источникомъ, то изъ этого, какъ мы уже видѣли, еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ давали вполнѣ удовлетворительный матеріалъ для полной реконструкціи жизни греческаго народа въ данную эпоху его развитія. Съ одной стороны ихъ развитіе охватываетъ время отъ X до VII вѣка до Р.Хр., а при такихъ условіяхъ въ нихъ не можетъ не быть ряда слѣдовъ разнообразныхъ эпохъ, съ другой стороны пѣвцы систематически умалчиваютъ о цѣломъ рядѣ явленій, которыя ими признаются болѣе позднними, чѣмъ тѣ, о которыхъ говорится въ эпосѣ. Въ то же самое время пѣвцы, однако, невольно изображаютъ хозяйственную, соціальную, политическую и религіозную жизнь, воспѣваемыхъ ими давнихъ временъ въ такомъ или приблизительно такомъ видѣ, въ какомъ они сами наблюдаютъ эту жизнь вокругъ себя: какъ бы они не старались перенестись въ давно прошедшія времена, они поневолѣ вынуждены переносить въ нее отношенія, господствующія среди окружающей ихъ, единственно извѣстной и доступной ихъ вниманію, жизни. Само собою разумѣется, что именно это то и придаетъ ихъ пѣснямъ особенную цѣну въ нашихъ глазахъ, но съ другой стороны смѣшеніе легендарной темы съ позднѣйшими историческими фор-

мами жизни нарушаетъ точно также единство той картины, изъ которой мы должны извлечь наши свѣдѣнія о древнегреческомъ бытѣ, какъ аналогичное, но легче поддающееся провѣркѣ, смѣшеніе въ пѣсни о Нибелунгахъ ставило бы насъ въ затруднительное положеніе, если бы мы только по этой пѣсни должны были возстановить нѣмецкій бытъ X-XII вѣковъ. Къ этому нужно прибавить еще и то, что гомеровскія поэмы точнѣе всего отражаютъ, очевидно, жизнь той части греческаго народа, среди которой они возникли и окончательно сложились, т.е. жизнь эолійскихъ и особенно іонійскихъ колоній Малой Азіи, иначе говоря жизнь наиболѣе прогрессивной части греческаго народа, на основаніи которой отнюдь нельзя дѣлать выводовъ о современномъ поэмамъ бытѣ болѣе отдаленныхъ отъ культурныхъ центровъ и болѣе отсталыхъ областей Греціи.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ данныя гомеровскихъ поэмъ нуждаются въ осторожномъ обращеніи, если пользоваться ими, какъ историческимъ источникомъ и никогда не слѣдуетъ забывать, что и независимо отъ всѣхъ другихъ затрудненій они даютъ болѣе или менѣе отчетливое представленіе только о высшихъ формахъ греческой жизни данной эпохи. О бытѣ менѣе развитыхъ греческихъ племенъ этой эпохи мы ничего не узнаемъ, но должны предположить, что онъ былъ болѣе или менѣе значительно ниже "гомеровскаго".

I Общій характеръ гомеровской культуры отличается значительной сложностью и очень далекъ отъ первобытной грубости. Недаромъ пѣвцы берутъ свой матеріалъ изъ быта

эолійскихъ и особенно іонійскихъ городовъ Малой Азіи. Повсюду, въ экономической, соціальной, политической, религіозной и художественно-поэтической области мы имѣемъ дѣло съ сравнительно высокимъ уровнемъ быта и представленій. Какъ примитивно намъ бы не казалось очень многое въ "гомеровской" культурѣ съ нашей современной точки зрѣнія или по сравненію съ эпохой Перикла или съ эпохой Сократа, Платона и Аристотеля, мы все же не должны забывать, что гомеровскія поэмы въ общемъ также мало рисуютъ намъ первыя стадіи развитія греческаго народа, какъ пѣсни о Роландѣ, сказанія о Граалѣ или о Нибелунгахъ рисуютъ намъ первыя стадіи развитія французскаго или нѣмецкаго народа. Развитіе художественно законченнаго эпоса само по себѣ предполагаетъ долгое упражненіе поэтическихъ силъ народа, большой запасъ художественныхъ типовъ, большое количество преданій, а слѣдовательно и большое число славныхъ дѣяній, способныхъ послужить центромъ подобнаго рода преданій. Сообщенія греческихъ и римскихъ писателей и лѣтописныя и иныя записи христіанскихъ епископовъ, священниковъ и монаховъ позволяютъ намъ возстановить ходъ развитія нѣмецкаго народа отъ I вѣка до нашей эры вплоть до созданія пѣсни о Нибелунгахъ, т.е. на разстояніи 12-13 вѣковъ, и даютъ намъ возможность прослѣдить фазисы его развитія, не прибѣгая вовсе къ этой поэмѣ. Отсутствіе подобныхъ данныхъ для древней греческой исторіи заставляетъ насъ искать ключъ къ прошлому греческаго народа почти исключительно въ гомеровскихъ поэмахъ, но первымъ условіемъ для истиннаго

пониманія послѣднихъ является признаніе долгаго почти совершенно скрытаго отъ нашего вниманія предшествующаго развитія греческаго народа, на которомъ покоится отразившійся въ Иліадѣ и Одиссеѣ міръ.

2.Экономическій строй, какъ онъ изображенъ въ поэмахъ, самъ по себѣ уже свидѣтельствуетъ о сравнительно значительномъ развитіи. Населеніе уже не въ состояніи прокормиться однимъ сельскохозяйственнымъ трудомъ: наряду съ нимъ уже замѣчаются довольно значительные зачатки промышленности. Очевидно, греческій народъ начинаетъ выходить изъ стадіи натуральнаго домашняго хозяйства и переходитъ къ тому типу городского хозяйства, который, по остроумному указанію Бюхера (die Entstehung der Volkswirtschaft) въ свою очередь предшествуетъ развитію народнаго хозяйства /См.дальше/.

Сельскохозяйственная дѣятельность, однако, стоитъ еще на первомъ планѣ. При поселеніи въ предѣлахъ Эллады греки, какъ мы видѣли, были кочевымъ народомъ, добывавшимъ средства къ жизни при помощи обширнаго скотоводства. Главными породами скота, которыми они пользовались, судя по позднѣйшимъ даннымъ и по характеру страны, вѣроятно, и тогда уже были козы, овцы и свиньи, наряду съ которыми богатые люди въ болѣе значительныхъ долинахъ обладали и крупнымъ рогатымъ скотомъ, а мѣстами и табунами лошадей: масса населенія, вѣроятно, замѣняла воловъ и лошадей ослами и мулами.

Если въ нѣкоторыхъ гористыхъ и неудобныхъ для земледѣлія областяхъ скотоводство поневолѣ еще долго, а от-

части и навсегда сохранило господствующее положеніе и если цари и знать еще въ эпоху гомеровскихъ поэмъ и даже позднѣе продолжали содержать на своихъ земляхъ обширныя стада, то во всѣхъ болѣе удобныхъ мѣстахъ масса населенія перешла къ земледѣлію, какъ видно уже изъ того, что /по крайней мѣрѣ въ Малой Азіи/ хлѣбъ и вино являются необходимыми составными частями пищи. Воздѣлывается ячмень и полба, а наряду съ ними и пшеница, причемъ земли уже унавоживаются, несмотря на то, что послѣднее представляетъ уже несомнѣнный прогрессъ, земледѣліе имѣетъ еще довольно экстенсивный характеръ, какъ видно хотя бы изъ того, что половина земли ежегодно лежитъ подъ паромъ /т.наз. двухпольная система/. Съ другой стороны значительное развитіе винодѣлія, огородничества и особенно замѣтное въ болѣе позднихъ частяхъ поэмъ разведеніе фиговаго и главнымъ образомъ оливковаго дерева указываютъ на весьма значительный прогрессъ въ общей экономической жизни населенія, приспособляющагося къ особенностямъ почвы и старающагося извлечь изъ нея возможно большее количество хозяйственныхъ благъ. Обработка виноградниковъ и разведеніе плодовыхъ деревьевъ вмѣстѣ съ тѣмъ уже сами по себѣ указываютъ на господство принципа частной собственности на земли.

Наряду съ земледѣліемъ промышленность играетъ еще совершенно второстепенную роль. Въ общемъ въ гомеровскихъ поэмахъ упоминаются кузнецы, золотыхъ дѣлъ мастера, гончары, плотники, кожевенники, каменьщики и т.д. Къ ремесленникамъ, далѣе, причисляются врачи, глашатаи, пѣвцы

а далѣе и лица, умѣющія разгадывать сны и разнаго рода предзнаменованія и сдѣлавшія изъ этого умѣнія профессію.

Уже изъ этого перечня видно, что классъ деміурговъ, т.е. лицъ, работающихъ на пользу общества, еще не успѣлъ дифференцироваться. Въ составъ его входятъ элементы, по существу своему разнородные. Но если остановиться въ частности на ремесленникахъ въ собственномъ смыслѣ слова, то и тутъ еще нельзя говорить о строгомъ разграниченіи спеціальностей: раньше чѣмъ приступить къ обработкѣ матеріала плотникъ долженъ исполнить роль дровосѣка и срубить дерево; кожевенникъ занимается производствомъ щитовъ, кузнецъ производитъ предметы изъ драгоцѣнныхъ металловъ.

Параллельно съ малымъ развитіемъ промышленности наблюдается неравенство въ положеніи лишеннаго земли ремесленника и землевладѣльца. По общественному положенію послѣдній стоитъ выше и ремесленникъ лишь постепенно завоюетъ себѣ равное положеніе.

Но какъ бы ни было незначительно развитіе промышленности, самое важное для насъ это то, что она существуетъ. Очевидно, начинается развитіе класса, лишеннаго земли или по крайней мѣрѣ неспособнаго прожить на доходы съ своей земли и вынужденнаго искать средствъ къ жизни путемъ продажи своего труда /въ качествѣ лица, совершающаго за поденную или пошту чную плату работу, которую другое лицо не можетъ или не желаетъ взять на себя/ или продуктовъ своего труда, произведенныхъ въ расчетѣ на возможность и вѣроятность сбыта.

Появленіе подобнаго класса представляетъ крайне важный въ экономическомъ и въ общественно-психологическомъ отношеніи фактъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что до его появленія каждая хозяйственная единица, каждый домъ /ойкосъ/ жилъ своей самостоятельной хозяйственной жизнью и совершенно не нуждался въ обмѣнѣ. Члены данной хозяйственной единицы въ одно и то же время занимались земледѣліемъ и наряду съ этимъ насколько это имъ было необходимо, производили ту работу плотниковъ, кожевенниковъ, прядильщиковъ, которая впослѣдствіи нашла себѣ особыхъ представителей въ видѣ ремесленниковъ. Весьма естественно, что переходъ отъ этого чисто домашняго хозяйства къ хозяйству мѣновому при такихъ условіяхъ долженъ былъ совершаться съ значительной медленностью. Причина его, очевидно, заключается въ ростѣ населенія, соединенномъ съ невозможностью или затруднительностью колонизаціонаго движенія. Вызванное ростомъ населенія дробленіе земельныхъ участковъ заставляетъ одну часть населенія искать выходъ во все болѣе интенсивномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, другую наоборотъ заставляетъ или вовсе отказаться отъ земледѣлія или по крайней мѣрѣ отказаться отъ надежды, прожить на одни доходы съ земледѣлія и заняться другимъ дѣломъ, т.е. искать работы у хозяевъ, въ свою очередь вынужденныхъ возрастающей затратой труда на сельское хозяйство отказаться отъ извѣстной части своего ремесленнаго труда, который они прежде могли совмѣщать съ сельскохозяйственнымъ. Въ виду того, что земледѣлецъ по общему правилу съ одной стороны неохотно отры-

вается отъ земли,а съ другой стороны неохотно тратитъ средства на вознагражденіе всякой работы, которую онъ при благопріятныхъ условіяхъ могъ бы и самъ исполнить, весьма естественно, что развитіе сколько нибудь замѣтнаго класса ремесленниковъ только и можетъ быть дѣломъ довольно продолжительнаго времени, двухъ, трехъ и болѣе поколѣній. Тѣмъ болѣе важно для насъ, что въ эпоху гомеровскихъ поэмъ нарожденіе класса ремесленниковъ уже должно быть признано совершившимся фактомъ.

Изъ существованія обмѣна между земледѣльческимъ и нарождающимся классомъ, однако, разумѣется не слѣдуетъ, чтобы уже тогда установилось настоящее мѣновое хозяйство, при которомъ каждая хозяйственная единица работаетъ для сбыта, и чтобы обмѣнъ уже игралъ существенную роль съ обиходѣ народной жизни. Для этого классъ ремесленниковъ еще слишкомъ малочисленъ, иначе говоря земледѣлецъ въ существенныхъ чертахъ еще самъ удовлетворяетъ большую часть своихъ потребностей, а слѣдовательно еще слишкомъ мало нуждается въ помощи ремесленниковъ.

Тѣмъ не менѣе обмѣнъ уже существуетъ и охватываетъ не только бассейнъ Эгейскаго моря, но выходитъ и за его предѣлы. О характерѣ морской торговли этой эпохи мы, впрочемъ, знаемъ очень немного. Несомнѣнно лишь то, что мореходство уже тогда достигло значительнаго развитія: сама природа заставляла населеніе гористыхъ областей Эллады, острововъ и малоазіатскаго побережія искать возможность сношеній преимущественно на морѣ и эпоха гомеровскихъ поэмъ въ этомъ отношеніи едва ли существенно

отличалась отъ предшествующаго времени, а если и отличалась, то только въ смыслѣ возрастающей интенсивности мореплаванія. Изъ самаго содержанія поэмъ видно, что малоазіатскіе греки между IX и VII вѣкомъ хорошо знакомы не только съ западнымъ берегомъ Малой Азіи, съ островами Эгейскаго моря /въ томъ числѣ съ Критомъ и Родосомъ/ съ Пелопоннисомъ, средней Элладой и частью іонійскихъ острововъ, но и съ ѳракійскимъ побережіемъ, съ побережіемъ Пропонтиды и его населеніемъ /ѳригійцы, мизійцы, паѳлагонцы/ и съ другой стороны съ Кипромъ. О придунайскихъ странахъ, гдѣ обитаетъ народъ, живущій молокомъ кобылъ, и о южнорусскихъ областяхъ съ ихъ долгими днями также имѣются первыя крайне смутныя представленія. Черезъ Кипръ въ свою очередь существуетъ связь съ ѳиникійскимъ побережіемъ; о высокой техникѣ его населенія существуютъ самыя преувеличенныя представленія.

Географическій горизонтъ малоазійскихъ грековъ такимъ образомъ довольно обширенъ и въ высшей степени характерно, что онъ охватываетъ кромѣ Эгейскаго моря именно сѣверо- и юговостокъ. Западъ наоборотъ имъ очень мало извѣстенъ: додонскій ѳракулъ въ Эпирѣ и островъ Кеѳалонія представляютъ крайнюю западную границу, извѣстнаго малоазіатскимъ грекамъ міра. О томъ, что и на западѣ существуютъ обитаемыя страны, правда тоже существуютъ смутныя свѣдѣнія, /дошедшія въ Малую Азію, вѣроятно, чрезъ грековъ метрополіи/, но эти страны еще наполняются созданіями народной ѳантазіи, киклопами и т.д., а не живыми людьми.

Если опредѣленіе географическаго горизонта гомеровскихъ поэмъ не представляетъ особенныхъ затрудненій, то гораздо труднѣе опредѣлить характеръ тѣхъ торговыхъ сношеній, которыя, по всему вѣроятію, и дали грекамъ возможность познакомиться съ обширными пространствами извѣстной имъ земли.

Прежде всего надо замѣтить, что на раннихъ ступеняхъ культурнаго развитія не всегда легко провести грань между торговлей и морскимъ разбоемъ: въ гомеровскихъ поэмахъ мы неоднократно видимъ, какъ легко торговецъ при благопріятныхъ для него условіяхъ превращается въ разбойника, чтобы затѣмъ снова превратиться въ купца, когда нужно сбыть купленные и награбленные предметы. Участіе въ морскомъ разбоѣ отнюдь не признается позорнымъ дѣломъ и считается болѣе почетнымъ, чѣмъ самая торговля, неразрывно связанная съ расхваливаніемъ товара, запрашиваніемъ и обманомъ.

Морской разбой въ виду этого, вѣроятно, игралъ немаловажную роль въ самой торговлѣ, но само собою разумѣется, что торговля не исчерпывается имъ. Для самаго своего существованія она нуждается въ болѣе или менѣе постоянномъ спросѣ и предложеніи и спрашивается, на какіе именно предметы существовалъ спросъ и какіе именно товары служили предметомъ предложенія?

Нельзя сказать, чтобы мы могли отвѣтить исчерпывающимъ образомъ на этотъ вопросъ, но судя по тѣмъ даннымъ которыя содержатся въ гомеровскихъ поэмахъ, предметами ввоза въ Грецію служили главнымъ образомъ предметы рос-

коши или точнѣе предметы, на которыя предъявляла спросъ не масса населенія, а цари и знать, т.е. вообще богатые и господствующіе классы. Такъ изъ Финикіи ввозились въ Грецію художественныя издѣлія изъ благородныхъ металловъ, художественно обработанное оружіе, полотняныя ткани, среди коихъ особенно цѣнились пурпуровыя, слоновая кость, стекло, а также папирусъ для канатовъ: съ Востока же въ Грецію проникли пальмы и нѣкоторыя животныя, напр. курица и павлинъ. Изъ Ѳракіи ввозится вино, мечи и кубки. Уже изъ этого перечня видно, что все это предметы, спеціально расчитанные на потребности состоятельнаго меньшинства. Нельзя утверждать съ полной увѣренностью, чтобы предметы массоваго потребленія вовсе не обращались, такъ какъ трудно дѣлать подобное заключеніе изъ одного молчанія нашего источника, но во всякомъ случаѣ можно признать мало вѣроятнымъ, чтобы подобнаго рода предметы обращались въ значительномъ количествѣ. Для этого жизнь отдѣльной хозяйственной единицы, повидимому, была слишкомъ самостоятельной. Масса населенія по всему вѣроятію потребляла почти исключительно то, что она сама же и производила.

Труднѣе сказать, чѣмъ греки платили за ввозимые къ нимъ товары. Что торговля имѣла мѣновой, а не денежный характеръ /причемъ мѣриломъ цѣнности служилъ скотъ/ это не подлежитъ сомнѣнію, но спрашивается, что именно греки давали въ обмѣнъ за ввозимые ими товары. Молчаніе источниковъ не позволяетъ намъ отвѣтить на этотъ вопросъ удовлетворительнымъ образомъ. Оставляя въ сторонѣ сравни-

тельно болѣе рѣдкія сношенія съ Финикіей и Кипромъ и принимая во вниманіе главнымъ образомъ обмѣнъ между разными греческими областями, мы съ нѣкоторой долей вѣроятія можемъ предположить, что природа разныхъ небольшихъ областей Греціи уже тогда привела къ извѣстной спеціализаціи производства, причемъ мы имѣемъ въ виду не спеціализацію производства разныхъ классовъ населенія одной и той же области /какъ мы видѣли, она была еще слаба/, а спеціализацію производства разныхъ областей. Какъ бы однообразно не было въ существенныхъ чертахъ преобладавшее всюду земледѣльческое производство, тѣмъ не менѣе характеръ природныхъ условій побуждалъ населеніе одной области развивать на фонѣ единой земледѣльческой основы какую нибудь одну опредѣленную отрасль послѣдней, напр. винодѣліе, и населеніе другой области — другую, напр. разведеніе оливковыхъ деревьевъ. Размѣры этихъ спеціальныхъ производствъ въ данное время не могли быть особенно значительны, какъ потому, что они представляли лишь добавленіе къ хлѣбопашеству и скотоводству, такъ и потому, что спросъ на нихъ по указаннымъ выше условіямъ могъ быть только ограниченный /внѣ мѣста своего производства каждый продуктъ въ данную эпоху въ большей или меньшей степени является предметомъ роскоши!/ Тѣмъ не менѣе именно въ этой зарождающейся спеціализаціи мѣстныхъ производствъ по всему вѣроятію кроется главный источникъ обмѣна между разными мѣстностями и именно она дала первый толчекъ развитію греческой торговли, постепенно перешедшей отъ обмѣна продуктовъ одной

сельскохозяйственной дѣятельности къ обмѣну продуктовъ промышленности, для которыхъ природа /наряду, разумѣется, съ другими условіями/ также создавала въ разныхъ мѣстахъ разныя условія /такъ въ однихъ мѣстахъ находится особенно хорошая глина для гончарнаго производства, въ другихъ пурпуровыя улитки, въ третьихъ климатъ содѣйствуетъ особенной тонкости шерсти и т.д. и т.д./

Еще труднѣе выяснить составъ торговаго класса, если только въ это время уже можно говорить о цѣломъ торговомъ классѣ. По всему вѣроятію мы должны различать среди лицъ, занимающихся торговлей, во-первыхъ, лицъ, избравшихъ или вынужденныхъ избрать торговую дѣятельность своей профессіей, и, во-вторыхъ, лицъ, занимающихся торговлей между прочимъ, /напр. представителей знати, царей и т.д./. Провести строгую грань между тѣми и другими, разумѣется, очень трудно, какъ потому, что наши свѣдѣнія по этому вопросу крайне неудовлетворительны, такъ и потому, что лицо занимающееся торговлей между прочимъ, постепенно и почти незамѣтно можетъ перейти въ классъ профессіональныхъ торговцевъ. Существеннѣе въ виду этого будетъ другое различіе. Масса профессіональныхъ торговцевъ работаетъ при помощи ничтожныхъ средствъ и по своему общественному положенію ничѣмъ не отличается отъ мелкихъ ремесленниковъ этой эпохи: всѣ они цѣнятся ниже обыкновенныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ. Совсѣмъ другое положеніе, естественно, занимаютъ тѣ представители знати, между прочимъ или постоянно занимающіеся

торговлей, о которыхъ упоминается уже въ Одиссеѣ /ξ 288/: съ одной стороны они и только они обладаютъ достаточными средствами, чтобы вести крупную торговлю, съ другой стороны они предоставляютъ профессіональную сторону дѣла своимъ факторамъ изъ числа мелкихъ торговцевъ-ремесленниковъ и способны ограничиться ролью предпринимателя, судохозяина и оптовика. Соединяя въ однихъ рукахъ крупное земледѣліе, политическое вліяніе и торговые интересы, они уже въ силу этого способны подчинить государственную политику соотвѣтственнаго города между прочимъ и своимъ торговымъ интересамъ. По мѣткому замѣчанію Мейера /G.d.A.2, стр.366/ то описаніе государства феаковъ, которое даетъ Одиссей, свидѣтельствуетъ о значительной роли торговыхъ интересовъ среди малоазіатскихъ грековъ; тотъ же ученый въ связи съ этимъ отмѣчаетъ, что въ Миллетѣ и въ Халкидѣ существовали сильныя группы знати съ характернымъ названіемъ "постоянныхъ мореплавателей" (ἀεινᾶῦται). Участіе знати въ торговомъ дѣлѣ, а съ теченіемъ времени въ связи съ этимъ и въ промышленности, несомнѣнно уже потому имѣло большое значеніе для развитія этихъ отраслей народной дѣятельности, что только знать обладала достаточными средствами, чтобы поставить и ту и другую сравнительно быстро на широкую ногу и ускорить такимъ образомъ ихъ развитіе /Ср. Werner Sombart, der moderne Capitalismus, m.T.: die Genesis des Capitalismus объ аналогичныхъ, но лучше извѣстныхъ фактахъ изъ исторіи западной Европы X, XI и сл. вѣковъ/.

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Независимо отъ степени участія знати въ торговыхъ дѣлахъ быстрота развитія торговой жизни данной мѣстности, разумѣется, опредѣляется природными условіями. Послѣднія играютъ вдобавокъ немалую роль и при опредѣленіи самой степени участія знати въ торговлѣ: чѣмъ приспособленнѣе данная мѣстность для постоянной торговли, чѣмъ данная мѣстность богаче по природѣ, чѣмъ богаче въ ней знать, тѣмъ выгоднѣе заниматься торговлей, тѣмъ скорѣе торговые обороты превратятся въ постоянное занятіе знати, тѣмъ большія средства знать можетъ помѣстить въ торговыя предпріятія. Свѣдѣнія эпоса и особенно дальнѣйшая исторія доказываютъ намъ, что первенствующая роль во всѣхъ этихъ отношеніяхъ выпала на долю малоазіатской Греціи и особенно ея іонійскихъ городовъ. За этими городами, среди коихъ Милетъ рано занялъ первое мѣсто, слѣдуютъ такіе острова, какъ Хіосъ и Самосъ, а далѣе Эвбея /города Халкида и Эретрія/, Арголида /калаврійская Амфиктіонія!/, а также повидимому, Віотія, южная Лаконія и города Коринескаго перешейка. За предѣлами или на границахъ Эгейскаго бассейна крупную роль играли Кипръ, Родосъ и Критъ. О значеніи іонійскихъ городовъ въ частности свидѣтельствуетъ хотя бы тотъ фактъ, что восточные народы назвали и остальныхъ грековъ по имени іонійцевъ народомъ Javan. Фактъ, что въ этомъ названіи сохранился звукъ выражающійся буквой F /т.наз. digamma/, рано исчезнувшій у самихъ іонійцевъ,

---

Лекціи по Исторіи Греціи. Листъ 7-ой.
Лит. Богданова. Эртелевъ пер. № I. Директоръ Рас

Библиотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

самъ по себѣ свидѣтельствуетъ о древности торговыхъ сношеній іонійцевъ съ востокомъ.

О дальнѣйшемъ ходѣ развитія греческой торговли будетъ сказано дальше. Здѣсь необходимо только еще разъ подчеркнуть, что въ эпоху гомеровскихъ поэмъ /IX-VIIIв./ и торговля находится еще на одной изъ первыхъ стадій своего развитія, хотя она, повидимому, и превзошла развитіе промышленности. /Для уясненія схемы экономическаго развитія народа ср. Bücher, die Entstehung der Volkswirtschaft, для исторіи землевладѣнія Guiraud, la propriété foncière dans l'ancienne Grèce; для промышленности ср. Guiraud, la main d'oeuvre indistruelle dans l'ancienne Grèce; для торговли обширный, но мало обработанный матеріалъ даетъ Speck, Handelsgeschichte des Alterthums, m. II, die Griechen).

3. Соціальный строй. Изъ обзора экономической жизни разбираемой нами эпохи слѣдуетъ, что основой быта греческаго народа этой эпохи служитъ земледѣліе въ соединеніи съ скотоводствомъ, наряду съ которымъ промышленность и торговля играютъ мало существенную роль. При такихъ условіяхъ ясно, что рѣшающее значеніе для соціальнаго строя имѣетъ распредѣленіе землевладѣнія между разными частями населенія каждой данной области.

Точныхъ данныхъ о распредѣленіи землевладѣнія между разными классами населенія, мы, разумѣется, не имѣемъ и должны, слѣдовательно, дѣлать наши выводы объ этомъ крайне важномъ вопросѣ на основаніи косвенныхъ данныхъ.

Прежде всего спрашивается, какія начала положены въ основаніе владѣнія землей, принципъ родовой или общинный

ный принципъ частной собственности. О важности этого вопроса нечего распространяться, такъ какъ ясно, что принципъ родовой или общинной собственности также точно затрудняетъ, какъ принципъ частной собственности облегчаетъ мобилизацію земель, т.е. легкость ихъ отчужденія.

Поселяясь въ Элладѣ, греки, по господствующему мнѣнію, захватили ея земли не каждый порознь, а сообща, какъ они раньше сообща совершали передвиженіе и сообща заботились о своихъ стадахъ. Судя по многочисленнымъ аналогіямъ изъ исторіи другихъ племенъ /напр. германцевъ, кельтовъ и славянъ/ при этомъ считаютъ возможнымъ предположить, что преобладающая роль при захватѣ земли выпала на долю племенъ или народностей, распредѣлявшихъ захваченныя земли между своими членами, причемъ родъ, владѣвшій сообща извѣстнымъ количествомъ скота и нуждавшійся въ надлежащемъ количествѣ земли для своего стада, вѣроятно, первоначально сообща пользовался данной ему народностью землей и лишь постепенно изъ его среды выдѣляется отдѣльная семья съ отдѣльнымъ участкомъ земли. Послѣ захвата земли родъ /или нѣсколько поселившихся вмѣстѣ родовъ/ является собственникомъ заселенной имъ территоріи и распредѣляетъ ее между своими членами. Съ теченіемъ времени эти члены рода /являющіеся представителями отдѣльныхъ, входившихъ въ составъ рода, семействъ/ пріобрѣтаютъ болѣе прочное и постоянное право на опредѣленный участокъ земли и права рода такимъ образомъ постепенно упраздняются.

Таково въ общихъ чертахъ господствующее мнѣніе, на первый взглядъ очень стройное и убѣдительное. Не слѣду-

етъ, однако, забывать, что греки поселились въ странѣ уже заселенной инымъ и достигшимъ извѣстнаго культурнаго уровня населеніемъ: въ виду того, что мы не имѣемъ сколько нибудь яснаго представленія о характерѣ разселенія догреческаго населенія, а также о томъ, въ какой мѣрѣ догреческія формы землевладѣнія отразились на бытѣ самого греческаго народа, мы лишены возможности отвѣтить на вопросъ, распредѣлили ли греки при своемъ переселеніи всѣ земли на новыхъ началахъ или же они въ бо́льшей *или* ме́ньшей степени подчинились прежнему дѣленію страны, а слѣдовательно, и подавно не можемъ сказать, былъ ли принципъ народной, а далѣе родовой собственности на земли, дѣйствительно, послѣдовательно проведенъ и, если да, то былъ ли онъ проведенъ всюду.

Въ историческое время /т.е. начиная уже съ эпохи гомеровскихъ поэмъ/ среди грековъ во всякомъ случаѣ, сколько намъ извѣстно, всюду господствуетъ принципъ частной, а не народной, родовой или общинной собственности. Это признается и господствующей теоріей, представители которой только утверждаютъ, что еще въ историческое время сохранились слѣды прежней народной и общинной собственности, и для доказательства указываютъ главнымъ образомъ на то, что еще въ гомеровскихъ поэмахъ /а также и впослѣдствіи/ участокъ земли, находящійся въ наслѣдственномъ обладаніи опредѣленнаго лица, называется "жребіемъ" (κλῆρος), а также на позднѣйшіе разсказы о древнихъ спартанскихъ порядкахъ, согласно которымъ каждый новорожденный имѣлъ право на участокъ земли, дававшій опредѣленный

Если, такимъ образомъ, этнографическія параллели, быть можетъ, и заставляютъ предполагать, что въ очень давнія времена и у грековъ господству личной собственности предшествовалъ періодъ господства народной или родовой собственности, то съ другой стороны слѣдуетъ признать, что въ историческое время никакихъ слѣдовъ этого порядка болѣе не сохранилось и уже въ эпоху гомеровскихъ поэмъ мы встрѣчаемся исключительно съ принципомъ частной или точнѣе семейной собственности. Собственникомъ земли въ самомъ дѣлѣ является по данный глава семейства, а семья, какъ таковая; въ цѣломъ рядѣ греческихъ государствъ мы впослѣдствіи встрѣчаемъ ограниченія права даннаго главы семейства отчуждать земли, принадлежащія семьѣ, путемъ продажи, завѣщанія и т.д. Отчужденіе "родового" /въ современномъ смыслѣ, въ отличіе отъ "благопріобрѣтеннаго"/ недвижимаго имущества или вовсе запрещается /по словамъ Аристотеля *pol.* VII, 2,5 въ Элидѣ/ или считается позорнымъ /по его же словамъ *pol.* II, 6, 10; ср. *Heraclid. pol.* 2, 7/ или допускается только въ случаѣ крайней нужды, вызванной независѣвшими отъ хозяина условіями /въ Левкадѣ, ср. *Arist. pol.* II,4,4/. Очевидно, разъ данное лицо не само пріобрѣло опредѣленную землю, а получило ее въ наслѣдство, оно не имѣетъ права распоряжаться ею по своему усмотрѣнію, а должно ее передать дальше также по наслѣдству. Вотъ почему еще Солонъ далъ лишь тѣмъ неограниченную свободу въ составленіи завѣщаній, у кого нѣтъ естественныхъ наслѣдниковъ.

Несмотря на подобныя ограниченія права собственности даннаго главы семейства, они, однако, едва ли могли задержать процессъ отчужденія, разъ обычай или законъ рѣзко сталкивались съ серіозной потребностью или прямой необходимостью. Въ разбираемую нами эпоху вдобавокъ, какъ мы еще увидимъ, писанныхъ законовъ еще вовсе нѣтъ и всѣ ограниченія права хозяина распоряжаться семейнымъ имуществомъ, такимъ образомъ, покоются исключительно на обычаѣ, измѣненія котораго совершаются менѣе замѣтнымъ образомъ чѣмъ измѣненія въ опредѣленно формулированномъ и записанномъ законодательномъ актѣ.

Господство частной или семейной собственности всегда неизбѣжно соединено съ постепенно ростущимъ неравенствомъ въ имущественномъ положеніи разныхъ семействъ и лицъ, такъ какъ имъ устраняется или, по крайней мѣрѣ, до крайности затрудняется удовлетвореніе потребности въ землѣ, постоянно увеличивающейся съ увеличеніемъ количества народонаселенія, никогда не поглощаемаго цѣликомъ переселеніемъ и развитіемъ промышленности. Неравенство несомнѣнно существовало, какъ среди другихъ народовъ, такъ и среди грековъ еще въ періодъ пастушескаго быта и несомнѣнно осталось въ силѣ и при переходѣ ихъ къ осѣдлости: не только цари, но и знать несомнѣнно захватили или получили по рѣшенію своихъ народностей болѣе значительныя земли, чѣмъ обыкновенные члены данной народной группы, такъ какъ ихъ болѣе значительныя стада требовали большаго количества корма. Тѣмъ не менѣе неравенство первоначально, вѣроятно, уже потому проявлялось въ мень-

шихъ размѣрахъ, что количество знатныхъ родовъ каждаго племени едва ли было значительно, а народная масса вся была болѣе или менѣе равномѣрно обезпечена землей. Съ ростомъ количества населенія и съ окончательнымъ установленіемъ принципа частной собственности, исключавшихъ возможность сколько нибудь значительнаго запаса нераздѣленныхъ общинныхъ земель неравенство въ распредѣленіи недвижимой собственности должно было сильно возрасти: съ одной стороны хорошіе урожаи, счастливыя предпріятія, удачные браки и т.д. содѣйствовали увеличенію однихъ участковъ, съ другой стороны хозяйственныя и иныя неудачи и большое количество дѣтей приводили къ дробленію другихъ участковъ, а въ иныхъ случаяхъ и къ обезземеленію. Первое, т.е. болѣе или менѣе значительное увеличеніе владѣній, всегда могло быть удѣломъ лишь немногихъ счастливцевъ, второе наоборотъ, по всему вѣроятію представляло явленіе, если и не нормальное, то гораздо болѣе распространенное. Среди населенія, такимъ образомъ, постепенно происходитъ образованіе нѣсколькихъ классовъ, отличающихся другъ отъ друга какъ по размѣрамъ принадлежащихъ ихъ членамъ земельныхъ владѣній, такъ и по своему общественному положенію, тѣсно связанному именно съ землевладѣніемъ, какъ съ почти единственнымъ обезпеченіемъ жизни человѣка и его семьи. Наряду съ крупными землевладѣльцами, большей частью принадлежащихъ къ знати или постепенно проникающихъ въ ея составъ, образуется гораздо болѣе многочисленная группа мелкихъ свободныхъ хозяевъ и медленно растущая группа безземельныхъ, упоминаемыхъ уже у Гомера.

Результатомъ такого развитія землевладѣнія является характерное для соціальнаго и политическаго строя греческой жизни этой эпохи господство знати. И тутъ, разумѣется, не слѣдуетъ забывать, что наши данныя относятся ближайшимъ образомъ къ малоазіатскимъ колоніямъ, въ которыхъ какъ всегда въ колоніяхъ развитіе совершается быстрѣе чѣмъ въ метрополіи. Возможно, что указанное развитіе въ метрополіи совершалось медленнѣе, но что оно совершалось и тамъ, не подлежитъ сомнѣнію и доказывается какъ упраздненіемъ царской власти, такъ и крайне бѣдственнымъ положеніемъ народной массы въ VIII, VII и VI вѣкахъ.

О степени вліянія знати и о размѣрахъ ея привилегій, впрочемъ, довольно трудно судить. Какъ ея соціальныя привилегіи, такъ и ея политическое вліяніе, разумѣется, покоились на обычаѣ, т.е. въ концѣ концовъ на фактическомъ положеніи вещей и мы имѣемъ только косвенныя данныя для объясненія этого вопроса. Судя по тому, что для гомеровскихъ поэмъ царская власть представляетъ еще нормальное явленіе, можно сдѣлать выводъ, что аристократія еще не успѣла окончательно поглотить матеріальныя основы царской власти, заключавшіяся какъ въ собственныхъ владѣніяхъ царя, такъ и въ существованіи болѣе или менѣе значительнаго класса независимыхъ и свободныхъ отъ вліянія знати мелкихъ собственниковъ-крестьянъ. Съ другой стороны довольно жалкая роль народнаго собранія, повидимому, указываетъ на то, что процессъ соціальнаго приниженія массы уже сдѣлалъ довольно значительные успѣхи, приготовившіе паденіе царской власти и почти неограниченное господство аристократіи.

Въ результатѣ, такимъ образомъ, видно, что свободная и экономически самостоятельная народная масса уже ко времени гомеровскихъ поэмъ подверглась вліянію довольно значительной дифференціаціи. Знать, свободные мелкіе собственники и безземельные, находящіе себѣ пропитаніе въ качествѣ ремесленниковъ или въ качествѣ поденщиковъ — вотъ три элемента, на которые распадается масса свободныхъ членовъ народности. Не только экономическое, но и соціальное и политическое положеніе каждаго изъ этихъ классовъ стоитъ въ самой тѣсной связи съ его участіемъ въ землевладѣніи. Замѣтимъ уже здѣсь, что безземельный вовсе не имѣетъ политическихъ правъ, но не несетъ и политическихъ обязанностей, иначе говоря, не участвуетъ въ войнахъ, да и не можетъ въ нихъ участвовать, такъ какъ по недостатку средствъ не имѣетъ возможности должнымъ образомъ вооружиться.

Совершенно особнякомъ отъ свободныхъ стоятъ рабы, число которыхъ въ это время, впрочемъ, въ общемъ мало значительно. Рабъ, которымъ пользуются какъ для домашнихъ услугъ, такъ и для ухода за стадами и для земледѣльческихъ работъ, входитъ въ составъ движимаго имущества господина и находился въ безусловной зависимости отъ воли и каприза послѣдняго, а слѣдовательно, могъ быть не только проданъ или подвергнутъ тѣлесному наказанію, но и убитъ. Въ политической жизни онъ при такихъ условіяхъ, очевидно, не могъ играть никакой роли, но въ соціальномъ отношеніи онъ и тогда уже косвенно игралъ неблагопріятную для свободныхъ роль, избавляя своего собственника

вовсе или до извѣстной степени отъ необходимости прибѣгать къ найму свободныхъ рабочихъ, и ухудшая, такимъ образомъ, положеніе послѣднихъ.

4. Политическій строй этой эпохи, какъ ужъ замѣчено, характеризуется, во-первыхъ, крайнимъ дробленіемъ греческаго народа и, во-вторыхъ, возрастающимъ значеніемъ аристократіи, постепенно оттѣсняющей и царскую власть и народное собраніе на задній планъ.

Переходъ грековъ къ осѣдлости /въ связи съ особенностями страны, въ которой они поселились/ имѣлъ весьма серьезныя политическія послѣдствія, выразившіяся прежде всего въ разложеніи племеннаго единства эпохи пастушескаго быта. Племенная связь не всюду и не одновременно, но все же теряетъ всякое реальное политическое значеніе и замѣняется чисто территоріальными связями, которыя при характерѣ греческой природы рѣдко гдѣ могли обнимать болѣе значительныя группы населенія. Отъ прежней племенной связи остаются большей частью только воспоминанія религіознаго характера. Аркадцы, напримѣръ, распались на большое количество самостоятельныхъ политическихъ общинъ, единственнымъ связующимъ звеномъ между коими служитъ племенной культъ Зевса Ликейскаго, которымъ впослѣдствіи /въ VI в./ воспользовались, когда возникла мысль о чеканкѣ общей для всѣхъ аркадцевъ монеты. Ахейцы, поселившіеся на сѣверномъ берегу Пелопонниса, распались на двѣнадцать союзныхъ городовъ, религіознымъ центромъ которыхъ служилъ храмъ Зевса въ Айгіонѣ. Аналогичные порядки мы встрѣчаемъ у большей части греческихъ народностей. По-

всюду связь отдѣльныхъ общинъ разсчитана развѣ только на особенно важные вопросы, затрагивающіе самые общіе интересы: помимо культа племенныхъ божествъ сюда относится защита отъ внѣшнихъ нашествій, въ борьбѣ съ коими составныя части народности или племени сознаютъ общность своихъ интересовъ, а иногда также разрѣшеніе нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ, касавшихся, вѣроятно, особенно опасныхъ случаевъ нарушенія міра. Въ остальномъ каждая община, состоящая изъ большаго или меньшаго количества обыкновенно неукрѣпленныхъ деревень, отличается настолько полной самостоятельностью, что трудно рѣшить, насколько обязательны для нея постановленія общихъ народныхъ собраній, изрѣдка собираемыхъ около религіознаго центра племени.

Еще дальше пошло разложеніе въ другихъ областяхъ Греціи. Племенная связь здѣсь совершенно исчезла. Каждая община представляется безусловно самостоятельной и находитъ себѣ центръ въ какомъ нибудь центральномъ мѣстечкѣ, къ которому названіе "городъ" (πόλις) въ это время въ существѣ слишкомъ мало подходитъ. "Городъ" этой эпохи въ большинствѣ случаевъ по жизни своихъ обитателей мало чѣмъ отличается отъ болѣе значительной деревни. Отъ послѣдней его отличаетъ только то, что въ немъ и только въ немъ сосредоточена вся политическая жизнь данной области. Здѣсь въ мирное время постоянно находится царь и вмѣстѣ со старѣйшинами /изъ знати/ творитъ судъ; здѣсь приносятся жертвы богамъ отъ имени всего государства; здѣсь, наконецъ, въ опредѣленные сроки или по особому приглашенію созывается народное собраніе.

Происхожденіе этихъ городовъ едва ли всюду было одинаковое: то опредѣленное мѣстечко по тѣмъ или инымъ причинамъ постепенно занимало первенствующее мѣсто среди остальныхъ, то совершался т.наз. синойкизмъ, т.е. жители нѣсколькихъ деревень соглашались поселиться вмѣстѣ и перенести права соединенныхъ деревень на созданный такимъ образомъ городъ, то, наконецъ, деревни, лежащія на небольшомъ разстояніи постепенно сливаются. Результатъ во всякомъ случаѣ одинъ и тотъ же: создается типичное для античнаго міра государство-городъ, въ которомъ городъ поглощаетъ государство и только тотъ, кто постоянно живетъ въ городѣ или въ соотвѣтственное время посѣщаетъ его, принимаетъ участіе въ жизни государства. Что въ такомъ именно видѣ развилась государственная жизнь малоазіатскихъ грековъ видно уже изъ того, что въ гомеровскихъ поэмахъ городъ-государство представляется единственной нормальной формой организаціи человѣческаго общества. Одни только киклопы живутъ каждый отдѣльно безъ всякой организаціи: у нихъ нѣтъ ни города, ни права, тогда какъ даже Лестригонамъ и Киммерійцамъ приписывается городская организація. Исключительное господство городской формы государственной организаціи въ колоніальныхъ областяхъ Малой Азіи, впрочемъ, представляется весьма естественнымъ: переселившіеся, естественно, не могли сохранить старой племенной организаціи и, нуждаясь въ организаціи для укрѣпленія своего положенія по отношенію къ туземцамъ, естественно, должны были стремиться къ созданію новой организаціи на территоріальныхъ началахъ.

А при разнородности переселнцевъ и въ особенности въ зависимости отъ географическихъ условій территоріальная организація не могла охватывать сколько нибудь значительной области, иначе говоря, какъ въ Финикіи могла привести только къ развитію городского государства.

Городъ-государство вообще отнюдь не является исключительной особенностью греческаго и римскаго міра. Съ одной стороны политическое господство города надъ болѣе или менѣе значительной территоріей представляетъ результатъ извѣстной стадіи экономическаго развитія /названной Бюхеромъ стадіей городского хозяйства/ и въ силу этого свойственно разнымъ народамъ, переживающимъ соотвѣтственную стадію развитія: такъ напр. городъ-государство въ XI ст. и сл. вѣкахъ представляетъ одну изъ характерныхъ формъ политической жизни всей западной Европы. Съ другой стороны городская организація политической жизни въ зависимости главнымъ образомъ отъ географическихъ условій можетъ пріобрѣсти особенную устойчивость и сохранится даже при условіи дальнѣйшаго развитія экономической жизни /въ стадіи народнаго хозяйства/, какъ доказываютъ хотя бы съ одной стороны города Финикіи, съ другой города Греціи, хотя въ такомъ случаѣ чистота городского типа государственной жизни неизбѣжно будетъ нарушаться болѣе или менѣе успѣшной тенденціей къ образованію болѣе крупныхъ политическихъ организацій, болѣе или менѣе парализующихъ самостоятельность отдѣльныхъ городовъ.

Во всякомъ случаѣ городъ-государство уже со временъ гомеровскихъ поэмъ является типичнымъ для значительной

а съ теченіемъ времени и для большей части греческаго народа. Вліяніе этой формы политической организаціи на всю жизнь греческаго народа несомнѣнно было громадно, хотя и не всегда можетъ быть съ легкостью оцѣнено. /Ср. рядъ остроумныхъ замѣчаній у Буркгардта, *Griechische Kulturgeschichte*, т.I, стр. 57-89/. Если и не съ самыхъ раннихъ временъ, когда городъ только возникаетъ, то во всякомъ случаѣ съ теченіемъ времени городъ сдѣлался самодовлѣющей единицей, центромъ всѣхъ общественныхъ интересовъ, священнымъ и близкимъ для своихъ гражданъ, сознававшихъ, насколько вся ихъ жизнь и дѣятельность связана съ жизнью ихъ города и болѣе или менѣе сознательно подчинявшихъ свои интересы интересамъ города. А когда городъ-государство по разнымъ причинамъ началъ приходить въ упадокъ и съ ростомъ индивидуализма пересталъ служить удовлетворительнымъ выраженіемъ ихъ политическихъ и соціальныхъ интересовъ, онъ, тѣмъ не менѣе, въ силу давности сохранилъ необыкновенную живучесть и продолжалъ существовать при измѣнившихся условіяхъ, затрудняя выработку болѣе сложныхъ формъ жизни.

Во главѣ города-государства, согласно гомеровскимъ поэмамъ всюду стоитъ царь (*basileús*). Власть его ограничена существованіемъ знати и народнаго собранія. Взаимныя отношенія между ними, впрочемъ, разумѣется, опредѣляются не закономъ, а обычаемъ, основывающемся на господствовавшемъ въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній фактическомъ положеніи вещей, и, естественно, болѣе гибкомъ чѣмъ писанный законъ. Личный характеръ, возрастъ и заслуги царя могутъ дать ему особенный авторитетъ, но могутъ поставить

его имѣетъ особенно неблагопріятное положеніе: такъ, старость Лаерта, долголѣтнее отсутствіе Одиссея и молодость его сына Телемака приводятъ къ глубокому упадку царской власти.

Царь признается потомкомъ боговъ и ставленникомъ Зевса, вручившаго ему скипетръ. Онъ является одновременно и верховнымъ военачальникомъ, и верховнымъ судьей, и верховнымъ правителемъ, и верховнымъ жрецомъ: какъ отецъ семейства приноситъ богамъ и предкамъ своей семьи жертвы отъ имени всей семьи, такъ царь совершаетъ жертвоприношенія отъ имени государства. Онъ созываетъ совѣтъ геронтовъ и народное собраніе, причемъ ему помогаютъ глашатаи, онъ и предсѣдательствуетъ въ этихъ собраніяхъ. Особенно высоко цѣнится, повидимому, его судебная дѣятельность: Одиссей заявляетъ, что нѣтъ большей славы, чѣмъ слава царя, благочестиво правящаго своимъ народомъ, поддерживающаго и охраняющаго правое дѣло. Въ такой странѣ, гдѣ правитъ такой царь, земля даетъ богатый урожай, деревья покрыты плодами, стада благоденствуютъ и море полно рыбы. вѣдь справедливый царь угоденъ богамъ, такъ какъ пользуется своей властью согласно ихъ волѣ./Одисс. 19, 109/.

Матеріальной опорой его власти помимо его частной собственности является какъ выдѣленныя въ пользу царей земли (*témenos*), такъ и подношенія народа, изъ коихъ одни имѣютъ характеръ добровольныхъ даровъ, а другія опредѣлены обычаемъ. Кромѣ этого онъ имѣетъ право на лучшую часть добычи, а также на почетное мѣсто и на особенно большія порціи ѣды и вина во время общихъ пировъ.

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Неограниченной властью онъ пользуется, повидимому, только во время войны /*Arist. Pol.* 3, 9, 2/, когда онъ для поддержанія дисциплины можетъ прибѣгнуть даже къ казни. При нормальныхъ условіяхъ онъ обязанъ считаться съ геронтами и народомъ.

Геронты образуютъ постоянный совѣтъ царя по всѣмъ сколько нибудь важнымъ дѣламъ, какъ международно-дипломатическаго, такъ административнаго, судебнаго и военнаго характера. Безъ ихъ согласія онъ не можетъ принять ни одного важнаго рѣшенія. Геронты всѣ принадлежатъ къ знати, но входитъ ли вся знать въ составъ геронтовъ, это трудно сказать. Роль знати вообще очень велика: ея члены, какъ и самъ царь, имѣютъ /по крайней мѣрѣ въ Одиссеѣ/ право на званіе *basileús;* въ другихъ мѣстахъ они называются "вождями и властителями". Ихъ власть, какъ и власть самого царя, исходитъ отъ боговъ, и они опять таки какъ самъ царь, считаются потомками боговъ. Царь не столько господствуетъ надъ ними, какъ государь, сколько управляетъ при ихъ помощи въ качествѣ перваго среди равныхъ.

Знать не только лишила царя его господствующаго положенія, она совершенно отодвинула на задній планъ и народное собраніе. О составѣ народнаго собранія мы, разумѣется, никакихъ опредѣленныхъ данныхъ не имѣемъ, но позднѣйшее положеніе и аналогіи изъ исторіи другихъ народовъ /напр. германцевъ/ позволяютъ думать, что составъ народ-

---

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

наго собранія всецѣло совпадалъ съ составомъ народнаго войска, что народное собраніе было собраніемъ всѣхъ гражданъ, имѣвшихъ право и несшихъ обязанность выступить по зову царя въ полномъ вооруженіи въ походъ. А возможность явиться въ полномъ вооруженіи предполагаетъ извѣстныя средства, которыя въ это время можетъ обезпечить только земля. Въ виду этого весьма вѣроятно, что кромѣ рабовъ какъ сельскіе рабочіе-поденщики /т.наз. ѳйты/, такъ и ремесленники и мелкіе торговцы не входятъ въ составъ войска, а слѣдовательно, не входятъ и въ составъ народнаго собранія. То же самое относится всецѣло и къ выходцамъ изъ другихъ городовъ, поселившихся вѣроятно для торгово-промышленныхъ занятій въ данномъ городѣ /т.наз. метанасты или,какъ ихъ впослѣдствіи называли, метэки/, не принадлежавшимъ къ гражданамъ и составлявшимъ презираемый настоящими гражданами классъ /Ил. 9,644; ср.16,59/.

Составъ народнаго собранія, такимъ образомъ, зависѣлъ отъ количества свободныхъ землевладѣльцевъ города и отмѣченная выше тенденція къ упадку крестьянскаго и къ росту аристократическаго землевладѣнія, очевидно, постепенно должна была содѣйствовать соотвѣтственному сокращенію количества полноправныхъ гражданъ. Тому же самому содѣйствовала и перемѣна въ вооруженіи и военной техникѣ: рѣшающую роль въ сраженіяхъ играютъ тѣ, что сражаются на колесницахъ, а когда колесницы вышли изъ употребленія, тѣ, что сражаются на коняхъ. И то и другое предполагаетъ не только значительныя средства, но и особое умѣніе,

пріобрѣсти которое можетъ только тотъ, у кого достаточно досуга, чтобы посвящать свое время военнымъ упражненіямъ. А слѣдовательно, рѣшеніе битвы зависитъ отъ богатаго и знатнаго меньшинства. Но кто играетъ рѣшающую роль въ войскѣ, тому по понятіямъ этой эпохи принадлежитъ и рѣшающій голосъ въ собраніяхъ. Недаромъ Одиссей характеризуетъ людей изъ народа, какъ людей, "не имѣющихъ значенія ни на войнѣ ни въ совѣтѣ" /Ил. 2,202/. Въ эпоху гомеровскихъ поэмъ, такимъ образомъ, уже ясно намѣчается близкое неограниченное господство знати, вскорѣ наступившее почти во всѣхъ греческихъ государствахъ /кромѣ Спарты; см.дальше/.

Въ данное время часть народа еще принимаетъ участіе въ политической жизни и народное собраніе играетъ еще нѣкоторую, плохо опредѣленную роль. Трудно даже сказать, созывается ли народное собраніе для рѣшенія какихъ либо дѣлъ или только для того, чтобы выслушать постановленное царемъ и знатью рѣшеніе. Тѣ народныя собранія, которыя описываются въ Иліадѣ и Одиссеѣ, во всякомъ случаѣ никакихъ рѣшеній не постановляютъ и не видно, чтобы крики одобренія или неодобренія, издаваемые всѣмъ собраніемъ или частью его по поводу дѣлаемыхъ имъ сообщеній, имѣли вліяніе на исходъ дѣла. Во всякомъ случаѣ въ дебатахъ, если таковые происходятъ, народъ не принимаетъ участія, а говорятъ знатные: когда Ѳерситъ осмѣлился бранить предъ народомъ царей, Одиссей избилъ его своимъ посохомъ и при общемъ одобреніи съ бранью прогналъ его съ мѣста собранія.

Господство знати опирается, во-первыхъ, какъ мы выше видѣли, на крупное землевладѣніе и, во-вторыхъ, на крѣпкую родовую организацію. Знать опирается на "родичей и дружинниковъ /товарищей/", а "родичи и двоюрдные братья /или братья/" тѣсно соединены между собой. Дальше намъ объ этомъ еще придется говорить; здѣсь замѣтимъ, что развившаяся, вѣроятно, въ связи съ усиленіемъ аристократіи родовая организація знати постепенно подчинила себѣ зависимое отъ крупнаго землевладѣнія населеніе и завершилась своеобразнымъ распространеніемъ родовой организаціи на все населеніе, причемъ послѣднее очутилось подъ начальствомъ и подъ охраною знати.

Незначительные размѣры греческихъ государствъ несомнѣнно также значительно содѣйствовали быстрому усиленію аристократіи давая ей возможность сплотиться противъ царской власти, лишенной возможности опереться противъ знати на такія области, гдѣ крупное землевладѣніе еще не успѣло завоевать господствующее мѣсто, какъ напр. въ западныхъ кантонахъ митрополіи.

Какъ быстро совершался упадокъ царской власти, видно хотя бы изъ того, что въ Одиссеѣ она въ общемъ представляется уже болѣе слабой и менѣе устойчивой, чѣмъ въ Иліадѣ. Да и то есть полное основаніе думать, что ко времени завершенія поэмъ царская власть по крайней мѣрѣ въ Малой Азіи сохранялась только въ эпосѣ, а на дѣлѣ уже отошла въ область преданій. Но объ этомъ см. дальше.

[Ср. кромѣ Мейера и Белоха Schömann, Griechische Altertümer, стр. 19-84. Hermann, Griech. Staatsaltertümer; Busolt, Griech. Staats und Rechtsaltertümer; Fanta, der Staat in der Ilias und Odyssee.]

5/ Религіозно-умственный строй. Характерной чертой умственной жизни этой эпохи является, во-первыхъ, почти нераздѣльное господство традиціонныхъ взглядовъ, лишенныхъ всякой индивидуальной окраски и представляющихъ продуктъ общенароднаго стихійнаго творчества и, во-вторыхъ, религіозно-миѳическій характеръ міросозерцанія.

Что касается прежде всего стихійнаго, традиціоннаго характера міросозерцанія и творчества этой эпохи /IX-VIII вѣкъ/, то надо замѣтить, что имъ отличается всякій народный эпосъ, несмотря даже на болѣе или менѣе серіозное участіе отдѣльныхъ лицъ въ художественной разработкѣ разныхъ мотивовъ народныхъ пѣсенъ. Говоря о народныхъ пѣсняхъ, народномъ творчествѣ мы вѣдь вовсе не хотимъ сказать, чтобы хотя бы отдѣльныя пѣсни слагались цѣлымъ народомъ: созданіе отдѣльной пѣсни, какъ и созданіе цѣлой поэмы всегда является результатомъ творческой дѣятельности отдѣльнаго лица и по мѣрѣ усложненія художественно обрабатываемаго матеріала роль личности, очевидно, растетъ, такъ какъ ей здѣсь приходится не только перелагать ходячія сказанія въ поэтическую форму, но комбинировать разныя сказанія, группировать ихъ вокругъ какого нибудь художественнаго центра и устранять или сглаживать противорѣчія, неизбѣжно встрѣчающіяся въ многочисленныхъ разрозненныхъ пѣсняхъ. Все это предполагаетъ не механическую работу, а творческое перевоплощеніе ходячихъ героевъ и мотивовъ въ лицѣ поэта. Если мы тѣмъ не менѣе говоримъ о народномъ творчествѣ и народномъ эпосѣ, то это значитъ, что личность поэта выдѣляется изъ

народной массы исключительно бо́льшей силой творческаго таланта и бо́льшимъ художественнымъ чутьемъ. Во всемъ остальномъ поэтъ еще ничѣмъ не отличается отъ любого изъ своихъ слушателей: у нихъ одинаковые взгляды на окружающій міръ, на боговъ, на природу, на общество и отдѣльнаго человѣка, одинаковыя нравственныя убѣжденія, одинаковыя представленія о должномъ и преступномъ. Поэтъ въ этой важнѣйшей области еще всецѣло связанъ традиціонными взглядами, онъ не противополагаетъ своей личности окружающему міру, его оцѣнка міра не принадлежитъ ему лично, а принадлежитъ его времени и его средѣ; онъ говоритъ не о своихъ личныхъ вкусахъ, чувствахъ и интересахъ, а разсказываетъ объ извѣстныхъ народу событіяхъ и смотритъ на эти событія также точно, какъ и его слушатели. Въ этомъ смыслѣ онъ только воспроизводитъ, а не творитъ: вся его творческая работа ограничивается чисто художественной областью.

Но его чисто художественная работа тѣмъ не менѣе имѣетъ немалое вліяніе на дальнѣйшее развитіе всей умственной жизни. Вводя въ свой разсказъ все, что интересуетъ его время и все, что оно знаетъ или что ему кажется извѣстнымъ и достовѣрнымъ, поэтъ тѣмъ самымъ незамѣтно для себя формулируетъ міросозерцаніе своей эпохи и, формулируя его, дѣлаетъ его болѣе отчетливымъ и въ то же время содѣйствуетъ его дальнѣйшему развитію и распространенію. Съ теченіемъ времени, достигшее извѣстной опредѣленности, міросозерцаніе сдѣлается, правда, предметомъ критики, но въ первое время оно выигрываетъ въ авторитетности:

тѣ черты, которыя вошли въ популярный эпосъ пріобрѣтаютъ широкую извѣстность, становятся общепризнанными. Эпосъ создаетъ народу, если не все, то значительную часть его символа вѣры. Геродотъ недаромъ говоритъ /2,52/, что "Гомеръ и Гезіодъ создали грекамъ ѳеогонію и дали богамъ названія, распредѣлили между ними почести и занятія и опредѣлили ихъ внѣшній видъ". Недаромъ также Гомеръ и Гезіодъ, да и старые поэты вообще подверглись впослѣдствіи рѣзкому осужденію со стороны философовъ, возмущавшихся тому, что богамъ приписываются разнаго рода безнравственныя и прямо преступныя дѣянія, и обвинявшихъ въ этомъ поэтовъ, будто бы выдумавшихъ всѣ эти позорныя и нелѣпыя дѣйствія и похожденія боговъ.

Не слѣдуетъ, однако, и преувеличивать это вліяніе эпоса на религіозныя представленія народа. Греческій эпосъ отнюдь не имѣетъ собственно религіознаго характера: на первомъ планѣ въ немъ стоятъ отношенія между людьми и дѣянія людей, воспоминанія о славныхъ событіяхъ прошлаго. Боги, разумѣется, играютъ немалую роль въ этихъ героическихъ дѣяніяхъ прошлаго, вмѣшиваются въ борьбу людей, сами раздѣляются на враждебныя партіи, интригуютъ и сражаются, но всѣ эти дѣянія боговъ, несмотря на все ихъ значеніе въ разсказѣ все же имѣютъ скорѣе эпизодическій характеръ. О богахъ говорится, но сущность ихъ природы, характеръ и смыслъ ихъ господства надъ міромъ, также какъ и взаимныя отношенія между ними не выясняются принципіальнo. Въ этомъ смыслѣ было бы странно искать у Гомера своего рода системы греческой религіи. Въ его

разсказахъ о богахъ немало данныхъ и представленій взаимно противорѣчащихъ другъ другу и именно по главнѣйшимъ вопросамъ общество, создавши эпосъ, очевидно, еще было далеко отъ отчетливаго рѣшенія болѣе или менѣе ясно сознанныхъ имъ проблемъ.

Но отсутствіе ясной и послѣдовательной религіозной системы въ гомеровскихъ поэмахъ не мѣшаетъ имъ быть доказательствомъ того, что греки этой эпохи находятся еще всецѣло на уровнѣ миѳотворнаго, а не философско-метафизическаго или научнаго мышленія.

Основной особенностью миѳотворнаго мышленія въ отличіе отъ философскаго и научнаго слѣдуетъ признать "своеобразный, всюду присущій наивному сознанію видъ апперцепціи, который можно назвать персонифицирующей апперцепціей. Состоитъ онъ въ томъ, что свойства апперципируемыхъ объектовъ цѣликомъ опредѣляются собственными свойствами воспринимающаго субъекта, такъ что послѣдній не только находитъ въ объектахъ свои собственныя ощущенія, аффекты и волевые акты, но кромѣ того настроеніе субъекта въ данный моментъ опредѣляетъ его взглядъ на воспринимаемыя явленія и представленіе объ отношеніяхъ послѣднихъ къ его собственному существованію. Такимъ образомъ, объекту приписываются личныя свойства, находимыя субъектомъ въ самомъ себѣ, причемъ изъ ихъ числа внутреннія, какъ то произвольныя движенія и тому подобныя человѣческія жизненныя проявленія приписываются въ зависимости отъ дѣйствительно замѣчаемыхъ движеній. Такъ, дикарь приписываетъ камнямъ, растеніямъ, произведеніямъ

искусства способность ощущать и чувствовать и вытекающія изъ этихъ способностей слѣдствія; но самостоятельную внѣшнюю дѣятельность онъ приписываетъ только движущимся предметамъ, какъ то облакамъ, звѣздамъ, вѣтру и т.д." /Вундтъ, Очеркъ психологіи, пер. Паперна, стр. 203-4/. Всякое явленіе, обращающее на себя вниманіе человѣка, при такихъ условіяхъ объясняется какъ результатъ воли, по существу вполнѣ соотвѣтствующій тѣмъ волевымъ актамъ, которые человѣкъ наблюдаетъ на самомъ себѣ. Ударъ молніи, паденіе дерева, теченіе рѣки, наводненіе и т.д., все это разсматривается какъ такой же результатъ нѣкоего волевого акта, какъ и дѣйствія самого человѣка, а сами эти волевые акты въ свою очередь проистекаютъ изъ такихъ же ощущеній, аффектовъ, представленій и соображеній, какія человѣку опять таки знакомы изъ собственнаго внутренняго опыта.

Миѳотворное направленіе мышленія свойственно всѣмъ исторически сложившимся религіознымъ системамъ. Разница между ними съ этой точки зрѣнія заключается лишь въ томъ, какое количество самостоятельныхъ субъектовъ воли они предполагаютъ и какіе мотивы они имъ приписываютъ.

Но сущность религіозныхъ системъ не исчерпывается своеобразнымъ характеромъ, лежащаго въ ихъ основаніи міросозерцанія. Религія не представляетъ только особый видъ міросозерцанія и не опирается исключительно на интеллектуальныя, познавательныя способности и потребности человѣка: не менѣе значительную роль въ ней играютъ чувствованія и вытекающее изъ нихъ стремленіе къ удовлетво-

ренію извѣстныхъ практическихъ требованій человѣка. Вполнѣ удовлетворительнаго опредѣленія религіи, способнаго охватить какъ низшія, такъ и высшія ея формы, не имѣется. Въ однихъ опредѣленіяхъ главное вниманіе сосредоточено на чувствѣ /Шлейермахеръ: "религія есть чувство абсолютной зависимости"/, въ другихъ на интеллектуальной сторонѣ, въ третьихъ на практической /Мензисъ: "религія есть поклоненіе невидимымъ силамъ, проистекающее изъ чувства неудовлетворенности"/. Въ общемъ можно признать, что религія есть выраженіе остраго чувства зависимости отъ разныхъ неизвѣстныхъ и болѣе или менѣе непонятныхъ, но уподобляемыхъ человѣку силъ /или одной силы/, соединеннаго съ чувствомъ относительной слабости человѣка и проистекающимъ отсюда болѣе или менѣе опредѣленнымъ и сознательнымъ стремленіемъ не только разгадать, понять или какъ либо узнать эти силы /или силу/, но и воспользоваться ими такъ или иначе для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей человѣка или для улучшенія его участи вообще.

Въ составъ религіи, такимъ образомъ, входитъ три существенно важныхъ и необходимыхъ элемента: во-первыхъ, признаніе нѣкіихъ, не поддающихся безъ остатка учету, а слѣдовательно, болѣе или менѣе неизвѣстныхъ и таинственныхъ силъ, оказывающихъ болѣе или менѣе опредѣленное и значительное вліяніе на человѣка,

во-вторыхъ, уподобленіе этихъ силъ /или на высшихъ стадіяхъ развитія этой единой силы/ человѣку, и

въ-третьихъ, стремленіе такъ или иначе воспользовать-

ся этими силами или этой единой силой для желательныхъ человѣку цѣлей.

Каждый изъ этихъ трехъ элементовъ религіи способенъ на развитіе и мѣняется какъ и вся религія параллельно съ культурнымъ развитіемъ человѣка, никогда не исчезая цѣликомъ.

Чувство зависимости будетъ совершенно иное у дикаря и у современнаго культурнаго человѣка. Успѣхи науки и техники въ значительной мѣрѣ избавили послѣдняго отъ свойственнаго дикарю состоянія необезпеченности его жизни среди слишкомъ могучей для него природы, но чувство зависимости сохраняетъ свои права и тутъ, какъ въ области физической /рожденіе, болѣзнь, смерть и т.д./, такъ и въ области психической /зависимость отъ среды и т.д./ и служитъ вѣчнымъ основаніемъ для религіознаго настроенія такъ или иначе комбинирующагося съ другими сторонами психической жизни и проявляющагося вслѣдствіе этого въ самыхъ разнообразныхъ формахъ /поклоненіе божеству, идеалу и т.д./. Но если основа религіознаго настроенія сохраняется, то представленіе о силахъ, отъ которыхъ человѣкъ чувствуетъ себя зависимымъ, разумѣется, сильно измѣняется: тогда какъ для дикаря вся природа и всѣ ея явленія представляются загадкой, для разрѣшенія которой у него не достаетъ самыхъ элементарныхъ знаній, развитіе науки постепенно отодвигаетъ область загадочнаго все дальше и хотя наука и не въ состояніи окончательно устранить элементъ загадочнаго, она во всякомъ случаѣ съуживаетъ его область, если не качественно, то количественно,

и въ то же время чѣмъ дальше тѣмъ болѣе указываетъ на единство и закономѣрность всего совершающагося, оставляя открытымъ только вопросъ о первопричинѣ и о цѣли всего бытія и разрѣшая безчисленные отдѣльные вопросы о причинахъ отдѣльныхъ явленій, по существу неразрѣшимые для дикаря.

Во избѣжаніе недоразумѣній, впрочемъ, необходимо замѣтить, что съ теченіемъ времени до извѣстной степени видоизмѣняется и смыслъ самой таинственности возбуждающихъ вниманіе человѣка явленій. Таинственность силъ для дикаря заключается не въ непонятности самихъ силъ — ему кажется, что онъ ихъ разгадалъ вполнѣ удовлетворительно — а въ направленіи ихъ дѣятельности. Сила, которую онъ признаетъ, ему понятна /она отличается точно такими же чертами, какъ онъ самъ/; онъ только не знаетъ, обратится ли она противъ него или нѣтъ. Нечего и говорить, что съ теченіемъ времени наоборотъ самыя силы становятся все болѣе непонятными, тогда какъ вопросъ о направленіи ихъ дѣятельности или разъ на всегда разрѣшается или отодвигается на задній планъ предъ вопросомъ о ихъ сущности.

Не въ меньшей степени видоизмѣняется и второй существенный элементъ религіи, уподобленіе неизвѣстныхъ силъ человѣку. Независимо отъ того, что въ связи съ ростомъ умственной жизни количество самостоятельно дѣйствующихъ неизвѣстныхъ силъ сокращается, приписываемый имъ характеръ мѣняется въ зависимости отъ нравственнаго совершенствованія человѣка. Капризные, жестокіе и эгоистическіе

боги некультурныхъ и малокультурныхъ народовъ замѣняются любящимъ и справедливымъ божествомъ.

Несмотря на всѣ эти видоизмѣненія элементъ уподобленія неизвѣстныхъ силъ человѣку остается безусловно необходимой частью религіи. Онъ то практически особенно опредѣленно и отличаетъ религію отъ метафизики и науки, которыя также признаютъ существованіе неизвѣстныхъ и подлежащихъ изученію силъ и также стремятся узнать и подчинить ихъ интересамъ человѣка или всего человѣчества, но стремятся изучать явленія въ себѣ и не вводить въ это изученіе субъективныхъ особенностей психической природы человѣка.

Мѣняется наконецъ и характеръ запросовъ, предъявляемыхъ къ признаваемымъ человѣкомъ таинственнымъ силамъ. Запросы остаются, но они не выливаются болѣе въ грубую форму контракта или принужденія, а покоются на представленіи о милости божества, и по самому своему содержанію становятся менѣе животно грубыми. Мѣняется и форма обращенія къ божеству, пріобрѣтая постепенно болѣе тонкій характеръ.

Спрашивается, на какомъ уровнѣ развитія находилась греческая религія временъ гомеровскихъ позмъ? Болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, очевидно, долженъ пролить свѣтъ на вопросъ о степени умственнаго состоянія и развитія греческаго народа вообще.

Вопросъ о характерѣ, происхожденіи и исторіи греческой религіи за послѣднее время былъ поставленъ на совершенно новую почву и достигнутые пока въ связи съ этимъ

результаты еще не могутъ быть признаны окончательными и вызываютъ довольно ожесточенную полемику. (Для ориентировки въ вопросахъ исторіи религіи см.Мензисъ, Исторія религіи. Лучшій общій обзоръ развитія греческой религіи можно найти въ Исторіи религій голландскаго ученаго Шантепи де ля Соссей. Важнѣйшія спеціальныя сочиненія: *Rohde, Psyche, Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube bei den Griechen; Usener, Götternamen.* Для религіозной жизни первобытныхъ народовъ: Тейлоръ, Первобытная культура, Тейлоръ, Антропологія. Остальную литературу см. въ исторіи Шантепи и въ библіографическомъ приложеніи къ ней кн.С.Н.Трубецкого. Ср. также греческія исторіи Белоха и Мейера и *Bouché Leclerg, Histoire de la divination dans l'antiquité*).

Основнымъ результатомъ всей этой работы слѣдуетъ признать прежде всего сознаніе, что греческая религія не только не исчерпывается гомеровской миѳологіей, но во многомъ представляетъ нѣчто совершенно отличное отъ нея, и что лежащія въ основаніи гомеровской миѳологіи представленія при всей своей относительной примитивности представляютъ продуктъ долгаго и сложнаго развитія, разобраться въ которомъ при помощи однихъ гомеровскихъ поэмъ совершенно невозможно.

Наряду съ гомеровскими поэмами въ виду этого необходимо обратиться къ другимъ источникамъ, способнымъ пролить больше свѣта на истинный характеръ греческой народной религіи и на происхожденіе того круга боговъ, съ которымъ мы знакомимся въ поэмахъ и изученіемъ котораго прежде почти исключительно ограничивались при изученіи греческой религіи.

Новыми данными для исторіи греческой религіи мы обязаны археологіи, эпиграфикѣ и нумизматикѣ съ одной, болѣе правильной оцѣнкой позднѣйшей греческой литературы, касающейся этого вопроса съ другой стороны.

Археологическія раскопки и изысканія дали намъ не только изображеніе божествъ, отчасти весьма примитивнаго характера, и свѣдѣнія объ ихъ эмблемахъ, но и рядъ изображеній греческихъ представленій о душѣ и смерти, о формахъ траура, а также свѣдѣнія о послѣгомеровскихъ мистическихъ представленіяхъ относительно загробнаго міра, извлекаемыя изъ золотыхъ пластинокъ, которыя вмѣстѣ съ покойниками клались въ могилы. Большое значеніе имѣютъ также вазы съ ихъ иллюстраціями къ миѳамъ о богахъ и изображеніями религіозныхъ церемоній.

Нумизматика дала намъ громадное количество относящихся къ разнымъ періодамъ изображеній боговъ-покровителей даннаго города или страны, а также свѣдѣнія о святыняхъ и особенно распространенныхъ въ данное время религіозныхъ представленійхъ, находившихъ отраженіе на монетахъ.

Эпиграфика дала намъ чрезвычайное количество надгробныхъ надписей, табличекъ съ вырѣзанными на нихъ обѣтами, разъясненій къ дошедшимъ до насъ изображеніямъ, вопросовъ, предлагавшихся оракуламъ, отвѣтовъ на эти вопросы, правилъ гаданія, формулъ проклятія, а также много свѣдѣній о порядкѣ религіозныхъ празднествъ, о расходахъ на культъ, жрецахъ и т.д.

Изъ позднѣйшей литературы имѣютъ особенное значеніе съ одной стороны немногіе и крайне скудные дошедшіе до

насъ обрывки священныхъ текстовъ, священныя пѣсни /въ честь Аполлона/, дифирамбы въ честь Діонисія, собранія оракуловъ и т.д., съ другой стороны историческія данныя, встрѣчающіяся въ греческихъ писателяхъ отчасти весьма поздняго времени. Не говоря уже о миѳографахъ особенно свѣдѣнія Страбона, Плутарха, Павсанія и неоплатониковъ о древнихъ греческихъ культахъ, о мѣстныхъ божествахъ и ихъ аттрибутахъ, о мѣстныхъ святыняхъ и легендахъ, сохранившихся съ свойственнымъ религіознымъ обрядамъ и представленіямъ консерватизмомъ до самого времени этихъ писателей, имѣютъ огромное значеніе для выясненія древнѣйшихъ стадій развитія греческой религіи, предшествующихъ эпохѣ гомеровскихъ поэмъ.

Весь этотъ матеріалъ, однако, остался бы для насъ мало понятнымъ и представлялъ бы лишь груду разрозненныхъ фактовъ, смыслъ которыхъ не поддавался бы правильному объясненію, если бы этнографія и сравнительное изученіе первобытныхъ религій не открыли бы намъ обширное поле для изученія процесса религіознаго творчества народовъ, находящихся въ т .наз. первобытномъ состояніи, и не освѣтили бы такимъ образомъ неожиданнымъ свѣтомъ массу такихъ явленій греческой религіозной жизни, которыя безъ этого остались бы для насъ только курьезами.

Сущность религіи, какъ мы видѣли, сводится, во-первыхъ, къ признанію существованія извѣстныхъ уподобляемыхъ человѣку силъ, за которыми человѣкъ дальше признаетъ способность вліять на его жизнь, и, во-вторыхъ, къ стремленію направить это вліяніе по желательному для человѣка пути.

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Отсюда ясно, что мы должны поставить два вопроса, во-первыхъ, какія силы человѣкъ /въ данномъ случаѣ грекъ/ признаетъ способными вліять на его жизнь и какъ онъ себѣ ихъ представляетъ, и во-вторыхъ, какимъ путемъ онъ считаетъ возможнымъ направить ихъ вліяніе по желательному для него пути, чего онъ отъ нихъ желаетъ и чего онъ не желаетъ?

I. Что касается прежде всего перваго вопроса, то вопросъ о томъ, существованіе какихъ такъ или иначе вліяющихъ на него силъ человѣкъ первоначально призналъ, въ настоящее время не можетъ быть признанъ окончательно рѣшеннымъ. Въ этомъ отношеніи былъ выставленъ рядъ болѣе или менѣе рѣзко расходящихся другъ съ другомъ теорій. По мнѣнію однихъ человѣкъ раньше всего призналъ вліяніе обожествленныхъ имъ затѣмъ крупныхъ явленій природы /солнце, дождь, гроза, вѣтры, небо, земля, луна, огонь, море/, по мнѣнію другихъ онъ началъ съ мелкихъ /рѣки, родники, деревья и рощи, хлѣбъ и плоды, скалы и камни, животныя/, по мнѣнію третьихъ онъ прежде всего пришелъ къ убѣжденію, что духъ умершаго человѣка способенъ оказать на него вліяніе /анимизмъ/; еще другіе полагаютъ, что онъ почиталъ всякаго рода предметы, палки, камни, вѣтви, куски коры, когти, зубы и т.д., полагая, что въ нихъ обрѣтается духъ, способный оказать ему содѣйствіе или противодѣйствіе /фетишизмъ/; есть наконецъ и такіе,

---

Лекціи по Исторіи Греціи. Листъ 9-ый.
Лит. Богданова. Эртелевъ пер. № I. Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

которые думаютъ, что первоначально люди признавали верховное существо, которое впослѣдствіи дифференцировалось и мѣстами потеряло свое значеніе.

Два послѣднихъ объясненія въ настоящее время можно признать устраненными. Оба они при весьма рѣзкомъ различіи между ними исходятъ изъ предположенія, что дикарь началъ съ признанія отдѣленнаго отъ матеріи, но способнаго вліять на нее и подвергаться ея вліянію духа. Представленіе о духѣ, какъ бы грубо оно не было, представляется слишкомъ сложнымъ, чтобы религіозное развитіе могло начаться съ него, если реальныя на первый взглядъ данныя не приводили по необходимости къ подобному выводу /ср. дальше объ анимизмѣ/. Указанныя теоріи основываются или на произвольныхъ предположеніяхъ или на фактахъ, хотя и замѣченныхъ въ жизни весьма первобытныхъ народовъ, но представляющихъ тѣмъ не менѣе явленія не первичныя, а вторичныя.

Изъ трехъ другихъ взглядовъ первый въ настоящее время не безъ основанія сильно дискредитированъ /хотя и имѣетъ рядъ выдающихся представителей/ вслѣдствіе тѣхъ злоупотребленій, къ которымъ онъ привелъ со стороны ученыхъ, занимавшихся и занимающихся сравнительной миѳологіей. Тенденція отыскивать во всякаго рода миѳахъ олицетвореніе крупныхъ явленій природы и фантастическое объясненіе ихъ взаимныхъ отношеній съ предполагаемой точки зрѣнія дикаря превратила сравнительную миѳологію въ поприще для подчасъ удивительныхъ комбинацій современныхъ ученыхъ, дававшихъ волю своей собственной фантазіи тамъ,

гдѣ они думали найти объясненіе для плодовъ фантазіи дикаря: всюду разыскивался болѣе или менѣе глубокій смыслъ миѳовъ, говорилось о миѳическомъ изображеніи зимней смерти и весенняго возрожденія природы, ежедневной смерти и ежедневнаго рожденія солнца, борьбы солнца съ тучами и туманомъ, бракѣ неба съ землей и т.д. А такъ какъ при этомъ предполагается, что измышленія современныхъ ученыхъ и представляютъ древнѣйшія или по крайней мѣрѣ очень раннія представленія даннаго народа о великихъ силахъ природы, и что эти послѣднія являются первыми богами народа, то народамъ, находящимся на совершенно примитивномъ уровнѣ развитія при этомъ приписывается необыкновенно богатая фантазія въ соединеніи съ рѣдкимъ интересомъ къ самымъ обыкновеннымъ явленіямъ жизни природы. Между тѣмъ свѣдѣнія о дѣйствительномъ характерѣ жизни и въ частности психической жизни современныхъ наиболѣе первобытныхъ народовъ несомнѣнно доказываютъ, что эти основныя предположенія покоются на своего рода идеализаціи дикаря, которому при этомъ приписывается слишкомъ безкорыстный интересъ къ явленіямъ природы и слишкомъ большая фантазія. Дикарь, а тѣмъ болѣе его весьма отдаленные предки, интересуется тѣмъ, что такъ или иначе отражается непосредственно на его жизни, и интересуется этимъ лишь постольку, поскольку это безусловно необходимо для огражденія или обезпеченія своей жизни. А въ этомъ смыслѣ особенно небо, земля, солнце, луна, смѣна дня и ночи и т.п. для него въ большинствѣ случаевъ либо вовсе не интересны, либо являются настолько посто-

яннымъ, неизмѣннымъ и привычнымъ явленіемъ, что онъ не обращаетъ на нихъ вниманія.

Гораздо ближе его вниманію и пониманію т.наз. мелкія природы /ср. *Réville, religions des peuples noncivilisés*/: животныя, которыми онъ питается и которыхъ онъ боится, рѣка или источникъ, въ которыхъ онъ добываетъ себѣ воду для питья, деревья, дающія ему свои плоды и т.д. Согласно вышеочерченной особенности его мышленія всѣ они представляются ему подобными ему самому: не только животныя, но и бурная рѣка и журчащій ручей и шумящее листвой дерево и даже камни по его мнѣнію обладаютъ такой же психической жизнью, какъ онъ самъ. Всякое явленіе, обращающее на себя его вниманіе, есть продуктъ такой же воли, какъ его собственная. И это вовсе не значитъ, чтобы онъ приписывалъ теченіе рѣки или шумъ листвы особому существу, отдѣленному отъ рѣки или дерева, хотя и имѣющему въ нихъ пребываніе; сама рѣка, само дерево мыслитъ, чувствуетъ и обладаетъ волей. Какъ бы страннымъ намъ не казалось подобное представленіе, дикарю оно представляется не только вполнѣ естественнымъ, но и единственно возможнымъ объясненіемъ явленій наблюдаемыхъ имъ изъ жизни природы. Отношенія его къ окружающимъ его явленіямъ было вѣроятно съ самого начала не вполнѣ однороднымъ: тогда какъ одни явленія /дикіе звѣри, змѣи и т.д./ возбуждали въ немъ главнымъ образомъ страхъ и соединенное съ нимъ почтеніе, другія, какъ плодоносныя деревья вѣроятно скорѣе дѣйствовали на него своимъ значеніемъ для его пропитанія. Во всякомъ случаѣ и тѣ и другія тѣмъ болѣе

заставляли его проникнуться чувствомъ своей зависимости отъ ихъ дѣйствій и жизни, что онъ на каждомъ шагу съ ними сталкивался, вынужденный защищаться отъ нихъ или пользоваться ими.

Несмотря на это преобладающее значеніе мелкихъ явленій природы въ развитіи религіознаго чувства дикаря едва ли можно отрицать, что при извѣстныхъ географическихъ условіяхъ и крупныя явленія природы могли также рано обратить на себя его заинтересованное вниманіе. Чаще всего проливные дожди, грозы и ураганы юга должны были вызывать его испуганное вниманіе. Что же касается солнца, луны, смѣны дня и ночи и т.д., то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что они должны были имѣть неодинаковое значеніе напр. для жителей знаменитыхъ первобытныхъ лѣсовъ Амазонки, въ которыхъ лучъ солнца рѣдко проникаетъ съ одной, и для жителей русскихъ среднеазіатскихъ и тому подобныхъ областей, съ другой стороны.

Существенно въ данномъ случаѣ лишь то, что первоначально лишь тѣ явленія природы обращаютъ на себя вниманіе дикаря, въ которыхъ онъ непосредственно и постоянно нуждается или которыхъ онъ постоянно страшится. Это не значитъ, чтобы онъ не признавалъ и за всѣми другими явленіями природы ихъ существованія и чтобы онъ при случаѣ не надѣлялъ и ихъ такими же психическими чертами, которыми онъ самъ отличался, это значитъ лишь, что чувство зависимости воспиталось у него на почвѣ созерцанія и фантастическаго толкованія жизни вселенной. Это, разумѣется, не значитъ также, чтобы онъ остановился на

извѣстныхъ явленіяхъ природы и не пошелъ бы съ теченіемъ времени дальше въ своемъ интересѣ; это значитъ лишь, что въ первыя весьма продолжительныя времена первобытной жизни явленіе его интересуетъ не само по себѣ, а въ зависимости отъ чувства нужды или страха и параллельно съ измѣненіемъ внѣшнихъ условій быта /напр. съ переходомъ къ скотоводству или къ земледѣлію/, иначе говоря, параллельно съ видоизмѣненіемъ въ его потребностяхъ видоизмѣняется и характеръ явленій, въ которыхъ онъ нуждается и которыхъ онъ страшится и коими онъ вслѣдствіе этого и интересуется.

Таковъ повидимому первый существенный источникъ религіознаго чувства. Наряду съ нимъ существуетъ однако еще и другой, на который обратили особенное вниманіе Тайлоръ, Спенсеръ, Липпертъ *(Kulturgeschichte)* и др., а въ области греческой религіи особенно Роде.

Изученіе первобытныхъ представленій современныхъ первобытныхъ народовъ убѣдило указанныхъ ученыхъ въ томъ, что смерть по представленію дикаря не приводитъ къ полному прекращенію жизни, а лишь къ ея видоизмѣненію: при смерти отъ человѣка отдѣляется нѣкоторое живое начало, духъ или душа, которое продолжаетъ свое самостоятельное существованіе и послѣ разложенія трупа. Несмотря на свою кажущуюся сложность представленіе о независимомъ отъ тѣла духѣ покоится на очень простыхъ и примитивно понимаемыхъ фактахъ, среди коихъ преобладающее значеніе имѣютъ сонныя видѣнія и галлюцинаціи. Во снѣ человѣкъ видитъ умершаго и бесѣдуетъ съ нимъ; значитъ, умершій не

исчезъ окончательно, а сохранилъ не только свое существованіе, но и способность вступать въ общеніе съ людьми. Съ другой стороны человѣкъ во снѣ совершаетъ передвиженія, видитъ и слышитъ далекихъ въ данное время отъ него людей; значитъ, въ то время какъ тѣло его покоилось, нѣчто въ немъ отдѣлилось отъ тѣла и жило особой отъ тѣла жизнью. Вызванные страхомъ или инымъ возбужденнымъ состояніемъ галлюцинаціи точно также свидѣтельствуютъ о томъ, что умершій не исчезъ окончательно или что физически далекій въ данное время человѣкъ можетъ появиться въ другомъ мѣстѣ чѣмъ то, гдѣ находится его тѣло. Нѣчто въ человѣкѣ, такимъ образомъ, можетъ покидать тѣло или временно (во время сна) или окончательно (въ случаѣ смерти).

Это нѣчто, разумѣется, сохраняетъ всѣ свои прежнія особенности, свой характеръ, свою силу, свои аффекты, свою волю, свои потребности. Оно сохраняетъ даже свой матеріальный характеръ; это нѣчто тоже есть тѣло, только болѣе тонкое, легкое и подвижное тѣло. Но именно поэтому съ нимъ приходится вдвойнѣ считаться: сохраняя всѣ свои прежнія особенности, оно еще пріобрѣтаетъ къ нимъ невидимость /или по крайней мѣрѣ способность быть невидимымъ/ и подвижность. Умершій человѣкъ такимъ образомъ также входитъ въ разрядъ неизвѣстныхъ и непостижимыхъ силъ, зависимость отъ которыхъ ощущаютъ пережившіе его. Страхъ передъ умершими есть самое обычное явленіе среди современныхъ первобытныхъ народовъ и у многихъ изъ нихъ этотъ страхъ по разсказамъ путешественниковъ

и миссіонеровъ представляется единственной (точнѣе безусловно преобладающей) формой религіознаго чувства. (См. напр. Zippert, Kulturgeschichte, т.I, стр. 102 сл.).

Большинство представителей теоріи анимизма считаютъ эти представленія о смерти и объ умершихъ даже единственнымъ первичнымъ источникомъ религіи и полагаютъ, что антропоморфизирующее представленіе объ остальныхъ явленіяхъ природы возникло уже на почвѣ анимизма. Судить о первоначальномъ происхожденіи религіознаго чувства, разумѣется, очень трудно: происхожденіе его лежитъ далеко за предѣлами доступнаго нашему наблюденію человѣческаго міра даже тамъ, гдѣ этотъ міръ является предъ нами въ самыхъ первобытныхъ формахъ. Тѣмъ не менѣе трудно допустить, чтобы антропоморфизирующее представленіе напр. о животныхъ могло возникнуть только на почвѣ анимизма. Дикарь, а тѣмъ болѣе его отдаленные предки, самъ такъ недалеко ушелъ отъ животныхъ, что было бы очень странно, если бы онъ не признавалъ ихъ всегда подобными себѣ существами и не судилъ бы о нихъ по аналогіи съ самимъ собой. Для подобныхъ взглядовъ и выводовъ онъ едва ли нуждался въ особомъ взглядѣ на смерть и самостоятельное бытіе духа. Само собою разумѣется, что анимизмъ могъ и долженъ былъ имѣть вліяніе и на отношеніе людей къ явленіямъ природы: подъ его вліяніемъ вѣроятно и въ нихъ начали различать тѣло и духъ, что проявляется отчасти въ жертвоприношеніяхъ, основное предположеніе которыхъ заключается въ томъ, что тотъ, кому приносится жертва, будучи самъ духомъ, воспринимаетъ духъ жертвы.

На этой же почвѣ, повидимому, возникаетъ и тотъ кругъ представленій, который принято называть фетишизмомъ. Сущность фетишизма, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что всякаго рода предметы, отъ камня и пня до кусочковъ кожи, матеріи, древесной коры и т.д., признаются мѣстонахожденіемъ разныхъ духовъ. Въ виду невозможности допустить, чтобы подобное представленіе являлось первичнымъ источникомъ представленій о таинственныхъ силахъ или точнѣе, чтобы указанные предметы сами по себѣ могли навести на мысль о духѣ, повидимому, слѣдуетъ думать, что возникшій на почвѣ своеобразныхъ представленій о смерти культъ умершихъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи /см. дальше/ рано привелъ къ фетишизму.

Въ результатѣ можно признать, что антропоморфизмъ явленій природы и анимизмъ являются первоначальнымъ источникомъ религіознаго чувства, выражающагося съ одной стороны въ болѣе или менѣе сильномъ страхѣ, съ другой стороны въ почтительномъ сознаніи связи съ умершимъ или зависимости отъ носителей даровъ природы.

Судя по нашимъ даннымъ о наиболѣе первобытныхъ народахъ нашего времени, господствующую роль въ отношеніяхъ дикаря къ признаваемымъ имъ таинственнымъ силамъ играетъ не столько благодарность или почтеніе, сколько страхъ. Фритчъ отмѣчаетъ страхъ южноафриканскихъ народностей Бечуана, Дамара, Намаква и готтентотовъ передъ духами умершихъ; Бертонъ говоритъ о разныхъ восточноафриканскихъ народностяхъ, что у нихъ незамѣтно никакихъ призна-

ковъ почитанія какого либо существа и что одинъ лишь страхъ передъ умершими безусловно господствуетъ надъ ними. Аналогичныя данныя у насъ имѣются насчетъ краснокожихъ индѣйцевъ, насчетъ жителей острововъ Тахити и громаднаго количества другихъ народовъ. Въ этомъ преобладаніи страха въ первобытнѣйшихъ религіозныхъ взглядахъ нѣтъ ничего удивительнаго: независимо отъ того, что человѣкъ вообще склоненъ признавать благопріятныя условія жизни нормальными и скорѣе забываетъ пріятныя чѣмъ болѣзненныя ощущенія, страхъ передъ неизвѣстнымъ представляетъ высшую степень чувства зависимости отъ неизвѣстнаго, а это чувство, какъ мы видѣли, представляетъ главную основу религіозныхъ представленій. Если позволительно дѣлать заключенія все по тѣмъ же первобытнѣйшимъ народамъ нашего времени, то слѣдуетъ думать, что дикарь испытываетъ особенно сильное чувство страха по отношенію къ умершимъ. Да это и вполнѣ естественно: жизнь и "дѣйствія" животныхъ, деревьевъ, рѣкъ и т.д. въ большей степени протекаютъ на его глазахъ, а слѣдовательно, легче поддаются учету, т.е. менѣе таинственны, чѣмъ дѣйствія умершихъ. Съ другой стороны проявленія жизни указанныхъ явленій природы не оставляютъ такого впечатлѣнія, какъ напр. смерть вождя, вся жизнь котораго и въ хорошемъ и въ дурномъ была тѣснѣе связана съ жизнью его орды. Въ тѣ примитивныя времена отъ силы, ловкости и энергіи вождя сплошь и рядомъ зависѣла вся судьба его маленькой орды. Онъ занималъ въ ней такое же господствующее положеніе, какое сильнѣйшіе самцы и въ настоящее время зани-

мают̈ъ среди данной группы той или другой породы живущихъ группами высшихъ животныхъ, былъ въ одно и то же время и полновластнымъ господиномъ группы и призваннымъ ея защитникомъ. Его смерть поэтому, естественно, должна была вызвать и переполохъ и страхъ за будущее. Несмотря на неизбѣжную замѣну его другимъ лицомъ память о немъ не могла сразу исчезнуть: онъ оставался все той же и благодѣтельной и грозной силой, какой былъ и прежде и продолжалъ требовать то же повиновеніе и тѣ же почести. Но грозная сторона его силы при такихъ условіяхъ, естественно, выдвигалась все болѣе на первый планъ: на практикѣ по причинамъ, на которыя сейчасъ еще будетъ указано, орда сплошь и рядомъ забывала о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ нему и вспоминала о немъ и о нихъ преимущественно по поводу какихъ нибудь несчастій, которыя при такихъ условіяхъ легко истолковывались, какъ выраженія его недовольства и мести и, естественно, усиливали чувство страха предъ его силой.

II. Разъ, такимъ образомъ, дикарь разными путями наводится на мысль о существованіи разныхъ болѣе или менѣе таинственныхъ силъ, которыхъ онъ страшится или въ которыхъ онъ нуждается, то, естественно, возникаетъ дальнѣйшій вопросъ, какъ установить съ ними возможно болѣе благопріятный для него *modus vivendi*?

При разсмотрѣніи отношенія дикаря къ признаваемымъ имъ силамъ мы должны исходить изъ основныхъ общихъ особенностей характера первобытнаго человѣка. Онъ опредѣля-

ется двумя основными чертами: эгоизмомъ и безпечностью /или иначе отсутствіемъ планомѣрной заботы о жизни/. "Низшая форма заботы о жизни характеризуется наивозможно большей ограниченностью какъ въ пространствѣ такъ и во времени. По времени она не выходитъ за предѣлы мгновенія, въ теченіе котораго ощущается извѣстная потребность, по пространству она — если оставить въ сторонѣ материнскій инстинктъ — заключаетъ въ себѣ только интересы даннаго лица. Она перестаетъ дѣйствовать съ удовлетвореніемъ естественнаго стимула. То чрезвычайное напряженіе, на которое человѣкъ, находящійся на этомъ уровнѣ развитія, способенъ подъ давленіемъ нужды, не подчиняется заботѣ о будущемъ; самая забота о будущемъ оказывается невыносимой; за удовлетвореніемъ непосредственной нужды слѣдуетъ состояніе лѣниваго покоя. Чувства и способности первобытнаго человѣка находятся подъ господствомъ этой временно столь же интенсивной сколько и непостоянной заботы... Рѣзкой характерной чертой этихъ людей былъ бы ужасающій эгоизмъ, если бы его не умѣряла безпечность; холодное себялюбіе и добродушное невмѣшательство (gutmütiges Gewährenlassen) играютъ въ нихъ одинаковую роль (Zippert, Kulturgeschichte, стр.22-23/.

Эти характерныя для современныхъ первобытныхъ народовъ черты, естественно, проявляются тѣмъ рѣзче чѣмъ ниже ихъ культурный уровень, но болѣе или менѣе опредѣленные слѣды ихъ встрѣчаются не только среди всѣхъ первобытныхъ, но и среди культурныхъ народовъ. Къ числу наиболѣе отсталыхъ народностей земного шара принадлежатъ

южноафриканскіе бушмены и готтентотты и лучшій знатокъ ихъ Фритшъ (Fritsch, die Eingeborenen Süd Afrikas 1872/ характеризуетъ не только охотниковъ бушменовъ какъ "несчастныхъ дѣтей мгновенія", дѣйствующихъ безъ всякаго размышленія о будущемъ и отличающихся необыкновенной грубостью чувства, но говоритъ и о ихъ сосѣдяхъ пастухахъ готтентоттахъ, что "они теряютъ свой веселый нравъ, если въ теченіе болѣе продолжительнаго времени находятся на службѣ у европейца, и пріобрѣтаютъ ворчливый и мрачный характеръ. По всему вѣроятію это слѣдуетъ объяснить такъ, что эти слуги постепенно перенимаютъ у своихъ господъ привычку носиться съ заботами о будущемъ, и что ихъ психика не переноситъ сопряженнаго сътакими заботами состоянія" Совершенно то же самое мы узнаемъ о первобытныхъ народностяхъ южной Америки: "сохранять запасъ продовольствій на болѣе продолжительное время чѣмъ въ лучшемъ случаѣ на одинъ день, противно ихъ природѣ", говоритъ Аппунъ (Appun, Unter den Tropfen). Краснокожіе сѣверной Америки отличаются совершенно такой же чертой: охота для большинства изъ нихъ почти единственный источникъ жизни, но это не мѣшаетъ имъ безразсудно перебить все, что они встрѣчаютъ /даже гнѣзда съ птичьими яйцами/, хотя бы они вовсе и не нуждались въ этомъ и могли бы довольствоваться частью добычи, или даже вовсе не нуждались бы въ ней, и безсмысленно истощать такимъ образомъ запасъ лѣсныхъ и степныхъ животныхъ, безъ которыхъ имъ невозможно жить. Объѣденіе или простое ис-

требленіе животныхъ поэтому смѣняются продолжительными подчасъ голодовками, но и послѣднія не пріучаютъ ихъ къ большей заботѣ о будущемъ.

При такихъ условіяхъ только непосредственная нужда и только страхъ могутъ быть поводомъ къ тому, чтобы первобытный человѣкъ вступилъ въ сношенія съ той силой, въ которой онъ нуждается или которой онъ страшится въ данный моментъ. Цѣлью этихъ сношеній далѣе очевидно будетъ удовлетвореніе нужды или устраненіе вызвавшаго страхъ явленія. Онъ можетъ умолять дерево, въ плодахъ котораго онъ нуждается и которое по тѣмъ или инымъ причинамъ въ данный моментъ не даетъ ему этихъ плодовъ, снизойти къ его мольбѣ и послать ему плоды. Онъ можетъ обратится съ аналогичной мольбой къ рѣкѣ, которая своимъ наводненіемъ грозитъ ему гибелью, или къ степному или лѣсному пожару, чтобы они пощадили его.

Но особенно большую роль у всѣхъ современныхъ первобытныхъ народовъ, какъ мы видѣли, играетъ страхъ передъ духами. Отношеніе человѣка къ нимъ поэтому имѣетъ рѣшающее значеніе при опредѣленіи отношенія его къ признаваемымъ имъ таинственнымъ силамъ вообще. Сущность этого отношенія сводится къ тому, что человѣкъ или временно подъ давленіемъ непосредственной нужды или страха или постоянно старается угодить духу съ тѣмъ, чтобы или добиться отъ него удовлетворенія своей единичной потребности или устранить объясняемый вмѣшательствомъ духа единичный поводъ для страха или болѣзненнаго ощущенія или же найти удовлетвореніе постояннымъ потребностямъ и

устранить постоянное недовольство, неудовлетворенность или страхъ. Дѣйствія, которыя совершаются человѣкомъ для достиженія этой цѣли, называются культомъ. Культъ всегда предполагаетъ, во-первыхъ, болѣе или менѣе опредѣленное чувство неудовлетворенности или страха и, во-вторыхъ, надежду путемъ извѣстныхъ дѣйствій направить таинственную силу, къ которой обращается культъ, по желательному для человѣка пути. "Вѣрь, дары вліяютъ и на людей и на боговъ. Самъ Юпитеръ становится милостивъ подъ вліяніемъ поднесенныхъ ему даровъ", полуиронически полусерьезно замѣчаетъ Овидій (Ars am. 3,653/. Въ основѣ культа сознательно или безсознательно лежитъ идея: do, ut des /я даю съ тѣмъ, чтобы ты далъ/.

Если сущность культа такимъ образомъ остается неизмѣнной, то предѣлы его дѣйствія и его формы наоборотъ измѣнчивы до крайности и измѣнчивы также представленія о его результатахъ. Если капризное божество иныхъ дикарей и неизмѣримо высокое и возвышенное божество культурнаго человѣка, хотя и по разнымъ причинамъ, но могутъ отказать въ исполненіи просьбы ихъ поклонника, то въ громадномъ количествѣ другихъ случаевъ культъ, если только онъ совершается съ надлежащимъ знаніемъ дѣла и съ соблюденіемъ всѣхъ условій, связываетъ божество, и человѣкъ, оказывая божеству культъ, имѣетъ право требовать, чтобы божество исполнило его желаніе. Въ противномъ случаѣ не одинъ только негръ въ ярости разбиваетъ или бросаетъ фетишъ и подвергаетъ соединенное съ нимъ божество брани

и поруганію: точно также поступилъ и римскій народъ, когда онъ въ I9 г. по Р.Хр. узналъ о смерти своего любимца Германика: статуи боговъ подверглись поруганію, были опрокинуты и отчасти разбиты. Не менѣе характерно и знаменитое восклицаніе Людовика XIУ, вырвавшееся у него подъ впечатлѣніемъ обрушившихся на него во время войны за испанское наслѣдство несчастій: "и это послѣ всѣхъ услугъ (services), оказанныхъ Богу."

Представленіе о результатахъ культа такимъ образомъ рѣзко колеблется въ разныя времена. Тѣмъ не менѣе какъ общее правило можно установить, что чѣмъ ниже культурный уровень даннаго общества или даннаго лица, а слѣдовательно, и его представленіе о божествѣ, тѣмъ рѣзче проявляется эгоистическій мотивъ культа и тѣмъ сильнѣе увѣренность человѣка, что возлагая обязанности на человѣка культъ въ то же время и въ той же мѣрѣ связываетъ и божество.

Еще болѣе своеобразны и измѣнчивы предѣлы дѣйствія и формы культа и степень участія въ немъ лицъ, спеціально посвящающихъ себя культу либо по собственной иниціативѣ и на свой личный рискъ либо по порученію болѣе или менѣе значительнаго союза лицъ и на средства, предоставляемыя на эту цѣль самимъ союзомъ. Изъ разсмотрѣнія развитія формъ культа въ общемъ вытекаетъ, что культъ имѣетъ тенденцію охватывать все большій районъ человѣческихъ интересовъ, что формы его имѣютъ наклонность къ возрастающему усложненію и что степень участія въ немъ спеціалистовъ /жрецовъ/ также имѣетъ тенденцію къ возростанію съ

параллельнымъ устраненіемъ лицъ, не принадлежащихъ къ спеціалистамъ-жрецамъ.

Что касается прежде всего предѣловъ примѣненія и дѣйствія культа, то они расширяются параллельно росту культурныхъ интересовъ человѣка и усложненію какъ заботы о жизни, такъ и внѣшнихъ условій, къ которымъ человѣкъ вынужденъ приспособляться.×

Рѣзкая разница существуетъ въ этомъ отношеніи уже между охотникомъ съ одной, пастухомъ и тѣмъ болѣе земледѣльцемъ съ другой стороны. Отличаясь во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ вышеотмѣченной крайней безпечностью народъ-охотникъ /если только на этой стадіи развитія позволительно говорить о народѣ, а не объ ордѣ/ уже въ силу этого только по поводу какихъ либо чрезвычайныхъ событій обращается къ духамъ и культъ ихъ уже поэтому только и можетъ имѣть случайный и часто прерываемый характеръ. Его жизнь основана на пользованіи даровыми силами природы и чѣмъ богаче природа данной страны, тѣмъ меньше онъ ощущаетъ нужду и тѣмъ рѣже онъ обращается къ ней съ просьбами. Но сколько онъ совершается, культъ здѣсь имѣетъ безпорядочный и индивидуальный характеръ. Жрецы, однако, встрѣчаются уже и на этой стадіи развитія, напр. у краснокожихъ Сѣверной Америки, но они не дѣйствуютъ по порученію общества, а избираютъ свою профессію на собственный страхъ и рискъ. Причины, побуждающія от-

---

Лекціи по Исторіи Греціи. Листъ 10-ый.
Лит. Богданова. Эртелевъ пер. № 14. Директора

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

дѣльныхъ членовъ группы заняться спеціально культомъ /иначе говоря въ отличіе отъ другихъ членовъ группы поддерживать съ однимъ или нѣсколькими духами постоянныя сношенія/, намъ, разумѣется, точнѣе неизвѣстны. Весьма вѣроятно, что поставленный въ необходимость обратиться къ какому нибудь духу дикарь часто находилъ цѣлесообразнымъ обратиться за совѣтомъ къ болѣе опытнымъ, т.е. болѣе старымъ членамъ группы, способнымъ указать ему на тѣ средства, при помощи которыхъ можно обратить на себя вниманіе духа и обезпечить себѣ его поддержку. А такъ какъ старость на этомъ уровнѣ развитія больше чѣмъ на какомъ либо иномъ лишаетъ человѣка возможности быть полноправнымъ членомъ группы, то весьма вѣроятно, что именно старики и больные /особенно кадѣки или психически ненормальные, напр., эпилептики/ первоначально находили въ жреческой профессіи такой заработокъ, который давалъ имъ возможность продлить жизнь несмотря на физическую слабость, уродство или болѣзнь. Но и независимо отъ матеріальныхъ расчетовъ характерныя для нихъ особенности сами по себѣ были способны усилить въ нихъ то чувство зависимости, которое, какъ мы видѣли, лежитъ въ основаніи религіи, и направить ихъ мысль, незанятую обычнымъ для группы трудомъ, на окружавшія ихъ таинственныя силы. На фонѣ господствовавшихъ въ предѣлахъ всей группы основныхъ представленій ихъ личная, въ основѣ своей вполнѣ добросовѣстная, творческая дѣятельность при такихъ условіяхъ вышивала болѣе сложные узоры, подготовляя почву для развитія болѣе сложныхъ религіозныхъ представленій

всей группы. Въ выдѣленіи такихъ жрецовъ по мѣткому замѣчанію Липперта /Allgemeine Geschichte des Priesterthums, т.I, стр.48/ предъ нами является древнѣйшая форма раздѣленія труда въ древнѣйшихъ человѣческихъ обществахъ /если оставить въ сторонѣ еще болѣе древнее раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной/.

Положеніе этихъ древнѣйшихъ жрецовъ, однако, представляется очень мало привлекательнымъ. Поскольку они лишены возможности обезпечить свою жизнь собственнымъ трудомъ, они принуждены разсчитывать на подношенія другихъ членовъ группы, нуждающихся въ ихъ помощи. А такъ какъ послѣдніе не только лишь въ исключительныхъ случаяхъ обращаются къ духамъ, но и имѣютъ полную возможность обратиться къ нимъ и безъ посторонней помощи, то матеріальное положеніе жрецовъ какъ таковыхъ очевидно представляется крайне плохо обезпеченнымъ. Но и въ томъ случаѣ, когда дикарь считаетъ нужнымъ обратиться къ помощи жреца, послѣдній подвергается большой опасности, если его участіе и совѣты окажутся безполезными: въ такомъ случаѣ онъ легко подвергается не только побоямъ, но подчасъ и убійству или казни, причемъ играетъ роль не только и не столько обвиненіе въ обманѣ, сколько обвиненіе въ злomъ умыслѣ.

Поскольку обращаются къ жрецамъ, задачи ихъ при этомъ представляются крайне разнообразными. Все равно, нуждается ли дикарь въ дождѣ или въ прекращеніи дождей, въ обиліи животныхъ, въ прекращеніи наводненія или въ прекращеніи болѣзни, въ обезпеченіи побѣды надъ врагомъ

или въ чемъ другомъ, жрецъ можетъ быть призванъ для удовлетворенія всѣхъ этихъ желаній. Въ высшей степени характерно однако, что особенно частымъ основаніемъ для обращенія къ жрецу служитъ болѣзнь: у краснокожихъ Сѣверной Америки жрецъ даже обыкновенно называется врачемъ. И это вполнѣ естественно. Никогда человѣкъ вообще, дикарь въ частности не чувствуетъ такъ рѣзко свое безсиліе, свою зависимость отъ болѣе или менѣе таинственныхъ силъ, какъ въ случаѣ собственной болѣзни или болѣзни своихъ близкихъ, которую дикарь согласно всему характеру своего міросозерцанія объясняетъ какъ результатъ поселенія въ больномъ какого либо мучающаго больного духа. Смыслъ и цѣль лѣченія при такихъ условіяхъ сводится къ устраненію поселившагося въ больномъ духа изъ организма больного, что въ свою очередь можетъ быть достигнуто двоякимъ путемъ: или надо умилостивить даннаго духа или надо изгнать его при помощи другого болѣе сильнаго духа. При этомъ, однако, особенно все у тѣхъ же краснокожихъ замѣчается въ высшей степени характерное отношеніе къ разнымъ формамъ заболѣваній или болевыхъ ощущеній. По отношенію къ локализированнымъ, лежащимъ на поверхности человѣческаго организма центрамъ болевыхъ ощущеній краснокожій старается устранить боль посредствомъ разныхъ эмпирически добытыхъ средствъ изъ растительнаго царства, и наблюдатели утверждаютъ, что многія изъ этихъ средствъ оказываются въ самомъ дѣлѣ дѣйствительными. Совсѣмъ другое дѣло, когда болевыя ощущенія проистекаютъ изъ непосредственно неосязаемой

и невидимой болѣзнетворной причины. Здѣсь обращеніе къ врачу-жрецу оказывается необходимымъ и только отъ его сношеній съ духами или опредѣленнымъ духомъ ожидается спасеніе.

Съ переходомъ къ пастушескому быту предѣлы примѣненія и дѣйствія культа и параллельно съ этимъ обыкновенно и участіе жрецовъ въ культѣ постепенно расширяется, причемъ наряду съ усложненіемъ и большимъ постоянствомъ заботъ о жизни играетъ вѣсьма существенную роль и увеличеніе орды, болѣе постоянная связь между ея членами и усложненіе ея организаціи. Вмѣсто большей частью несложныхъ мелкихъ ордъ краснокожихъ Сѣверной Америки бушменовъ и т.д., пастушескій бытъ способенъ создать при благопріятныхъ условіяхъ обширныя кочующія племена съ цѣлымъ рядомъ властей. Параллельно съ этимъ, какъ мы еще увидимъ, происходитъ усложненіе и религіозныхъ представленій: если уже напр. у краснокожихъ наряду съ обыкновенными маниту /духовъ/ существуетъ великій маниту, подобно тому какъ среди самихъ членовъ орды есть обыкновенные члены и избираемый на время вождь, то среди болѣе прочно организованныхъ пастушескихъ народовъ съ ихъ болѣе постоянными вождями существуютъ болѣе постоянный великій духъ, являющійся призваннымъ представителемъ интересовъ всей организаціи и очень часто именуемый "господиномъ" /ср.древнее названіе Индры: Асура=господинъ, ср. Аллахъ, якутскій тоёнъ и т.д./ Какъ явленіе вторичное, эти великіе духи часто имѣютъ мало связи съ массой даннаго племени и отлича-

ются нѣсколько расплывчатымъ характеромъ; зато они обыкновенно имѣютъ постоянный культъ, представителемъ котораго является глава племени /и его родъ/ или спеціальные жрецы. Такъ у якутовъ, по словамъ Сѣрошевскаго, /Якуты, Т.I, стр.628-629/ только члены одного спредѣленнаго рода въ каждомъ изъ четырехъ первоначальныхъ улусовъ, на которые распадаются или изъ которыхъ составляются якуты, имѣютъ право на званіе великаго шамана, располагающаго поддержкой самого Улу-тоёна, т.е. великаго духа улуса: это явно свидѣтельствуетъ о постоянствѣ его культа.

Но особенно значительно увеличиваются предѣлы примѣненія культа съ переходомъ къ земледѣлію. На первыхъ стадіяхъ развитія преобладающую роль при этомъ играетъ самый характеръ земледѣльческаго труда и быта. Господствующая надъ земледѣльцемъ "власть земли" /по удачному выраженію Глѣба Успенскаго/ сказывается и на возрастающемъ въ немъ чувствѣ зависимости отъ природы: солнце, дождь, засуха, характеръ временъ года и т.д. все это имѣетъ для него гораздо большее значеніе, чѣмъ для охотника и даже для пастуха. Зависимость его отъ урожая и зависимость урожая отъ массы разнообразныхъ условій создаетъ безконечное количество поводовъ къ всякаго рода опасеніямъ и зависящимъ не отъ него надеждамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ обращенію къ таинственнымъ силамъ. Возрастающее постоянство жизни и параллельно съ этимъ извѣстное однообразіе основныхъ элементовъ

непосредственно интересующей его жизни природы въ то же время окончательно дѣлаютъ его культъ постояннымъ факторомъ его жизни. Религіозное чувство какъ массовое и постоянное явленіе нигдѣ не достигаетъ такой степени напряженности и нигдѣ не проникаетъ такъ глубоко въ жизнь какъ среди земледѣльческаго народа. Параллельно съ этимъ нигдѣ роль жреческаго класса не становится столь значительной, отнюдь, разумѣется, не ограничиваясь предѣлами матеріальныхъ заботъ, а захватывая наоборотъ буквально всѣ стороны жизни и вліяя на человѣка отъ самаго рожденія вплоть до смерти.

На позднѣйшихъ стадіяхъ земледѣльческаго развитія къ этому далѣе прибавляется ростъ и усложненіе политической организаціи. Отдѣльныя земледѣльческія общины по тѣмъ или инымъ причинамъ начинаютъ вступать въ связь и соединяться и параллельно съ этимъ наряду съ мѣстными культами пріобрѣтаютъ значеніе или возрождаются болѣе общіе культы. Я говорю: или возрождаются, такъ какъ значительная часть земледѣльческихъ народовъ земного шара, но не всѣ /напр. т.наз. колумбовы индѣйцы Антильскихъ острововъ или населеніе острововъ Великаго Океана/, до перехода къ земледѣлію прошли стадію пастушескаго быта, очень часто отличающагося болѣе сложной /по крайней мѣрѣ количественно/ политической организаціей и въ связи съ этимъ, какъ мы видѣли, болѣе сложнымъ пантеономъ, чѣмъ низшіе земледѣльческіе народы, склонные къ большей разобщенности, къ дробленію племенного единства и къ господству мѣстныхъ интересовъ и

мѣстныхъ культовъ надъ общими. Дальнѣйшее развитіе такихъ земледѣльческихъ народовъ приводитъ по этому или можетъ привести къ болѣе или менѣе полному возрожденію ихъ общихъ связей и общихъ культовъ.

Останавливаться на дальнѣйшемъ развитіи религіознаго чувства и сферѣ примѣненія культа мы пока не будемъ, такъ какъ намъ дальше еще придется говорить объ этомъ при разсмотрѣніи религіознаго развитія грековъ послѣ эпохи гомеровскихъ поэмъ. Въ эпоху гомеровскихъ поэмъ греки во всякомъ случаѣ еще находятся на уровнѣ почти чисто земледѣльческаго народа.

Оставляя этотъ вопросъ, такимъ образомъ, пока въ сторонѣ, мы приступимъ къ разсмотрѣнію первоначальныхъ формъ самого культа и главныхъ чертъ его развитія.

Если оставить въ сторонѣ несомнѣнный фактъ непостоянства первоначальнаго культа, всѣ остальные связанные съ проблемой о первоначальной формѣ культа вопросы чрезвычайно трудно поддаются разрѣшенію. Въ данномъ случаѣ и наши свѣдѣнія о культѣ современныхъ первобытныхъ народовъ требуютъ весьма осторожнаго обращенія. Какъ бы примитивна не была жизнь очень многихъ изъ этихъ народовъ, во всякомъ случаѣ ея особенности не могутъ быть прямо перенесены на доисторическія въ полномъ смыслѣ этого слова времена, т.е. на времена, о коихъ до насъ не дошло абсолютно никакихъ свѣдѣній, и которыя тѣмъ не менѣе несомнѣнно занимали много десятковъ, если не сотенъ тысячъ лѣтъ развитія, правда, крайне медленнаго развитія, но все же развитія, постепенно видоизмѣнявша-

го болѣе ранніе порядки. Къ счастію для изслѣдователя именно формы культа отличаются поразительной устойчивостью и, если мы и не можемъ надѣяться установить самыя первоначальныя его формы, то имѣемъ основаніе думать, что будемъ въ состояніи очень близко подойти къ нимъ, если будемъ руководиться при этомъ тѣмъ, что мы знаемъ о характерѣ всего психическаго склада даже современныхъ дикарей.

Разъ цѣпь тѣхъ актовъ, которые мы объединяемъ подъ названіемъ культа, заключаются въ такомъ воздѣйствіи на силу, по отношенію къ которой совершается соотвѣтственный актъ, которое представляется данному лицу желательнымъ, и разъ всѣ таинственныя силы всецѣло уподобляются человѣку со всѣмъ его даннымъ складомъ мыслей, аффектовъ, пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній и т.д., то и употребляемыя для достиженія желательнаго результата средства, очевидно, будутъ точно такія же, какія человѣкъ примѣняетъ по отношенію къ другому человѣку, на образъ дѣйствій котораго онъ такъ или иначе желаетъ оказать воздѣйствіе или отъ котораго онъ желаетъ спастись. Подобно тому какъ дикарь бросается въ бѣгство, когда болѣе сильный угрожаетъ ему побоями или смертью, или, если это невозможно, старается крикомъ, слезами и разными жестами вымолить у него пощады или прощенія, такъ точно дикарь подъ вліяніемъ животнаго страха поступаетъ и теперь, когда его застигло какое нибудь грозное стихійное бѣдствіе. Подобными, чисто импульсивными дѣйствіями, результатами высшаго напряженія чув-

ства страха, первоначально вѣроятно исчерпывалось все "религіозное" чувство дикаря, поскольку его можно разсматривать, какъ особь, живущую совершенно отдѣльно отъ другихъ ему подобныхъ.

Во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ дикарь, однако, представляетъ не совершенно оторванное отъ другихъ ему подобныхъ особей, а наоборотъ живущее ордами существо и въ этомъ едва ли можно усматривать продуктъ долгаго развитія. Дикарь въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ многихъ другихъ высшихъ животныхъ: орда, къ которой онъ принадлежитъ, первоначально едва ли чѣмъ либо отличается отъ семьи или стада дикихъ животныхъ и какъ тамъ, такъ и тутъ связь особенно тѣсна между матерью и дѣтьми. Во главѣ какъ многихъ животныхъ, такъ и простѣшихъ человѣческихъ организацій при этомъ обыкновенно стоитъ особенно сильный, ловкій и опытный вождь, господинъ и защитникъ подвластныхъ ему особей. Весьма естественно, что отношенія отдѣльныхъ членовъ группы къ нему въ виду этого служатъ прототипомъ отношенія къ таинственнымъ силамъ, съ которыми дикарю приходится имѣть дѣло и среди коихъ, какъ мы видѣли, такую большую роль играютъ духи усопшихъ вообще и духи вождей въ частности. Его потребности, т.е. высшая степень потребностей дикаря, служатъ основаніемъ для опредѣленія и оцѣнки потребностей духовъ.

А въ чемъ заключаются особенности и потребности вождя? Въ требованіи повиновенія и почтенія съ одной, въ обезпеченіи его ѣдой и всякаго рода грубѣшими удовольствіями

/возбуждающіе напитки, табакъ и т.д./ съ другой стороны. Къ предоставленію духу того и другого сводится весь культъ наиболѣе первобытныхъ народовъ, все равно къ какому бы духу этотъ культъ не обращался.

Поднесеніе духу разнаго рода средствъ продовольствія при этомъ первое время отличается полной безпорядочностью, такой же безпорядочностью, какой отличается и жизнь его "поклонниковъ" и лишь постепенно подъ вліяніемъ обычая, хранителями котораго сначала являются просто старѣйшіе члены группы, а затѣмъ постепенно выдѣляющійся классъ жрецовъ, принимаетъ болѣе опредѣленныя и устойчивыя формы. Характеръ и степень постоянства культа оказываютъ при этомъ немалое вліяніе и на дифференціацію духовъ, на которую, впрочемъ, вліяетъ и рядъ другихъ моментовъ. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Страхъ передъ духомъ умершаго можетъ, правда, привести и къ такимъ актамъ, которые въ существѣ дѣла представляютъ противоположность культу. У цѣлаго ряда народовъ либо на дѣлѣ проявляется стремленіе избавиться отъ самаго присутствія духа — такъ бушмены и готтентотты съ разными предосторожностями выносятъ трупъ изъ дома и бросаютъ его гдѣ нибудь подальше среди лѣса или кустарника, разсчитывая, что онъ не сумѣетъ вернуться назадъ — либо по крайней мѣрѣ сохраняются слѣды такого отношенія къ умершимъ въ языкѣ или въ ритуалѣ погребенія. /Зулусы напр. называютъ погребеніе "выбрасываніемъ" и т.п./ Весьма возможно, хотя съ увѣренностью этого и нельзя сказать, что въ подобныхъ актахъ сохраняются пе-

реживанія древнѣйшаго отношенія дикаря къ внушавшему ему ужасъ умершему.

Въ настоящее время подобное отношеніе къ умершимъ сохраняется во всякомъ случаѣ исключеніемъ и громадное большинство первобытныхъ народовъ земного шара не довольствуется простымъ бѣгствомъ отъ трупа или выбрасываніемъ его, а успѣло выработать болѣе сложныя отношенія къ духамъ.

Такъ краснокожіе не только оставляютъ за умершимъ все, что ему принадлежало, включая сюда и его хижину /позднѣе она очищается оставшимися въ живыхъ только на извѣстный, часто годовой, срокъ/, но и заботится о его пропитаніи, увеселеніи и т.д.

Пропитаніе духа въ свою очередь можетъ быть обезпечено двоякимъ путемъ. Или дикарь самъ отказывается отъ пользованія какимъ либо плодомъ или животнымъ, предоставляя пользованіе имъ духу или духамъ или онъ принимаетъ на себя обязанность подносить духу все, что ему нужно, т.е. опять таки мясо животныхъ и людей, плоды, напитки и т.д. Первая форма подношеній должна быть признана источникомъ постовъ, вторая — источникомъ жертвоприношеній. Обѣ формы въ настоящее время обыкновенно соединяются вмѣстѣ.

Первая форма по самому существу своему не пріурочивается къ опредѣленному мѣсту въ территоріи данной народности. Такъ на островѣ Гаити населеніе имѣло право пользоваться всѣми дарами природы кромѣ плодовъ одного дерева *Mammea americana L.* Дѣло въ томъ, что ночью духи поки-

дали свои мѣстопребыванія, чтобы питаться этимъ похожимъ на абрикосъ плодомъ. Аналогичные факты встрѣчаются сплошь и рядомъ и частичный или полный отказъ отъ ѣды играетъ очень большую роль въ религіозной жизни первобытныхъ народовъ. Особенно богатое развитіе идея подобныхъ самоограниченій и запретовъ получила въ югозападной Африкѣ /т.н. Quixilles/ и на островахъ Тихаго океана /т.н. Табу/.

Вторая форма наоборотъ по самому своему существу имѣетъ болѣе индивидуальный характеръ и связана съ опредѣленными мѣстами, гдѣ по тѣмъ или инымъ причинамъ предполагается мѣстопребываніе духовъ или духа.

Поскольку предметомъ поклоненія служитъ какое нибудь явленіе природы, рѣка, лѣсъ или роща, гора и т.д. и культъ при этомъ, очевидно, пріурочивается къ болѣе или менѣе опредѣленному мѣсту. Но мы уже видѣли, что по всѣмъ признакамъ на раннихъ стадіяхъ развитія особенную роль играетъ культъ усопшихъ и въ связи съ этимъ, естественно, возникаетъ вопросъ, поддается ли этотъ культъ локализаціи и, если да, то въ какой степени и формѣ. Въ виду того, что по взглядамъ дикарей смерть заключается въ отдѣленіи отъ трупа нѣкоей силы, способной къ самостоятельному существованію, можно было бы, повидимому, ожидать, что эта сила или духъ будетъ разсматриваться, какъ совершенно свободная въ выборѣ своего мѣстопребыванія сила. На самомъ же дѣлѣ этого нѣтъ, нѣтъ по крайней мѣрѣ по отношенію къ одной группѣ усопшихъ, а именно тѣхъ, которые пользуются болѣе или менѣе постояннымъ культомъ. Дѣло въ томъ, что согласно ирраціональному,

но весьма естественному ходу мыслей дикаря духъ усопшаго несмотря на свое отдѣленіе отъ трупа сохраняетъ извѣстную связь съ своимъ тѣломъ или частями тѣла. Вотъ почему нѣкоторыя народности, какъ мы видѣли, стремятся бросить трупъ куда нибудь подальше отъ его прежняго жилища; вотъ почему еще въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ Германіи при выносѣ тѣла соблюдается рядъ церемоній, цѣль которыхъ заключается въ томъ, чтобы сбить духъ усопшаго съ толку, дабы онъ не нашелъ входа въ свое прежнее жилище /см. Wuttke, der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart, третье изд. 1900/.

Разъ духъ усопшаго такъ или иначе связанъ съ тѣломъ, то характеръ обращенія съ трупомъ, очевидно, пріобрѣтаетъ весьма серіозное значеніе для развитія культа. Въ тѣхъ случаяхъ, когда оставшіеся въ живыхъ разбѣгаются или выбрасываютъ трупъ куда нибудь подальше, тѣмъ самымъ обыкновенно устраняется и возможность не только связаннаго съ опредѣленнымъ мѣстомъ, но и болѣе постояннаго, культа. Судя по полному отсутствію какихъ либо слѣдовъ погребенія или сожженія труповъ въ остаткахъ палеолитическаго вѣка населеніе этой эпохи именно такъ и поступало. Такимъ отношеніемъ къ трупамъ, впрочемъ, отнюдь не исключается ни признаніе дальнѣйшаго существованія духовъ усопшихъ ни даже культъ. Послѣдній, разумѣется, будетъ имѣть безпорядочный и случайный характеръ и, будучи вызванъ какимъ либо чрезвычайнымъ

событіемъ /болѣзнь, эпидемія, тяжелое пораженіе, землетрясеніе, голодовка/ обыкновенно прекратится съ устраненіемъ вызвавшей его причины. Къ кому въ частности въ данномъ случаѣ будетъ обращаться культъ, это будетъ зависѣть отъ многихъ случайныхъ причинъ: къ духу недавно умершаго и еще не забытаго члена орды или къ духу особенно памятнаго ордѣ вождя и т.д. Во всякомъ случаѣ духъ, къ которому обращаются, при такихъ условіяхъ не можетъ имѣть точно установленнаго пребыванія. Покуда трупы не подвергаются погребенію, духи могутъ быть всюду, гдѣ находится та орда, къ которой они нѣкогда принадлежали. Встрѣчающійся у очень многихъ народовъ страхъ передъ безчисленнымъ количествомъ блуждающихъ вокругъ людей духовъ, такимъ образомъ, отнюдь не долженъ быть разсматриваемъ, какъ позднѣйшее явленіе въ развитіи религіозныхъ представленій. Скорѣе наоборотъ. Страхъ передъ неизвѣстными, не имѣющими индивидуальныхъ названій духами по самому существу своему представляетъ изъ себя результатъ двухъ фактовъ: во-первыхъ, неопредѣленности мѣстопребыванія многихъ духовъ и, во-вторыхъ, отсутствія постояннаго для всѣхъ безъ исключенія духовъ культа. Ясно, что оба факта особенно свойственны низшимъ стадіямъ развитія и что они создаютъ вѣроятно уже съ древнѣйшихъ временъ благопріятную почву для страха предъ духами.

О причинахъ, побудившихъ нѣкогда человѣка отнестись къ тѣлу усопшаго съ бо́льшимъ и постепенно возрастающимъ вниманіемъ, разумѣется, очень трудно судить. Приписывать

при этомъ особенно большую роль чувству личной привязанности мы едва ли имѣемъ право; скорѣе всего оно могло еще оказать вліяніе на женщинъ, т.е. на матерей и женъ, которыя вдобавокъ по разнымъ причинамъ отличались относительно болѣе осѣдлымъ образомъ жизни, чѣмъ занимавшіеся охотой мужчины. Наряду съ чувствомъ привязанности къ умершему, выражавшимся въ заботѣ о его тѣлѣ /обезпеченіе тѣла отъ животныхъ/, играло вѣроятно бблышую роль стремленіе найти защиту и поддержку у духа усопшаго, сохранившаго, какъ уже замѣчено, связь съ его тѣломъ. Само собою разумѣется, что дѣйствительность такой защиты находилась въ прямой зависимости отъ силы духа, а представленіе о послѣдней въ свою очередь, естественно, зависѣло отъ той силы, ловкости и энергіи, которой онъ фактически отличался при жизни. Весьма естественно, что чѣмъ значительнѣе предполагаемая сила духа, тѣмъ заботливѣе стремятся обезпечить его поддержку, тѣмъ выгоднѣе оказывать ему культъ и тѣмъ необоротъ опаснѣе не обращать на него вниманія. Изъ большого числа быстро забываемыхъ и въ извѣстномъ смыслѣ безымянныхъ духовъ, такимъ образомъ, выдѣляется небольшое число духовъ "героевъ", сохраняющихъ болѣе или менѣе индивидуальный характеръ. Съ теченіемъ времени и изъ нихъ тотъ или иной можетъ быть забытъ, но покуда онъ не забытъ, онъ представляетъ силу, съ которой слѣдуетъ считаться, и весьма вѣроятно, что именно тѣла такихъ "героевъ" данной орды особенно рано становились предметомъ далеко не безкорыстныхъ попеченій.

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Эгоистическое /въ большинствѣ случаевъ/ попеченіе о тѣлѣ усопшаго подчасъ принимаетъ своеобразныя формы. На особенно раннихъ стадіяхъ культурнаго развитія какъ среди вѣчноподвижныхъ охотниковъ южной Америки трупъ умершаго вождя напр. подвергается дѣйствію палящаго южнаго солнца и затѣмъ въ засушенномъ видѣ переносится съ мѣста на мѣсто: орда видимо желаетъ себѣ обезпечить постоянное присутствіе и поддержку могущественнаго духа. Но сколько бы засушенный трупъ не терялъ въ вѣсѣ необходимость переносить его съ мѣста на мѣсто неблагопріятно отражается на свободѣ передвиженія орды и поэтому мы встрѣчаемся тутъ же съ другимъ характернымъ явленіемъ: вмѣсто того, чтобы нести съ собой весь трупъ, довольствуются только частью его, головой, ногтями и т.д., которыя затѣмъ помѣщаются въ какомъ-нибудь сосудѣ. Послѣдній представляетъ тогда своего рода подвижное святилище даннаго лица или данной орды, приноровленное къ потребностямъ подвижной жизни оставшихся въ живыхъ.

Съ теченіемъ времени и по мѣрѣ усложненія жизни самой орды эти примитивные способы обращенія съ трупомъ замѣняются болѣе сложными, т.е. главнымъ образомъ погребеніемъ и сожженіемъ трупа. Наряду съ этими встрѣчаются и другія формы, несмотря на всю свою примитивность иногда сохраняющіяся и на относительно высокомъ уровнѣ культурнаго развитія; такъ мѣстами трупы выставляются въ опредѣленномъ мѣстѣ съ тѣмъ, чтобы они были уничтожены живот-

---

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

ными; иногда трупы спускаются /на лодкѣ или безъ нея/ въ море, озеро или рѣку, причемъ послѣднія именно вслѣдствіе этого съ теченіемъ времени становятся "священными" /напр. Гангъ/. Для насъ, однако, пока имѣетъ наибольшее значеніе погребеніе.

Археологическія раскопки дали и до настоящаго времени даютъ намъ весьма большое количество свѣдѣній о характерѣ древнѣйшихъ могилъ и отношеніи къ погребаемымъ, свѣдѣній, вполнѣ подтверждающихъ общность тѣхъ представленій объ усопшихъ, которыя встрѣчаются среди современныхъ некультурныхъ народовъ. Не входя въ разсмотрѣніе формъ могилъ, расположенія труповъ и т.д., отмѣтимъ только наиболѣе важный для насъ фактъ, а именно, что по общему правилу умершій снабжается въ могилѣ всѣмъ, въ чемъ онъ нуждался или что ему служило радостью и утѣшеніемъ въ жизни. И это вполнѣ понятно вѣдь умершій сохраняетъ всѣ потребности и способности, отличавшія его въ жизни.

Уже устройство могилы и передача живыми всего того, въ чемъ можетъ нуждаться умершій, представляетъ иногда сравнительно дорого стоющій актъ культа. Но культъ этимъ далеко не исчерпывается. Умершій не только беретъ съ собою свое оружіе, разнаго рода утварь и убогія драгоцѣнности своего времени, онъ требуетъ пищи и увеселеній, т.е. желаетъ и впредь имѣть то, что при жизни составляло весь смыслъ его существованія. Если же онъ вождь орды или племени и имѣлъ женъ и рабовъ, то и они также какъ его боевой конь, его собаки и т.д. сплошь и рядомъ должны слѣдовать за нимъ при самомъ погребеніи, а тѣ, что находились подъ его властью, играми и пѣніемъ должны веселить

его. Могила его отмѣчается шестомъ или грудой камней, окруженными оградой или безъ нея. Культъ при этомъ собственно не ограничивается актомъ погребенія. Духъ вѣдь пользуется культомъ, потому что онъ обладаетъ извѣстной силой, и эта сила отнюдь не исчезаетъ съ погребеніемъ. Погребеніе только даетъ возможность установить, гдѣ всегда или, по крайней мѣрѣ, предпочтительно находится духъ и гдѣ слѣдовательно легче всего вступить съ нимъ въ сношенія. Въ болѣе раннія времена эти сношенія для массы населенія ограничиваются какими либо экстренными случаями ихъ личной или общественной жизни и только какой либо жрецъ быть можетъ добровольно возьметъ на себя исполненіе извѣстныхъ обязанностей по отношенію къ данному духу, чтобы воспользоваться его особымъ покровительствомъ. Съ теченіемъ времени, какъ мы уже видѣли, наряду съ такими жрецами-добровольцами начинаютъ появляться и оффиціальные жрецы, т.е. лица, которыя по порученію данной группы и за извѣстное вознагражденіе берутъ на себя заботу о постоянномъ культѣ одного или нѣсколькихъ духовъ. Совокупныя усилія этихъ двухъ группъ жрецовъ затѣмъ приводятъ къ дальнѣйшему развитію и систематизаціи культа.

Задача активнаго культа заключается въ устраненіи недовольства или въ пріобрѣтеніи поддержки духа при помощи воздѣйствія на его настроеніе. Благопріятное воздѣйствіе на духа достигается при этомъ тѣми же средствами, какими достигается и благопріятное воздѣйствіе на человѣка. Потребности, интересы и нравы данной группы людей опредѣ-

ляютъ и представленіе о потребностяхъ, интересахъ и нравахъ духовъ. Духъ всецѣло раздѣляетъ вкусы и взгляды своихъ поклонниковъ. Весьма понятно поэтому, что чѣмъ грубѣе будутъ нравы данной группы людей, тѣмъ грубѣе будутъ и средства, при помощи которыхъ они стараются обезпечить себѣ расположеніе духовъ.

Особенно большую роль во всѣхъ первобытныхъ культахъ поэтому играетъ забота объ обезпеченіи духа ѣдой и развлеченіями. Подобно тому какъ дикарь вполнѣ доволенъ, когда онъ сытъ и имѣетъ возможность развлечься, подобно этому и духъ главнымъ сбразомъ стремится къ удовлетворенію этихъ двухъ потребностей.

Обезпеченіе духа ѣдой, какъ мы видѣли, можетъ быть достигнуто двоякимъ путемъ: пассивнымъ самоограниченіемъ его поклонниковъ /отсюда широкораспространенная практика постовъ/ и активными подношеніями /отсюда жертвоприношенія/. Предметами подношенія впрочемъ можетъ служить не только пища и всякаго рода напитки, особенно возбуждающіе, но и всякаго рода другіе предметы, доставляющіе удовольствіе людямъ, напр. цвѣты, украшенія и т.д. Тогда какъ пассивное самоограниченіе обыкновенно не связано съ опредѣленнымъ мѣстомъ, подношенія наоборотъ имѣютъ тенденцію къ локализаціи и естественно чаще всего совершаются тамъ, гдѣ скорѣе всего можно ожидать присутствіе соотвѣтственнаго духа, т.е. чаще всего на мѣстѣ погребенія его тѣла, которое такимъ образомъ естественно становится центромъ тѣмъ болѣе значительнаго культа, чѣмъ значительнѣе то количество лицъ, которое нуждается въ

данномъ духѣ или въ силу традиціи связано съ нимъ.

Наряду съ обезпеченіемъ духа пищей — послѣдняя кладется или на самую могилу или на особо приготовленное, но всегда близкое къ могилѣ мѣсто, а напитки, вино и т.д. прямо выливаются въ надлежащее мѣсто на землю — значительную роль играетъ и забота о его развлеченіи, причемъ связанные съ этимъ акты первоначально опять таки локализируются около могилы. Сюда относятся тризны, всякаго рода пѣснопѣнія, игры и т.д. Недаромъ, напр., всѣ знаменитыя игры греческаго и римскаго міра тѣсно связаны съ культомъ опредѣленнаго божества.

Постепенный ростъ культуры естественно приводитъ къ усложненію, а далѣе и къ затемненію смысла, аллегорическому или морализирующему истолкованію и къ частнымъ видоизмѣненіямъ этихъ первичныхъ формъ культа. Тѣмъ не менѣе послѣдній всегда содержитъ два болѣе или менѣе тѣсно соединенныхъ элемента: элементъ угожденія и элементъ моленія, причемъ послѣдній сознательно или безсознательно всегда играетъ первенствующую роль. Вѣдь если люди стараются угодить данному духу, то именно потому, что они желаютъ себѣ обезпечить его содѣйствіе при отвращеніи какого либо явленія или достиженіи какого либо результата, который и составляетъ предметъ ихъ выраженнаго или невыраженнаго въ словахъ моленія.

Представляя внѣшнее выраженіе разъ установившагося предетавленія о существующихъ внѣ человѣка и вліяющихъ на него силахъ, культъ, особенно разъ онъ пріобрѣлъ постоянныхъ представителей-жрецовъ, отличается необыкновен-

нымъ консерватизмомъ и долго сохраняется даже тогда, когда религіозныя представленія даннаго народа уже успѣли значительно измѣниться. А это въ свою очередь оказываетъ вліяніе и на самыя религіозныя представленія. Нигдѣ такъ рѣзко не проявляется т.наз. законъ совмѣстимости принципіально исключающихъ другъ друга представленій и дѣйствій какъ именно въ области религіи и въ частности въ области культа. Для примѣра стоитъ только указать на многочисленные примѣры совмѣщенія языческихъ и христіанскихъ религіозныхъ представленій напр. среди германскихъ и славянскихъ народовъ Европы.

III. Ознакомленіе съ простѣшими религіозными представленіями и зачатками культа, встрѣчающимися среди наиболѣе отсталыхъ народностей земного шара, приводитъ такимъ образомъ къ результату, что первоначальной формой религіозныхъ представленій слѣдуетъ признать полидемонизмъ, т.е. признаніе и поклоненіе многочисленнымъ духамъ. Всѣ эти духи, всеравно будутъ ли то духи умершихъ, играющихъ повидимому особенно большую роль, или духи рѣки, рощи, источника и т.д., отличаются при этомъ однимъ характернымъ свойствомъ: крайнимъ однообразіемъ, т.е. отсутствіемъ рѣзко выраженныхъ индивидуальныхъ чертъ. Создаваемые дикарями по образу и подобію этихъ послѣднихъ, они естественно почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга: приблизительно одинаковый уровень развитія и одинаковыя потребности дикарей приводили къ тому, что признаваемые ими духи похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Этимъ они существенно отличаются отъ тѣхъ боговъ, которые на слѣдующихъ стадіяхъ развитія начинаютъ выдѣляться изъ

безформенной массы духовъ. Зевсъ, Аполлонъ и Посидонъ или Вотанъ, Торъ и Бальдуръ имѣютъ опредѣленную физіономію, рѣзко отличающую ихъ другъ отъ друга. Вотъ почему лучше не называть первоначальной формы религіозныхъ представленій политеизмомъ, а употреблять этотъ послѣдній терминъ /въ отличіе отъ полидемонизма, т.е. поклоненія лишеннымъ индивидуальныхъ чертъ духамъ/ въ смыслѣ поклоненія болѣе или менѣе значительному количеству опредѣленно индивидуализированныхъ боговъ. Если употреблять терминъ политеизмъ въ послѣднемъ смыслѣ, то обозначаемое имъ явленіе должно быть признано довольно позднимъ продуктомъ развитія. Такъ напр. краснокожіе Сѣв.Америки еще не перешли отъ полидемонизма къ политеизму: надъ обыкновенными маниту у нихъ правда, какъ мы видѣли, также возвышается великій маниту, какъ среди самихъ краснокожихъ надъ обыкновенными членами орды возвышается временный или постоянный вождь. Тѣмъ не менѣе этотъ великій маниту,хотя онъ очевидно и имѣетъ больше силы и вліянія чѣмъ обыкновенный духъ, есть лишь первый среди равныхъ. Настоящимъ богомъ онъ сталъ бы лишь тогда, если бы у него была индивидуальная физіономія, а въ связи съ этимъ и личное имя. Ни того ни другого у него нѣтъ и богомъ въ смыслѣ Зевса или Аполлона мы его поэтому признать не можемъ.

Но если мы такимъ образомъ считаемъ нужнымъ дѣлать различіе между полидемонизмомъ и политеизмомъ, между духами и богами, то это отнюдь не значитъ, чтобы полидемонизмъ и политеизмъ были исключающими другъ друга крайностями.

Совершенно напротивъ. Во-первыхъ, самый переходъ отъ полидемонизма къ политеизму или иначе говоря процессъ выдѣленія боговъ совершается съ крайней медленностью, а, во-вторыхъ, и при наличности боговъ духи продолжаютъ существовать и играютъ хотя и менѣе видную, но часто не менѣе важную роль.

Тѣмъ не менѣе появленіе индивидуализированныхъ божествъ очевидно должно быть признано въ высшей степени важнымъ фактомъ въ исторіи религіознаго развитія даннаго народа и вопросъ о причинахъ и ходѣ этого процесса очевидно имѣетъ очень большое значеніе въ исторіи религіи.

Къ сожалѣнію разрѣшеніе этого вопроса настолько затруднительно, что до сихъ поръ нѣтъ еще вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта на него. Да это и вполнѣ естественно. Съ одной стороны наши данныя по этому вопросу до крайности скудны и нуждаются въ самомъ осторожномъ обращеніи. Начало процесса выдѣленія боговъ изъ общей массы духовъ у всѣхъ извѣстныхъ намъ культурныхъ народовъ относится къ такимъ временамъ, отъ которыхъ до насъ не дошло никакихъ непосредственныхъ свѣдѣній и мы всюду у всѣхъ у нихъ встрѣчаемъ лишь косвенныя данныя о начальныхъ стадіяхъ ихъ религіознаго развитія, данныя, сохранившіяся въ силу уже указаннаго выше закона совмѣстимости и лишь за послѣднее время вызвавшія болѣе внимательное изученіе. Съ другой стороны въ теченіе долгаго времени религіи культурныхъ народовъ разсматривались безъ связи съ религіями некультурныхъ народовъ и подвергались не столько историческому изученію, сколько философскому, поэтическому и т.д.

толкованію. Наклонность улавливать сокровенный якобы глубокій смыслъ религіозныхъ представленій гомеровскихъ поэмъ или Эдды не исчезла и до настоящаго времени и не смотря ни на успѣхи сравнительной этнографіи ни на предостереженія трезвыхъ ученыхъ приводитъ къ подчасъ поразительнымъ какъ по фантастичности такъ и по своей полной безпочвенности разсужденіямъ. Въ общемъ правда это направленіе въ настоящее время вымираетъ, но его послѣдніе адепты продолжаютъ обвинять своихъ противниковъ въ плоскости мысли и неспособности понять тотъ глубокій смыслъ разныхъ примитивныхъ представленій, который имъ самимъ угодно найти въ нихъ. При такихъ условіяхъ представляется весьма понятнымъ, что настоящее серіозное изученіе религіознаго развитія даже такихъ народовъ, какъ греческій и римскій только за послѣднее время сдѣлало болѣе серіозные успѣхи и что вредное затемняющее истину вліяніе прежнихъ взглядовъ еще не можетъ быть признано вполнѣ устраненнымъ, вслѣдствіе чего даже новѣйшія сочиненія по этимъ вопросамъ подчасъ полны непослѣдовательностей и фантазій.

Поскольку при такихъ условіяхъ въ настоящее время вообще возможно отвѣтить на поставленный выше вопросъ, отвѣтъ на него можетъ имѣть лишь довольно общій характеръ и долженъ сводиться къ указанію основныхъ факторовъ, содѣйствующихъ или прямо вызывающихъ выдѣленіе боговъ изъ общей массы духовъ иначе говоря, процессъ дифференціаціи совершающійся среди духовъ. Особенное значеніе среди этихъ факторовъ можно приписать, во-первыхъ, усложненію

жизненныхъ условій, а въ связи съ этимъ и потребностей даннаго народа, во-вторыхъ, постепенному накопленію и углубленію знаній о жизни природы и общества, коими располагаетъ данный народъ и, въ-третьихъ, своеобразному развитію культа.

Что касается прежде всего усложненія условій жизни и потребностей даннаго народа, то мы уже видѣли, какъ параллельно и въ связи съ переходомъ къ высшимъ формамъ быта расширяется кругъ явленій, отъ которыхъ человѣкъ находится въ зависимости, а это въ свою очередь влечетъ за собой обостреніе религіознаго чувства /особенно у народовъ земледѣльческихъ/. При такихъ условіяхъ одновременно развивается какъ наклонность къ миѳотворной спекуляціи, такъ и тенденція къ учащенію и упорядоченію актовъ культа. И того и другого вовсе или почти вовсе нѣтъ у наиболѣе первобытныхъ народовъ земного шара, поскольку они не испытали вліянія какого-либо болѣе культурнаго сосѣда. О безпорядочномъ и прерывистомъ характерѣ встрѣчающихся и у нихъ актовъ культовъ уже было сказано. Не менѣе зачаточный характеръ имѣютъ и ихъ представленія о явленіяхъ природы. Всѣ они отличаются крайне слабымъ интересомъ къ обычнымъ крупнымъ и мелкимъ явленіямъ природы и лишены всякаго представленія не только о закономѣрности всего сущаго и совершающагося, но даже о простомъ единообразіи и взаимной связи извѣстныхъ группъ явленій. Каждое отдѣльное явленіе вообще обращающее на себя вниманіе дикаря разсматривается какъ результатъ отдѣльнаго волевого акта, не связаннаго никакими законами. Импульсивность его собственнаго мышленія и образа дѣйствій

отражается и на его представленіи о мірѣ. Но разъ это такъ, то у дикаря даже мысли возникнуть не можетъ объ извѣстномъ порядкѣ въ окружающихъ его явленіяхъ, а далѣе и о силѣ устанавливающей этотъ порядокъ среди данной группы явленій.

Усложненіе условій жизни и потребностей даннаго народа наоборотъ съ теченіемъ времени неминуемо требуетъ болѣе внимательнаго отношенія къ природѣ и въ связи съ этимъ постепенно приводитъ къ увеличенію запаса наблюденій. Уже географическія условія могутъ оказать извѣстное воздѣйствіе въ этомъ направленіи: народность, живущая въ умѣренномъ поясѣ, скорѣе замѣтитъ регулярную смѣну временъ года, чѣмъ населеніе тропическихъ странъ съ ихъ болѣе однообразными климатическими условіями. Характеръ быта очевидно долженъ оказывать еще болѣе сильное вліяніе на умственную жизнь населенія: охотникъ, пастухъ и земледѣлецъ, каждый предъявляетъ не менѣе разнообразные запросы къ жизни и природѣ, чѣмъ членъ мелкой орды, членъ кочевой или наконецъ членъ осѣдлой народности.

Не слѣдуетъ также забывать о значеніи войнъ, завоеваній и т.д. Помимо того, что онѣ даютъ почву для цѣлаго ряда вопросовъ, онѣ приводятъ къ столкновенію, соединенію и сліянію разныхъ возникшихъ независимо другъ отъ друга культовъ и могутъ потребовать объясненія ихъ происхожденія и взаимоотношенія.

Накопленіе постоянно возрастающаго коллективнаго и индивидуальнаго запаса наблюденій съ теченіемъ времени естественно приводитъ, во-первыхъ, къ констатированію

извѣстнаго единообразія тѣхъ или иныхъ явленій и порядка въ ихъ сосуществованіи въ пространствѣ и времени и, во-вторыхъ, къ попыткамъ разгадать причины этого единообразія и порядка. Согласно всему характеру раннихъ стадій умственнаго развитія человѣчества всѣ эти попытки, какъ выше было указано, неминуемо должны приводить къ созданію миѳовъ, т.е. разсказовъ, содержащихъ не объясненіе причинъ, а объясненіе мотивовъ, по которымъ совершаются или создаются извѣстныя явленія жизни природы или общества. На этой почвѣ могутъ напр. возникнуть миѳы, объясняющіе съ одной стороны такія явленія какъ смѣну дня и ночи, роль солнца, луны и земли и т.д., съ другой стороны происхожденіе даннаго народа и его отношенія къ другимъ народамъ, наконецъ такія черты, которыя уже успѣли застыть, сдѣлавшись въ то же самое время болѣе или менѣе непонятными.

Всѣ слагающіяся такимъ путемъ сказанія по всему вѣроятію однако возникаютъ не особнякомъ отъ прежнихъ религіозныхъ представленій, а наоборотъ, въ связи съ ними, или по крайней мѣрѣ рано вступаютъ съ ними въ тѣсную связь. Самое поверхностное знакомство съ ранними стадіями развитія любого народа съ избыткомъ доказываетъ, что все мышленіе пропитано религіозными взглядами: всѣ учрежденія общественнаго характера /семья, родъ, государство, война, вступленіе въ ряды взрослыхъ полноправныхъ гражданъ, бракъ и т.д./, вся жизнь отъ рожденія до смерти, все это окружено религіозными представленіями и обрядами; всѣ представленія о природѣ и ея отношеніи къ человѣку также точно пропитаны миѳическимъ элементомъ. Весьма

понятно въ виду этого, что всякая новая мысль, долженствующая объяснить то или иное явленіе или группу явленій, самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ установившимся въ данномъ обществѣ религіознымъ представленіямъ. Новая мысль, какъ она ни была нова и быть можетъ даже революціонна, всегда имѣетъ характеръ дополненія уже извѣстнаго или признаваемаго извѣстнымъ, хотя бы она даже и отрицала кое что изъ прежнихъ идей, и чѣмъ примитивнѣе общее развитіе, тѣмъ естественно консервативнѣе мысль.

При такихъ условіяхъ мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что расширеніе миѳотворнаго мышленія не приводитъ къ вполнѣ самостоятельному зарожденію новыхъ божественныхъ силъ, а къ расширенію и къ болѣе точному установленію круга дѣйствій и особенностей тѣхъ или иныхъ уже извѣстныхъ силъ. Въ частности зарождающійся интересъ къ крупнымъ явленіямъ природы, которымъ легко приписать болѣе обширную власть, чѣмъ власть обыкновеннаго духа, не приводитъ къ созданію <u>новыхъ</u> боговъ /напр. бога или богини солнца, луны, неба, земли и т.д./, а къ объясненію этихъ крупныхъ явленій изъ существованія извѣстныхъ уже ранѣе духовъ, изъ коихъ одинъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ помѣщается на небо, другой на солнце, третій властвуетъ надъ землкй и т.д. Но даже въ томъ случаѣ, если духъ неба получаетъ совершенно новое названіе, и тогда онъ качественно ничѣмъ не отличается отъ любого изъ безчисленныхъ духовъ. Разница заключается только въ томъ, что его сила больше и его жизнь и дѣятельность т.ск. протекаютъ на глазахъ у всѣхъ и что онъ естественно пріі-

обрѣтаетъ индивидуальную физіономію, вмѣстѣ съ большимъ могуществомъ выдѣляющую его изъ сонма безформенныхъ и большей частью безымянныхъ духовъ.

Выборъ духа, возвышающагося такимъ путемъ надъ остальными, опредѣляется аргумѣется самыми разнообразными условіями. Немалую роль при этомъ во всякомъ случаѣ играетъ культъ. Мы уже познакомились съ консервативнымъ характеромъ всякаго и особенно постояннаго культа: культъ однако не только сохраняетъ, но при извѣстныхъ условіяхъ и возвышаетъ память о томъ духѣ, которому онъ посвященъ. Наблюденія Бастіана и другихъ путешественниковъ на югозападномъ берегу Африки и въ другихъ мѣстахъ знакомятъ насъ съ сильнымъ развитіемъ жреческаго класса и конкурренціей между многочисленными жрецами. И то и другое оказывается возможнымъ и при весьма примитивныхъ условіяхъ малокультурной жизни. Наряду съ оффиціальными жрецами постоянныхъ культовъ здѣсь существуетъ сравнительно громадное количество жрецовъ-добровольцевъ. Конкурренція не только между этими двумя большими группами, но и внутри каждой изъ нихъ приводитъ къ образованію цѣлаго ряда классовъ жрецовъ съ далеко не одинаковымъ общественнымъ положеніемъ. Основнымъ условіемъ дѣятельности и вліянія жреца является его постоянная связь съ одними или нѣсколькими духами. Конкуррируя другъ съ другомъ жрецы при этомъ естественно стремятся убѣдить населеніе въ томъ, что именно тотъ духъ /или тѣ духи/, служителемъ котораго является данный жрецъ, обладаетъ особенно значительной силой, а слѣдовательно имѣетъ и особенно большое право на поклоненіе со стороны всего населенія. Понятно, что

при такихъ условіяхъ и жрецу-добровольцу при благопріятныхъ для него условіяхъ можетъ удасться выдвинуть его духа. Тѣмъ не менѣе жрецы оффиціальнаго культа /или оффиціальныхъ культовъ/ уже потому имѣютъ преимущество предъ остальными, что оффиціальный культъ обыкновенно по самому существу своему обращается къ большему кругу лицъ, чѣмъ какой либо частный культъ. Культъ такимъ образомъ естественно приводитъ къ дифференціаціи духовъ: одни имѣютъ признанное значеніе среди цѣлой народности или общины, другіе въ отдѣльномъ родѣ или семьѣ, третьи ближе извѣстны только тому лицу, которое добровольно взяло на себя ихъ культъ, чтобы извлечь изъ него средства дохода. Духъ,признаваемый цѣлой народностью или общиной, очевидно, имѣетъ больше силы и вліянія и скорѣе способенъ расширить кругъ своей компетенціи чѣмъ духъ, признаваемый отдѣльнымъ родомъ или семьей, и тѣмъ болѣе чѣмъ духъ, извѣстный отдѣльному лицу. При значительной неустойчивости болѣе обширныхъ организацій, свойственной раннимъ стадіямъ народнаго развитія вслѣдствіе частыхъ войнъ какъ внутри подобныхъ организацій, такъ и съ внѣшними врагами, положеніе господствующихъ среди данной народности духовъ, правда, не отличается устойчивостью. Съ одной стороны пораженіе народности есть вмѣстѣ съ тѣмъ и пораженіе покровительствующаго ей духа,который очень легко утрачиваетъ свое господство и принужденъ уступить его духу побѣдителей; съ другой стороны замѣна одного властвующаго среди народности рода другимъ естественно приводитъ къ возвышенію родового духа побѣдителей или даже личнаго духа-покровителя того лица, которое захва-

тываетъ власть. Въ высшей степени характеренъ въ этомъ отношеніи эпизодъ изъ исторіи Сандвичевыхъ острововъ въ XVIII вѣкѣ: объединеніе острововъ подъ властью Камехамехи I привело къ господству его семейнаго духа Таири въ предѣлахъ всего вновь созданнаго царства, и могущество самого царя естественно приводило къ заключенію о необыкновенномъ могуществѣ его духа, давшаго самому царю возможность совершить задуманное завоеваніе.

Мы не имѣемъ возможности остановиться здѣсь подробнѣе на всѣхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ, способныхъ выдвинуть опредѣленный культъ. Для нашей цѣли вполнѣ достаточно указать на то, какимъ путемъ вообще культъ извѣстнаго духа можетъ занять особенно крупное мѣсто и содѣйствовать возвышенію самого духа. Къ подобнымъ выдвинутымъ усложненіямъ организаціи населенія, счастливыми войнами ихъ поклонниковъ и постоянствомъ и тносительной пышностью культа духамъ естественнѣе всего примыкаютъ и тѣ наивныя миѳотворныя спекуляціи, о которыхъ выше было сказано. Комбинація всѣхъ этихъ условій затѣмъ настолько выдвигаетъ даннаго духа, что онъ окончательно возвышается надъ всѣми остальными и становится <u>богомъ</u>. Такимъ боговъ, разумѣется, въ каждой народности можетъ быть нѣсколько и ихъ взаимныя отношенія, ихъ /мужскія и женскія/ имена и т.д. даютъ дальнѣйшую почву для новыхъ спекуляцій миѳотворнаго характера, причемъ миѳы естественно имѣютъ тенденцію къ усложненію, соединенію разныхъ элементовъ и къ болѣе самостоятельному развитію.

Во избѣжаніе недоразумѣній при этомъ необходимо еще разъ подчеркнуть <u>добросовѣстный</u> характеръ громаднаго

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

большинство всѣхъ этихъ спекуляцій и всего религіознаго развитія вообще. Какъ бы несообразно и грубоматеріально не было большинство этихъ миѳовъ съ нашей точки зрѣнія, они могли пріобрѣсти широкое распространеніе только потому, что вполнѣ соотвѣтствовали уровню умственнаго, нравственнаго и художественнаго развитія тѣхъ народовъ, среди коихъ они возникали. О характерѣ возникновенія эихъ древнѣйшихъ миѳовъ при этомъ надо сказать то же самое, что выше было сказано о происхожденіи народныхъ пѣсенъ. Выростая на фонѣ общаго всему народу комплекса представленій, миѳы все же обязаны своей формулировкой и расширеніемъ своего содержанія не всей массѣ даннаго народа въ цѣломъ, а отдѣльнымъ лицамъ, въ которыхъ болѣе рѣзкое развитіе религіознаго чувства счастливо соединялось съ болѣе богатой фантазіей. Имена этихъ древнѣйшихъ мыслителей, пытавшихся понять и объяснить окружавшія ихъ явленія, разумѣется, также мало дошли до насъ, какъ и имена тѣхъ пѣвцовъ, которые впослѣдствіи слагали т.наз. народныя пѣсни, и по тѣмъ же самымъ причинамъ: и тѣ и другіе помимо поэтическаго таланта не вносили ничего существенно новаго въ народныя представленія, а только давали форму тому, что смутно и неопредѣленно ощущалось всѣми.

Но какъ бы фантастичны не были эти догадки о смыслѣ окружающихъ человѣка явленій, сколько бы въ нихъ не за-

---

Лекціи по Исторіи Греціи. Листъ 12-ый.

Лит. Богданова. Эртелевъ пер. № 1. Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

ключалось подчасъ поэтической красоты, все же не слѣдуетъ преувеличивать ихъ реальное значеніе. Ихъ главное реальное значеніе заключалось въ томъ, что они содѣйствовали выдѣленію боговъ изъ сонма духовъ. Въ остальномъ онѣ лишь очень мало вліяли на религіозную жизнь, центральнымъ пунктомъ которой по прежнему служилъ культъ, а не поэтическія комбинаціи о природѣ, человѣкѣ, обществѣ и т.д. —

Въ заключеніе остается замѣтить, что процессъ дифференціаціи, приведшій къ выдѣленію боговъ изъ безчисленнаго количества духовъ, съ теченіемъ времени и притомъ подъ вліяніемъ тѣхъ же или аналогичныхъ условій распространяется и на самихъ боговъ. Индивидуальныя божества приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, соединяются и подчасъ совершенно сливаются: болѣе сильный богъ поглощаетъ болѣе слабаго и создаются сложныя божественныя фигуры, представляющія комбинаціи прежде самостоятельныхъ боговъ. —

На этомъ общемъ очеркѣ раннихъ стадій религіознаго развитія мы можемъ пока остановиться. Нашъ бѣглый обзоръ далеко не охватываетъ всѣхъ крайне разнообразныхъ формъ этого развитія; да подробное разсмотрѣніе исторіи религіи не входитъ въ задачу нашего курса. Разсмотрѣніе первобытныхъ формъ религіозной жизни имѣетъ въ данномъ курсѣ лишь служебную цѣль: оно должно служить выясненію религіозной жизни грековъ гомеровской эпохи, которая безъ подобнаго введенія осталась бы мало понятной.

Приступая къ разсмотрѣнію греческихъ религіозныхъ представленій временъ гомеровскихъ поэмъ, мы прежде всего должны признать ихъ сравнительно довольно развитыми. Особенно рѣзко значительная высота этихъ религіозныхъ идей проявляется въ двухъ фактахъ: въ идеѣ единой, властвующей какъ надъ людьми, такъ и надъ богами судьбы и въ возлагаемой особенно на Зевса охранѣ извѣстныхъ нравственныхъ идей. Первое свидѣтельствуетъ о томъ, что запасъ коллективнаго и опирающагося на него индивидуальнаго опыта настолько великъ, что идея единства міра уже начинаетъ искать себѣ выраженія. Второе свидѣтельствуетъ о томъ, что религія и культъ уже начинаютъ выступать въ качествѣ хранителей выработанныхъ независимо отъ нихъ, но очевидно высоко цѣнимыхъ народомъ нравственныхъ нормъ. Третьимъ моментомъ, на который намъ съ этой точки зрѣнія дальше придется обратить вниманіе, является видоизмѣненіе взгляда на посмертную жизнь, измѣненіе, быть можетъ находящееся въ связи съ /заимствованнымъ съ Востока?/ обрядомъ сожженія усопшихъ, замѣнившимъ прежнее погребеніе.

Раньше чѣмъ разсмотрѣть указанныя явленія, намъ однако необходимо познакомиться съ основными, массовыми чертами греческой религіи и культа, причемъ необходимо помнить, что такъ какъ греки застали въ занятой ими странѣ болѣе раннее населеніе, съ которымъ они по всему вѣроятію въ болѣе или менѣе значительной степени смѣшались, то очень трудно, вѣрнѣе совершенно невозможно отдѣлить собственногреческія отъ первоначально негреческихъ, но прочно воспринятыхъ греками божествъ и представленій.

Въ сравнительно недавнее время правда полагали, что сравнительное языковѣдѣніе даетъ возможность утверждать, будто цѣлый рядъ позднѣйшихъ греческихъ божествъ принесенъ изъ прародины индоевропейскаго племени. Въ настоящее время относительно большинства тѣхъ корней, которые признавались общеевропейскими, признано, что они не имѣютъ столь давняго происхожденія, и изъ всѣхъ греческихъ боговъ только одинъ Зевсъ (*Zeus*) отожествляется съ санскритскимъ *Djaus*, лат. *Diespiter* (=*Jupiter*) и т.д., причемъ лингвисты утверждаютъ, что это слово служило обозначеніемъ неба. /Ср. *Schrader, Reallexikon* подъ сл. *Religion*, т.II, стр.669-684, а также подъ словомъ *Ahnenkultus* т.I, стр. 21-33/. Во всякомъ случаѣ, если индоевропейскій *Djaus-Zeus* и былъ богомъ неба, то этимъ его значеніе едва ли исчерпывалось.

Но оставимъ пока въ сторонѣ боговъ въ узкомъ смыслѣ слова и обратимся къ разсмотрѣнію общаго характера греческой религіи.

Основной особенностью греческой религіи является множественность признаваемыхъ народомъ силъ дѣйствующихъ въ окружающей человѣка средѣ, и уподобленіе этихъ силъ человѣку /антропоморфизмъ/ причемъ однако часть этихъ силъ въ эпоху Гомера обладаетъ уже весьма опредѣленными индивидуальными чертами. Духи уже успѣли выдѣлить изъ своей среды боговъ, наряду съ которыми впрочемъ продолжаютъ свое существованіе и духи. Мы имѣемъ предъ собою комбинацію полидемонизма съ политеизмомъ.

Вся природа представляется человѣкоподобной. Рѣки и

источники, рощи и отдѣльныя деревья, наконецъ животныя обладаютъ совершенно такой же жизнью, какъ человѣкъ и подобно духу послѣдняго или сами по себѣ или въ связи съ культомъ усопшихъ могутъ удостоиться поклоненія. Несомнѣнно стоитъ въ связи съ культомъ усопшихъ встрѣчающійся очень часто культъ священныхъ камней, деревянныхъ чурбановъ, деревянныхъ палокъ и досокъ, заимствовавшихъ свое значеніе у той могилы, внѣшнимъ отличіемъ которой они служили, и превратившихся въ чистѣйшіе фетиши. Значительная часть этихъ явленій и предметовъ, таинственная сила которыхъ прежде самостоятельно проявлялась, съ теченіемъ времени были подчинены тому или иному богу и превратились въ эмблемы или посвященные данному богу предметы. Такую судьбу испытали многіе священные камни, деревья и животныя и невсегда имъ удавалось сохранить хоть частицу своего культа, какъ это удалось напр. Змѣю хранителю на аѳинскомъ акрополѣ, или сохранить память о себѣ во внѣшнемъ видѣ поглотившаго ихъ бога /ср.Димитра съ лошадиной головой/ или въ разсказѣ о его превращеніяхъ /Зевсъ въ образѣ быка/.

Не меньшее значеніе имѣетъ и собственно культъ усопшихъ. Особенное вниманіе обратилъ на него *Rohde*, впервые убѣдительно доказавшій его большое значеніе, тогда какъ до него очень многіе вовсе оспаривали существованіе подобнаго культа у грековъ и видѣли въ дѣйствіяхъ грековъ по отношенію къ умершимъ исключительно проявленія одной привязанности, а не своеобразныхъ религіозныхъ представленій. Причина этого неправильнаго представленія заклю-

чалась въ томъ, что при изученіи греческой религіи слишкомъ долго исходили изъ гомеровскихъ поэмъ и упорно не обращали вниманія на особенности культа. Дѣло въ томъ, что въ общемъ въ гомеровскихъ поэмахъ душа усопшаго представляется безсильной блуждающей тѣнью, которая сама нуждается въ людяхъ и съ которой людямъ не приходится сколько нибудь серьезно считаться. Ея состояніе настолько жалкое, что даже тѣнь Ахилесса, князя въ царствѣ мертвыхъ, предпочла бы быть поденщикомъ на землѣ чѣмъ властвовать надъ тѣнями другихъ усопшихъ. А разъ это такъ, то очевидно трудно допустить существованіе культа усопшихъ, который очевидно предполагаетъ признаніе извѣстной силы за тѣмъ, кому совершается культъ. Исходя изъ Гомера такимъ образомъ естественно было придти къ выводу, что греки въ эти времена не знали культа усопшихъ и оставалась только одна большая и неустранимая странность, а именно то, что въ послѣдующія времена греки несомнѣнно усердно были заняты какъ культомъ усопшихъ вообще, такъ культомъ предковъ въ частности. Единственное возможное объясненіе этого страннаго факта при такихъ обстоятельствахъ только и можно было найти въ новомъ неправильномъ предположеніи, будто культъ усопшихъ вообще есть явленіе позднее, результатъ дегенераціи первоначальнаго культа боговъ.

Rohde первый указалъ на то, что въ самихъ гомеровскихъ поэмахъ встрѣчаются такіе эпизоды, которые явно доказываютъ, что гомеровское предстаавленіе о судьбѣ усопшихъ душъ есть явленіе позднѣйшее и никоимъ образомъ не можетъ

быть согласовано съ обрядами погребенія, /напр.погребеніе Патрокла/, явно доказывающими, что до эпохи Гомера душа усопшаго была страшной силой. Онъ же обратилъ вниманіе на многочисленные слѣды очень древняго культа душъ и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ объясненіе кажущемуся противорѣчію, вытекавшему изъ общихъ представленій поэмъ объ усопшихъ и ихъ собственныхъ описаніяхъ и данныхъ. Объясненіе онъ находитъ въ замѣнѣ погребенія сожженіемъ трупа. Только одно сожженіе трупа окончательно порываетъ по словамъ самого Гомера связь между усопшимъ и пережившими его. "Если уничтоженіе трупа огнемъ представляется приводящимъ къ окончательному удаленію души изъ страны живыхъ, то, казалось бы, слѣдуетъ предположить, что пережившіе усопшаго, сами вызывающіе этотъ результатъ, желаютъ его вызвать и далѣе, что окончательное удаленіе души въ Мидъ и служило цѣлью, а стремленіе добиться этой цѣли есть причина возникновенія обряда сожженія". /Rohde, Psyche стр.29, перв.изд./. Возникла ли мысль о сожженіи труповъ среди самихъ грековъ, была ли она заимствована съ Востока, это въ данномъ случаѣ безразлично. И въ томъ и въ другомъ случаѣ въ основѣ ея лежитъ страхъ предъ усопшими и желаніе избавиться отъ нихъ.

Но разъ этотъ обрядъ сожженія пустилъ корни, онъ неминуемо долженъ былъ привести къ извѣстному видоизмѣненію отношенія къ усопшимъ, которое и проявляется въ представленіи Малоазіатскихъ пѣвцовъ о жалкой жизни умершихъ, представленіи, которое едва ли раздѣлялось массой населенія особенно въ собственной Элладѣ.

Разновидностями культа умершихъ являются, во-первыхъ, культъ предковъ и тѣсно связанный съ этимъ послѣднимъ культъ героевъ и, во-вторыхъ, культъ хеонических боговъ, т.е. боговъ земли и подземнаго царства. И тотъ и другой представляютъ одинъ изъ результатовъ процесса дифференціаціи среди усопшихъ. Какъ выше уже было замѣчено, судьба усопшаго и его культа зависѣла какъ отъ его личнаго и общественнаго положенія при жизни, такъ и отъ постоянства оказываемаго ему культа, причемъ оба эти условія обыкновенно дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи. Чѣмъ крупнѣе общественное положеніе даннаго лица, тѣмъ при нормальныхъ условіяхъ вѣроятнѣе, что онъ будетъ пользоваться постояннымъ культомъ. Отецъ семейства, глава рода, князь данной области оставляютъ по себѣ не только болѣе прочную память, но и извѣстную организацію /семью, родъ, область/, способную обезпечить имъ болѣе постоянный, а при благопріятныхъ условіяхъ многовѣковой культъ. Уже здѣсь впрочемъ параллельно съ этимъ совершается характерный процессъ комбинаціи разныхъ лицъ, соединеніе ихъ въ одно коллективное лицо. При обыкновенныхъ условіяхъ человѣкъ рѣдко помнитъ кромѣ отца и дѣда еще прадѣда: болѣе раннія поколѣнія /въ громадномъ большинствѣ случаевъ уже начиная съ прадѣда/ естественно утрачиваютъ всякую индивидуальную физіономію и имѣютъ наклонность слиться въ общее понятіе предка, въ лицѣ котораго затѣмъ и оказывается культъ всѣмъ слившимся воедино дѣйствительнымъ предкамъ даннаго лица. Большое значеніе кровныхъ союзовъ, всеравно состоятъ ли они изъ дѣйствительно со-

единенныхъ кровнымъ родствомъ лицъ или организованы по примѣру первыхъ изъ лицъ, связанныхъ не кровнымъ родствомъ, а какими либо иными интересами, само по себѣ свидѣтельствуетъ о значеніи этого культа.

Значительно болѣе сложное явленіе представляетъ культъ героевъ /кромѣ Rohde, ук.соч., см. Roscher, Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, статья Heros Денекена/. Среди нихъ слѣдуетъ отличать людей, культъ которыхъ послѣ ихъ смерти въ силу ли ихъ знатности или ихъ подвиговъ выдѣлялъ ихъ изъ числа простыхъ умершихъ съ одной стороны, и боговъ опредѣленной мѣстности, пользовавшихся внѣ ея предѣловъ почитаніемъ въ роли гореоевъ съ другой стороны. Къ этой послѣдней категоріи слѣдуетъ отнести напр. Персея, Тезея, Одиссея, Эдипа и пользовавшагося особенной славой Геракла, впослѣдствіи снова проникшаго въ число настоящихъ боговъ.

Третья категорія отмѣченныхъ нами существъ заключаетъ въ себѣ боговъ земли. Несмотря на нѣкоторыя отличія ихъ культа отъ культа умершихъ /такъ умершимъ жертвы приносились днемъ, а хѳоническимъ божествамъ ночью, первымъ подносились животныя женскаго пола, вторымъ мужского, въ жертвоприношеніяхъ первымъ преобладалъ черный, вторымъ красный цвѣтъ/ едва ли можно сомнѣваться въ ихъ тѣсномъ родствѣ. На это указываетъ уже тѣсная связь хѳоническихъ боговъ съ царствомъ смерти; остальныя ихъ функціи /напр. ихъ вліяніе на плодородіе и т.д./ повидимому имѣютъ уже производное значеніе и вытекаютъ изъ подавляющаго значенія земли для земледѣльческаго народа. Характерно и то, что большинство изъ нихъ всегда сохраняетъ грозный, устрашающій характеръ, что опять таки указываетъ

на ихъ тѣсную связь со смертью. А связь смерти съ землей въ свою очередь явно покоится на обрядѣ погребенія и представленіи о тѣсной связи между трупомъ и покинувшимъ его духомъ. Наконецъ и самая опредѣленность мѣста, гдѣ совершается культъ хѳоническимъ богамъ, несомнѣнно явно напоминаетъ вышеуказанное вліяніе обряда погребенія на локализацію культа, причемъ основаніе для выбора того или иного мѣста для этого культа можетъ заключаться въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ географическаго и историческаго характера и лишь рѣдко можетъ быть опредѣленно выяснено.

Также трудно прослѣдить и тѣсно связанный съ этимъ процессъ выдѣленія хѳоническихъ боговъ изъ числа остальныхъ усопшихъ. Представляя лишь одну сторону общаго процесса выдѣленія боговъ изъ числа признаваемыхъ человѣкомъ силъ онъ естественно долженъ быть поставленъ въ связь съ этимъ общимъ вопросомъ, который въ общихъ чертахъ уже былъ разобранъ выше.

Къ указаннымъ тамъ соображеніямъ слѣдуетъ прибавить еще одно, на которое было обращено особенное вниманіе Узенеромъ. Изучая греческую религію, онъ натолкнулся на любопытный фактъ, что въ раннихъ религіозныхъ представленіяхъ грековъ немалую роль играли своеобразныя божества, какъ бы олицетворявшія извѣстные факты изъ жизни природы или опредѣленныя дѣйствія человѣка. Сюда относятся напр. весьма многочисленные боги растительной жизни природы. Таковы напр. аѳинскія богини Θалло или Θалія и Карпо, богини прозябающихъ и созрѣвающихъ плодовъ, аѳинскіе же

боги Эрехѳей, разбиватель глыбъ, богъ плуга, Триптолемъ, богъ троекратнаго распахиванія полей, Кекропсъ, братъ Эрехѳея, богъ жатвы, его мать Зейксиппа, запрягательница лошадей и т.д. и т.д. Аналогичныя божества хорошо извѣстны въ римской религіи, гдѣ каждый фактъ или явленіе изъ жизни природы или человѣка, также имѣли и сохранили своихъ спеціальныхъ боговъ. Если прибавить къ этому, что совершенно аналогичныя данныя мы имѣемъ и относительно литовскихъ вѣрованій /здѣсь встрѣчаются боги свиней, овецъ, воловъ, богъ вражды, богъ согласія и т.д. и т.д. ср. *Schrader, Reallexikon,* т.II, стр.679/, то выводъ, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ одной изъ стадій религіознаго развитія, свойственныхъ не какому-нибудь одному, а многимъ народамъ, напрашивается самъ собой.

Узенеръ первый постарался также выяснить дальнѣйшую эволюцію этихъ многочисленныхъ божествъ. Согласно его весьма вѣроятному объясненію большинство этихъ божествъ потеряло самостоятельное значеніе; большей частью они сохранили свое значеніе только въ качествѣ эпитетовъ главныхъ боговъ или въ качествѣ героевъ. Вотъ какъ изображаетъ этотъ процессъ Леманнъ /у Шантепи т.II, стр.253-4/:

"Подобно тому какъ въ языкѣ извѣстныя слова выдѣляются изъ пестрой массы отдѣльныхъ конкретныхъ наименованій и дѣлаются общими обозначеніями цѣлыхъ группъ явленій, точно также изъ разнообразныхъ боговъ отдѣльнаго случая или момента выдѣлялись отдѣльныя божества и входили въ общее употребленіе въ племени, въ государствѣ, въ странѣ. Но это возрастаніе господствующихъ боговъ происходило лишь на счетъ другихъ божествъ, которыя имъ предшество-

вали; болѣе сильный поглотилъ слабѣйшаго и мы находимъ только слѣды существованія послѣдняго или въ прозваніяхъ, эпитетахъ и т.д., которые прилагались къ побѣдившему богу, или въ мѣстахъ культа, въ которыхъ совершалось чествованіе побѣжденнаго. Такимъ образомъ главные боги грековъ дѣйствительно представляютъ комплексы боговъ... Какому обстоятельству могъ быть обязанъ своимъ счастьемъ побѣдившій богъ, этого нельзя опредѣлить однимъ словомъ. Предположеніе Узенера, что одерживалъ побѣду тотъ, имя котораго, бывшее сначала собственнымъ именемъ, сдѣлалось непонятнымъ, имѣетъ за собою аналогію въ исторіи религій, но и мѣстныя, іерархическія или политическія движенія естественно также играли рѣшающую роль въ этомъ развитіи".

При этомъ вполнѣ возможно, что въ разныхъ мѣстностяхъ побѣдителями одного и того же божества могутъ сдѣлаться разные боги. Такъ Ликосъ, древній богъ свѣта въ Аттикѣ, Віотіи и Аркадіи въ однихъ мѣстахъ былъ поглощенъ Зевсомъ /отсюда Зевсъ Ликейскій/, въ другихъ Аполлономъ /Аполлонъ Ликейскій!/, смотря по тому, какой изъ этихъ боговъ-побѣдителей въ каждомъ данномъ случаѣ пользовался особеннымъ поклоненіемъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что независимо отъ указанныхъ въ приведенной выше въ выдержкѣ условій, содѣйствовавшихъ побѣдѣ извѣстныхъ боговъ, надо обратить вниманіе еще и на то, что даже до развитія этого процесса боги несомнѣнно не были равносильны. Такъ боги неба и земли, боги моря и т.д. очевидно должны были играть большую роль въ народномъ сознаніи, чѣмъ богъ троекрат-

наго вспахиванія или богъ созрѣванія плодовъ или растеній, а слѣдовательно заранѣе должны были обладать сравнительно большей приспособленностью къ той своеобразной борьбѣ за существованіе, которая возгорѣлась среди боговъ.

Среди боговъ-побѣдителей въ свою очередь одни были настолько тѣсно связаны съ какимъ-нибудь явленіемъ природы, что совершенно или почти совершенно сливались съ нимъ, другіе, и къ числу ихъ принадлежатъ всѣ важнѣйшіе боги грековъ, наоборотъ отличаются какъ такими чертами, которыя свойственны опредѣленному явленію природы, такъ и другими болѣе сложными, происхожденіе которыхъ нелегко установить.

Къ первымъ принадлежатъ такія божества какъ Геліосъ /солнце/, Гайя /земля/, Океанъ, Уранъ /небо/ и т.п. Всѣ они не играютъ сколько нибудь видной роли въ культѣ.

Совсѣмъ другое мѣсто и въ культѣ,и въ преданіяхъ, и въ поэзіи занимаетъ вторая группа боговъ. Сюда относятся "отецъ боговъ и людей" Зевсъ, его супруга Гера, его братья Посидонъ и Аидъ /Плутонъ/, Димитра /"мать-земля"/, Аресъ, Афродита, Гефестъ, Гермесъ, Аѳина, Аполлонъ и Артемида. Происхожденіе всѣхъ этихъ боговъ, разумѣется, невозможно выяснить, какъ невозможно установить какимъ путемъ и когда они были признаны всѣми греками. Во всякомъ случаѣ они безспорно стоятъ на первомъ планѣ среди общегреческаго панѳеона. Равное съ ними значеніе впослѣдствіи, какъ мы еще увидимъ, пріобрѣтаетъ только Діонисъ /Вакхъ/, лишь случайно упоминаемый /какъ впрочемъ и Димитра/ у Гомера. Сказанія о взаимныхъ отношеніяхъ между этими

божествами и о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности отличаются поразительнымъ богатствомъ красокъ и отчасти противорѣчащихъ другъ другу разсказовъ. Уже значительное развитіе этихъ миѳовъ само по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что они получили, если можно такъ выразиться, самостоятельное существованіе и начинаютъ подвергаться органической разработкѣ и переработкѣ.

Несмотря на все значеніе и могущество этихъ божествъ они однако представляютъ лишь избранную часть признаваемыхъ грекомъ силъ и въ каждой данной области наряду съ ними поклоняются еще многимъ другимъ духамъ и божествамъ. Да и сами они далеко не равноправны въ разныхъ мѣстахъ. Помимо развѣ Зевса, пользующагося всюду особымъ положеніемъ, остальные великіе боги въ одномъ мѣстѣ пользуются особеннымъ почтеніемъ, а въ другомъ принуждены довольствоваться второстепеннымъ положеніемъ. Такъ Аѳина играетъ первую роль въ Аттикѣ, Гера въ Аргосѣ, Аполлонъ на Делосѣ, въ Дельфахъ и т.д., Аѳродита на Кипрѣ и т.д. и т.д.

Наконецъ и среди великихъ боговъ продолжается все та же борьба за существованіе и съ теченіемъ времени наряду съ Зевсомъ первенствующее мѣсто занимаетъ Аполлонъ, Аѳина и пожалуй Діонисъ. Но объ этомъ впереди.

Останавливаться на подробностяхъ греческой миѳологіи здѣсь не мѣсто. Для насъ достаточно выяснить, во-первыхъ, что греческая религія по своему происхожденію ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ другихъ первобытныхъ религій; во-вторыхъ, что существованіе великихъ боговъ отнюдь не исключаетъ существованія массы другихъ мѣстныхъ божественныхъ силъ, игравшихъ въ общественной жизни мас-

сы населенія вѣроятно первенствующую роль; и въ-третьихъ, что несмотря на разнообразность греческой экономической и политической жизни старыя и вновь зарождавшіяся связи между отдѣльными частями греческаго племени сдѣлали возможнымъ развитіе общегреческаго панѳеона.

Этотъ общегреческій панѳеонъ великихъ боговъ несомнѣнно долженъ быть признанъ выразителемъ высшихъ достигнутыхъ въ эту эпоху представленій религіознаго характера. Въ какомъ же видѣ представляются намъ эти высшія греческія представленія о богахъ въ эпоху гомеровскихъ поэмъ?

Представленія гомеровскихъ поэмъ о богахъ и ихъ отношеніяхъ къ міру отличаются довольно сложнымъ и отчасти противорѣчивымъ характеромъ. Въ нихъ проявляются одновременно и старые традиціонно-первобытные взгляды и довольно серіозные зачатки новыхъ тенденцій религіозно-нравственнаго характера, развитіе которыхъ постепенно привело къ крушенію первобытныхъ представленій. Какъ мы дальше еще увидимъ, критика старыхъ представленій исходила изъ двухъ фактовъ, изъ ростущаго сознанія единства мірозданія и закономѣрности его жизни съ одной и изъ усложненія и утонченія нравственныхъ запросовъ и убѣжденій греческаго народа съ другой стороны. И съ той и съ другой точки зрѣнія традиціонные взгляды не могли выдержать даже весьма снисходительной критики.

Представляя продуктъ сложнаго и стихійнаго процесса развитія религіозной жизни, боги греческаго панѳеона по своему происхожденію были тѣсно связаны съ первобытными религіозными представленіями древнѣйшихъ временъ, отличающимися, какъ мы видѣли, отсутствіемъ сознанія взаимной

связи проявляющихся въ природѣ силъ и уподобленіемъ этихъ силъ, признающему ихъ человѣку. При такихъ условіяхъ понятно, что, во-первыхъ, не можетъ быть и рѣчи о строгомъ разграниченіи компетенціи отдѣльныхъ боговъ и о точномъ выясненіи ихъ взаимныхъ отношеній, и что, во-вторыхъ, съ нравственной стороны боги не могутъ стоять значительно выше людей, а наоборотъ должны отличаться тѣми же грубыми страстями, что и ихъ поклонники. И дѣйствительно по общему своему характеру боги Гомера представляются лишь очень могущественными и вдобавокъ безсмертными людьми, а не безстрастными проявленіями абсолютнаго начала.

Какъ и люди, боги нуждаются въ пищѣ и питьѣ /нектаръ и амврозія/. Какъ и ихъ поклонники, они руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ личными страстями /напр. чувствомъ мести, ненавистью, любовью и т.д./; какъ и люди, они подвергаются всякаго рода опасностямъ, страданіямъ и обманамъ и даже самъ Зевсъ, отецъ боговъ и людей, не отличается въ этомъ отношеніи отъ другихъ боговъ. Взаимныя отношенія между богами отличаются далеко не миролюбивымъ характеромъ: ссоры, столкновенія, интриги и открытая борьба боговъ постоянно нарушаютъ миръ Олимпа.

Неудовлетворительность такихъ понятій о божествахъ естественно должна была броситься въ глаза и слѣды разныхъ попытокъ устранить ее замѣтны уже въ эпосѣ. Особенно удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ: не слѣдуетъ забывать, что гомеровскія поэмы распѣвались въ аристократическихъ домахъ наиболѣе культурной части греческаго міра, въ богатыхъ городахъ и усадьбахъ малоазіатскихъ іонійцевъ.

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что взгляды этой передовой части греческаго народа въ значительной мѣрѣ отразились на нашихъ позмахъ.

Весьма естественно, что настоящей критики традиціонныхъ взглядовъ, критики, возникшей на почвѣ опредѣленнаго и цѣльнаго міросозерцанія и сознающей свое право на существованіе, мы на данномъ уровнѣ искать не должны. Работа мысли проявляется не въ критикѣ старыхъ взглядовъ, а въ проникновеніи въ ихъ число идей, причемъ принципіальное противорѣчіе между ними и старыми взглядами не сознается вполнѣ отчетливо именно потому, что новыя идеи не имѣютъ систематическаго и вполнѣ послѣдовательнаго характера.

По существу своему эти идеи имѣютъ двоякое содержаніе и направленіе. Съ одной стороны они стремятся къ примиренію ростущаго сознанія единства мірозданія и закономѣрности его жизни съ хаотическимъ состояніемъ Олимпа и постоянной враждой боговъ. Съ другой стороны они стремятся къ примиренію прогрессирующихъ нравственныхъ взглядовъ людей съ отсутствіемъ или полной неразвитостью нравственнаго элемента въ самихъ богахъ и ихъ отношеніи къ людямъ.

Остановимся прежде всего на первой религіозно-философской тенденціи. Какъ мы уже видѣли, все религіозное развитіе съ извѣстной точки зрѣнія покоится на постепенномъ ознакомленіи человѣка съ жизнью природы. Чѣмъ лучше че-

---

Лекціи по Исторіи Греціи. Листъ 13-ый.

Лит. Богданова. Эртелевъ пер. № 1. Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

ловѣкъ сознаетъ единство міра и закономѣрность его жизни, тѣмъ шире становится базисъ для его представленія о божествѣ, какъ олицетвореніи дѣйствующихъ въ мірѣ силъ, отъ которыхъ человѣкъ чувствуетъ себя зависимымъ. У дикаря это сознаніе единства и закономѣрности совершенно отсутствуетъ — и онъ вынужденъ подыскивать для каждаго явленія объясненіе въ особомъ волевомъ актѣ нѣкоей силы. Переходъ отъ полной дикости къ пастушеской и тѣмъ болѣе къ земледѣльческой жизни, соединенной съ усложненіемъ всѣхъ формъ его жизни и съ накопленіемъ относительно значительнаго запаса наблюденій, постепенно приводитъ его къ сознанію связности и закономѣрности извѣстныхъ группъ явленій, имѣющихъ тенденцію къ постепенному сліянію въ все болѣе значительныя по объему охватываемыхъ ими явленій группы — и мѣсто отдѣльныхъ волевыхъ актовъ обособленныхъ другъ отъ друга силъ занимаютъ силы, дѣйствующія постоянно и имѣющія наклонность къ безпрерывному расширенію круга своего дѣйствія.

На первый взглядъ очень простой, этотъ процессъ значительно усложняется крайне консервативнымъ характеромъ фиксированныхъ опредѣленнымъ культомъ религіозныхъ представленій. Въ силу закона совмѣстимости старыя и въ извѣстномъ смыслѣ устарѣвшія представленія сохраняютъ свое вліяніе и на болѣе высокой степени религіознаго развитія, которое вдобавокъ какъ всякое развитіе съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ возрастающую наклонность совершаться не среди всей массы населенія, а только среди его передовой части, и лишь очень медленно и частями проникаетъ

въ сознаніе всей массы населенія.

Прекраснымъ примѣромъ всему сказанному можетъ служить именно гомеровскій панееонъ. Три бога главенствуютъ надъ міромъ, Зевсъ надъ небомъ и землей, Посидонъ надъ моремъ, Аидъ надъ подземнымъ царствомъ: въ этомъ несомнѣнно выражается смутное сознаніе единства соотвѣтственныхъ, подвѣдомственныхъ каждому изъ нихъ явленій. Эти три бога въ то же самое время братья и одинъ изъ нихъ, Зевсъ, имѣетъ первенство надъ остальными: какъ видно, процессъ объединенія міровыхъ явленій не остановился на признаніи трехъ связанныхъ группъ явленій, а имѣетъ тенденцію къ полному ихъ объединенію. И въ то же время не только сохраняются всѣ остальные боги и духи, но и власть каждаго изъ трехъ братьевъ надъ его областью и въ частности власть Зевса надъ всѣмъ міромъ далеко не прочна и постоянно ограничивается однимъ фактомъ существованія другихъ боговъ.

При такихъ условіяхъ рано или поздно естественно должно возникнуть стремленіе разрѣшить это противорѣчіе и въ гомеровскихъ поэмахъ мы имѣемъ предъ собой двѣ противоположныя и все же практически мирно уживающіяся другъ съ другомъ попытки въ указанномъ направленіи. Одна изъ нихъ сводится къ возрастающему возвеличенію Зевса, къ превращенію его, если можно такъ выразиться, изъ ограниченнаго въ абсолютнаго владыку боговъ и людей. Другая приводитъ къ созданію новаго божества, Мойры, судьбы, властвующаго съ полной неограниченностью не только надъ остальными богами, но и надъ самимъ Зевсомъ.

Появленіе новой объединяющей силы наряду съ Зевсомъ не

представляетъ ничего удивительнаго. Фигура Зевса была слишкомъ долго предметомъ всякаго рода миѳовъ и слишкомъ сильно привлекала миѳологическое творчество, чтобы его многочисленныя столкновенія съ другими богами могли забыться. Онъ, правда, именуется отцомъ боговъ и людей, и самъ говоритъ, что обладаетъ большими силами чѣмъ всѣ боги вмѣстѣ. Другіе боги его боятся. И все-таки Герѣ удается его обмануть, а нѣкогда онъ избѣгъ гибели только потому, что нашелъ поддержку у сказачныхъ сторукихъ великановъ. Онъ даже не имѣетъ возможности спасти женщинъ, къ которымъ его ревнуетъ Гера, отъ ея преслѣдованій. Какъ бы не возвышалось представленіе о его могуществѣ, эти эпизоды не могутъ быть устранены иначе, какъ путемъ аллегорическаго толкованія, для котораго еще нѣтъ мѣста среди наивнаго мышленія этой эпохи.

Вотъ почему уже въ эпосѣ ощущается потребность въ иной силѣ, не изукрашенной въ такой степени, какъ Зевсъ и остальные боги человѣческими чертами, и именно поэтому болѣе способной служить олицетвореніемъ единства міроздания, смутное сознаніе котораго уже ищетъ себѣ выраженіе. Такой силой и является судьба, Айса или Мойра. Первоначальный смыслъ понятія о Мойрѣ не можетъ быть названъ вполнѣ яснымъ. Повидимому и оно стояло въ тѣсной сбязи съ кругомъ идей, выросшихъ вокругъ факта смерти. Шрадеръ /Reallexikon, стр.873/ полагаетъ, что по первоначальному смыслу индоевропейское (s)morā-, (s)morā означало сопутствующее каждому человѣку второе я, его εἴδωλον, его душу. Судьба этого корня была неодинакова среди разныхъ индоевропейскихъ народовъ; у однихъ онъ получилъ смыслъ духа, мучающаго живыхъ ночью во снѣ, у другихъ онъ началъ слу-

жить обозначеніемъ божествъ судьбы. Какъ бы то ни было въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ употребляется въ эпосѣ, онъ представляетъ позднее созданіе греческой миѳотворной фантазіи и какъ таковое не отличается такой конкретной яркостью, какъ сравнительно давно выросшія божества съ ихъ весьма опредѣленной физіономіей и біографіей. Нѣчто среднее между абстрактной идеей и конкретнымъ божествомъ, Мойра или Аῖса именно поэтому чужда народу, не переплетена со всѣми его воспоминаніями, а потому и неспособна вытѣснить Зевса съ перваго мѣста и стать во главѣ греческаго пантеона въ качествѣ его общепризнаннаго центра.

Отношеніе между Мойрой и Зевсомъ /или совокупностью боговъ/ въ виду этого далеко не ясно. Подчасъ судьба находится въ самой тѣсной связи съ Зевсомъ и остальными божествами и именуется айсой Зевса или мойрой боговъ: можетъ казаться, что воля Зевса или рѣшеніе всѣхъ боговъ и есть судьба. Въ другихъ случаяхъ боги несогласны съ волей судьбы, но вынуждены /въ томъ числѣ самъ Зевсъ/ ей подчиняться. Въ иныхъ случаяхъ наоборотъ допускается возможность, что, если бы какое-либо божество не вмѣшалось, то воля судьбы не была исполнена. Для нарушенія ея воли даже существуетъ особый терминъ (ὑπέρμορον). Тѣмъ не менѣе однако преобладаетъ представленіе, что судьба, каково бы ни было ея отношеніе къ Зевсу и къ совокупности боговъ, неизбѣжна и ничѣмъ не можетъ быть устранена.

Всѣ эти колебанія достаточно свидѣтельствуютъ о неустойчивости и неопредѣленности того представленія о един-

ствѣ міросозданія, которое пробивается въ эпосѣ. Вопросъ не можетъ быть признанъ разрѣшеннымъ, но онъ хотя и очень смутно уже поставленъ и сыграетъ большую роль въ развитіи греческой философіи.

Не болѣе удовлетворительно и разрѣшеніе второго, религіозно-нравственнаго, вопроса, естественно возникшаго подъ вліяніемъ усложненія и утонченія нравственнаго кодекса и чувства. Выше уже было указано, что по своему происхожденію религія и нравственность отнюдь не связаны другъ съ другомъ: "не подлежитъ сомнѣнію, что идеи правды и неправды /добра и зла/, возникшія на почвѣ соціальной жизни, первоначально безусловно независимы отъ вѣры въ боговъ или отъ предшествующихъ ей формъ религіозной жизни". /Oldenberg, die Religion der Veden, стр. 284/. Религія практически кульминируетъ въ угожденіи и моленіи, обращаемыхъ къ нѣкоей силѣ, отъ которой человѣкъ считаетъ возможнымъ и желаетъ добиться извѣстныхъ результатовъ. Нравственность практически кульминируетъ въ исполненіи извѣстныхъ пользующихся среди данной группы признаніемъ правилъ общежитія. Чѣмъ безпорядочнѣе и примитивнѣе жизнь данной орды или народности, тѣмъ неопредѣленнѣе и грубѣе будутъ и тѣ правила общежитія, которыя опредѣляютъ взаимныя отношенія между членами данной группы людей, тѣмъ меньшее количество обязанностей, связывающихъ произволъ личности, мы имѣемъ основаніе предполагать. Религія къ этимъ правиламъ общежитія первоначально не имѣетъ никакого отношенія: сфера ея дѣйствія первоначально находится внѣ сферы отношеній людей другъ къ другу.

Возрастающее усложненіе жизненныхъ отношеній, совершающихся параллельно съ переходомъ къ болѣе постоянной и сложной организаціи и связанной съ нимъ большей зависимостью людей другъ отъ друга, не только содѣйствуетъ усложненію дѣйствующихъ въ данномъ обществѣ правилъ общежитія, но и къ видоизмѣненію отношенія нравственности къ религіи. Съ одной стороны большая зависимость людей другъ отъ друга /или иначе говоря положенія одного человѣка отъ образа дѣйствій другого/ требуетъ все болѣе внимательнаго соблюденія всѣми признаваемыхъ правилъ, регулирующихъ права и обязанности каждаго члена данной группы, а посему всякое нарушеніе этихъ правилъ болѣе рѣзко ощущается. Усложненіе жизненныхъ отношеній въ то же время постоянно увеличиваетъ количество дѣйствующихъ правилъ, соблюденіе которыхъ въ силу этого становится болѣе труднымъ. Въ результатѣ правила общежитія получаютъ возрастающее значеніе и начинаютъ распадаться на двѣ группы: тѣ изъ нихъ, соблюденіе которыхъ по тѣмъ или инымъ причинамъ признается особенно необходимымъ, начинаютъ пользоваться усиленной охраной со стороны всей данной группы людей или ея постоянныхъ представителей и въ силу этой охраны превращаются изъ нравственныхъ нормъ въ юридическія, совокупность которыхъ въ свою очередь образуетъ дѣйствующее, объективное право. Всѣ остальныя нормы, не пользующіяся постоянной охраной данной группы или ея представителей наоборотъ не входятъ въ составъ дѣйствующаго права и болѣе или менѣе удовлетворительно охраняются не судомъ,

а только общественнымъ мнѣніемъ. Нарушеніе ихъ влечетъ за собой не наказаніе, а нравственное порицаніе.

Во всякомъ случаѣ ясно, что граница между областью права и областью нравственности, никогда не отличающаяся полной отчетливостью, представляется особенно неопредѣленной на очень раннихъ ступеняхъ развитія. Правила обыденной жизни, все равно принадлежатъ ли они въ данный моментъ къ той или къ другой изъ этихъ областей, при этомъ во всякомъ случаѣ въ виду господства одинаковыхъ соціальныхъ условій и одинаковаго умственнаго развитія пріобрѣтаютъ у всѣхъ членовъ данной группы приблизительно одинаковый характеръ и содержаніе. Общность этихъ правилъ у всѣхъ членовъ данной общественной группы съ одной, отсутствіе яснаго представленія о происхожденіи многихъ изъ нихъ, постепенно сложившихся въ теченіе вѣковъ, съ другой стороны естественно приводятъ къ убѣжденію въ ихъ божественномъ происхожденіи.

Но разъ эти правила установлены не людьми, а божествомъ, то божеству же надлежитъ заботиться о ихъ соблюденіи и въ частности въ тѣхъ случаяхъ, когда люди не считаютъ нужнымъ или не имѣютъ возможности позаботиться о ихъ соблюденіи. Отсюда съ теченіемъ времени развивается представленіе о верховномъ нравственномъ контролѣ надъ жизнью людей.

Наряду съ этимъ наиболѣе важнымъ измѣненіемъ въ взаимныхъ отношеніяхъ религіи и нравственности совершается впрочемъ еще и другое. По мѣрѣ усиленія религіознаго чувства само отношеніе къ богамъ пріобрѣтаетъ иной хара-

ктеръ. Если первоначально отношеніе человѣка къ божествамъ опредѣлялось только эгоистическимъ интересомъ человѣка и если первоначально только имъ разрѣшался вопросъ, оказывать ли божеству культъ или нѣтъ, то съ теченіемъ времени соблюденіе извѣстныхъ обязанностей по отношенію къ божеству само пріобрѣтаетъ значеніе нравственнаго правила, результатомъ чего является постепенное смягченіе чистоэгоистическаго характера первоначальнаго культа, ибо культъ не имѣетъ болѣе исключительной цѣлью достиженіе извѣстнаго блага или устраненіе извѣстнаго зла, а совершается и въ силу нравственнаго велѣнія, за несоблюденіе котораго слѣдуетъ ожидать кару божества.

Въ результатѣ божества начинаютъ превращаться въ хранителей разъ выработавшихся правовыхъ и нравственныхъ нормъ. А это не можетъ не отразиться и на нихъ. Разъ они охраняютъ право и нравственность, то они сами должны ихъ соблюдать.

Между тѣмъ божества, какъ они исторически сложились, далеко не отличаются нравственнымъ характеромъ. Представленіе о нихъ возникло въ такія времена, когда на нихъ еще не смотрѣли, какъ на блюстителей нравственности. Да и поскольку они уже играли эту роль, они являлись хранителями такихъ нормъ, которыя нѣкогда пользовались общимъ признаніемъ, но съ тѣхъ поръ успѣли устарѣть и съ точки зрѣнія болѣе поздняго времени изъ нравственныхъ превращаются въ безнравственныя. Наконецъ и многое изъ того, что прежде разсматривалось какъ нравственнобезразличное дѣяніе и приписывалось божествамъ, съ теченіемъ времени

должно подвергнуться осужденію.

Въ результатѣ разъ установившіеся типы боговъ и разъ выработанная миѳологія съ теченіемъ времени неминуемо перестанутъ удовлетворять постоянно развивающіеся нравственные взгляды и прежнія религіозныя представленія подвергнутся жестокой критикѣ не только съ религіозно-философской, но и съ религіозно-нравственной точки зрѣнія.

Въ эпоху гомеровскихъ поэмъ до этого послѣдняго результата правда еще далеко. Но начало его уже раскрывается передъ нами. Зевсъ уже признается хранителемъ установленнаго порядка какъ въ семьѣ, такъ и въ государствѣ. Цари, какъ мы видѣли, именно отъ него получаютъ скипетръ и законы, дабы управлять смертными. Самъ Зевсъ называется богомъ очага и богомъ, охраняющимъ право (θεμίστιος) Характерно, что въ Одиссеѣ онъ уже изображается какъ покровитель нищихъ, чужестранцевъ и просящихъ защиты, т.е. людей, находящихся въ сущности внѣ права и не могущихъ разсчитывать на охрану со стороны мѣстныхъ учрежденій и властей, защищающихъ только своего, а не чужака или бездомнаго и безроднаго нищаго.

Сопоставляя рядъ терминовъ, относящихся къ Зевсу, Узенеръ (*Götternamen*, стр.196 сл./ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ роль Зевса: "Отъ Зевса исходитъ день и свѣтъ; онъ посылаетъ годы. Велика сила его свѣтлыхъ очей; онъ всегда все видитъ, его око никогда не дремлетъ, а поэтому онъ всевидящій стражъ; злодѣй оскверняетъ святое око Зевса. Вершины горъ посвящены ему, а также всюду другія мѣста культа; онъ возсѣдаетъ на снѣжной высотѣ

Олимпа высоко надъ облаками. Посреди всякаго двора стоитъ его алтарь; домъ и дворъ какъ и городовая община находятся подъ его охраной. Подъ его покровительство становится всякій, кто переступитъ границу своего отечества и кто ищетъ помощи въ чужомъ домѣ; онъ провожаетъ странника на его пути. Онъ верховный спаситель и очиститель. Онъ устраиваетъ браки, создаетъ и поддерживаетъ узы родства; жизнь и смерть въ его рукѣ; на золотыхъ вѣсахъ онъ взѣшиваетъ смертный жребій воина. Онъ даетъ счастье и богатство; онъ охраняетъ границы; царская власть и ея внѣшній знакъ, скипетръ, происходятъ отъ него. Онъ слѣдитъ за клятвами и ихъ соблюденіемъ; отъ него исходятъ вѣрность и взаимное довѣріе; гдѣ бы на землѣ ни было нарушено право, оно возстановляется его рѣшеніемъ, все равно будетъ ли то на войнѣ или передъ судомъ. Онъ тяжко мститъ за несправедливые судебные приговоры и вообще заботится о наказаніи всякаго злодѣя; онъ заноситъ всѣ злодѣйства въ великую книгу проступковъ и они никогда не могутъ быть забыты".

Несмотря на то, что нѣкоторыя изъ вышеуказанныхъ чертъ несомнѣнно сложились уже послѣ эпохи гомеровскихъ поэмъ /сюда относится терминъ Зевсъ-"очиститель", καθάρσιος; см. объ этомъ дальше/, въ общемъ это характеристика роли роли Зевса можетъ быть признана правильной и для эпохи Гомера. Слiяніе религіозныхъ и нравственныхъ идей уже совершается въ это время и пока приводитъ къ возвышенію Зевса. Несмотря на все явное противорѣчіе между той ролью, которая приписывается Зевсу какъ хранителю правового и

нравственнаго обычая, и его собственными дѣяніями и похожденіями въ это время противорѣчіе еще не ощущается такъ рѣзко какъ позднѣе, когда оно отчасти приведетъ къ примирительному толкованію миѳовъ, отчасти къ полному разрыву съ миѳологіей. Всѣ данныя для этого развитія тѣмъ не менѣе уже имѣются на лицо и уже этотъ фактъ самъ по себѣ свидѣтельствуетъ о значительной сложности религіозныхъ представленій этой эпохи.

Въ связи съ этимъ впрочемъ надо оговориться, что идея объ охранительной роли Зевса /да и другихъ боговъ/ по отношенію къ праву и нравственности отнюдь не содержитъ въ себѣ идеи о загробномъ возмездіи. Если и упоминается о нѣкоторыхъ лицахъ, подвергающихся по волѣ боговъ загробнымъ мукамъ, то всѣ они являются побѣжденными врагами боговъ и именно за это и подвергаются наказаніямъ. Въ остальномъ очевидно предполагается, что, поскольку боги караютъ за преступленія и проступки противъ нравственности, кара настигаетъ виновника здѣсь на землѣ. Послѣ смерти всѣ, и праведники и преступники одинаково попадаютъ въ царство мертвыхъ и одинаково продолжаютъ жалкое существованіе безсильныхъ тѣней. Тѣмъ не менѣе и на этой почвѣ съ теченіемъ времени могли развиться новыя идеи: разъ вообще хоть нѣкоторые преступники подвергались вѣчной карѣ, то число ихъ постепенно могло и должно было возрасти, а параллельно съ этимъ могло увеличиться и количество актовъ, подлежащихъ загробному возмездію, которое такимъ образомъ постепенно могло пріобрѣсти общеобязательное значеніе. —

Въ результатѣ религіозныя представленія гомеровскихъ поэмъ отличаются нѣсколько двойственнымъ характеромъ: фиксируя традиціонные взгляды, поэмы въ то же время даютъ представленіе и о тѣхъ новыхъ тенденціяхъ религіознаго характера, которыя начинали пріобрѣтать значеніе по крайней мѣрѣ среди передоваго общества наиболѣе культурной части греческаго племени.

Такой выводъ вполнѣ соотвѣтствуетъ всему строю греческаго міра, какъ онъ изображается поэмами. Куда бы мы не взглянули, всюду замѣтны слѣды кризиса, наступающаго въ жизни греческаго народа. Въ соціально-экономическомъ отношеніи этотъ кризисъ проявляется въ неспособности земледѣлія удовлетворить всѣ потребности растущаго населенія: замѣчаются слѣды спеціализаціи труда какъ среди разныхъ областей Греціи, такъ и среди разныхъ классовъ греческаго народа; начинается выдѣленіе торгово-промышленнаго класса, еще крайне слабаго, но имѣющаго сыграть огромную роль во всей жизни народа. И въ то же самое время замѣтно значительное усиленіе аристократіи, а параллельно съ этимъ упадокъ соціальнаго и надо думать экономическаго положенія массы. Кризисъ въ соціально-экономической жизни не можетъ остаться безъ вліянія на политическій строй: патріархальная царская власть начинаетъ терять свою наибольшую твердую опору, благодаря упадку самостоятельности народной массы, и постепенно начинаетъ стушевываться передъ знатью. — Кризисъ въ религіозной жизни наконецъ выражается въ тѣхъ религіозно-философскихъ и религіозно-нравственныхъ тенденціяхъ, цѣль кото

рыхъ заключается въ примиреніи традиціоннаго пантеона съ растущимъ сознаніемъ единства мірозданія и растущей нравственной чуткостью общества.

Не слѣдуетъ, разумѣется, преувеличивать то значеніе новыхъ формъ жизни и новыхъ идей, зарожденіе которыхъ отмѣчается въ поэмахъ. Все это лишь зачатки чего то новаго, зачатки, еще не имѣющіе рѣшающаго значенія для всей картины греческаго быта этой эпохи, но характерные, какъ симптомы, указывающіе на то, въ какомъ направленіи пойдетъ дальнѣйшее развитіе греческаго народа.

Во избѣжаніе недоразумѣній при этомъ полезно будетъ еще разъ замѣтить, что мы не имѣемъ никакого права переносить картины гомеровскихъ поэмъ на весь греческій народъ. Сложившись среди наиболѣе культурной части греческаго народа поэмы прежде всего даютъ намъ матеріалъ для сужденія о достигнутомъ этой частью культурномъ уровнѣ. Не только сѣверно и западногреческія области вродѣ Фессаліи, Фокиды, Этоліи и т.д., но и болѣе развитыя страны греческой метрополіи безспорно стояли на значительно болѣе низкомъ уровнѣ развитія и лишь съ теченіемъ времени аналогичныя явленія стали наблюдаться и у нихъ. Съ другой стороны не слѣдуетъ думать, чтобы новыя вѣянія, поскольку они отразились въ поэмахъ, относились даже среди іонійскаго міра къ очень давнему времени. Остовъ Иліады и Одиссеи, конечно, отличается очень значительной древностью и многія изъ тѣхъ пѣсенъ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени составились поэмы, вѣроятно, въ существенныхъ чертахъ были сложены еще въ XII - XI вѣкахъ до

н.эры, но разработка ихъ не прекращалась даже въ VIII и VII вѣкѣ и едва ли подлежитъ сомнѣнію, что именно къ этому сравнительно позднему времени слѣдуетъ отнести очень многія изъ тѣхъ новыхъ формъ жизни и новыхъ идей, на которыя выше было обращено вниманіе.

Гомеровскія поэмы, такимъ образомъ, напоминаютъ двуликаго Януса. Сложившись окончательно на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ /ср. пѣсню о Нибелунгахъ./, они одновременно воспроизводятъ и отмѣчаютъ первые ростки новаго міра.

III. Греческая жизнь отъ эпохи гомеровскихъ поэмъ до эпохи персидскихъ войнъ.

I. Состояніе источниковъ. Общій характеръ эпохи. Состояніе источниковъ для исторіи развитія греческаго народа отъ IX - VIII до начала V вѣка крайне плачевно. Если для предшествующаго времени гомеровскія поэмы являются драгоцѣннымъ, хотя и нуждающимся въ очень осторожномъ обращеніи, источникомъ, и если мы обладаемъ для эпохи персидскихъ войнъ богатымъ данными разсказомъ Геродота, то разбираемый нами въ настоящее время періодъ греческой исторіи наоборотъ не оставилъ ни одного первокласснаго памятника. Произведенія Гезіода и отрывки греческой лирики, поскольку они дошли до насъ, представляютъ цѣнный

матеріалъ для умственнаго развитія и отчасти содержатъ интересные намеки на соціальное и политическое развитіе, но не даютъ ни связнаго разсказа вродѣ Геродота ни всесторонней картины греческаго быта какъ эпосъ. Воспоминанія и легенды, сохранившіяся у Геродота и другихъ позднѣйшихъ писателей естественно сильно изукрашены народной молвой. Точныя хронологическія данныя позднѣйшихъ писателей большей частью основаны на комбинаціяхъ и мѣстныхъ легендахъ. Количество точныхъ данныхъ, основанныхъ на мѣстныхъ лѣтописныхъ запискахъ въ виду довольно поздняго болѣе широкаго распространенія письменности также не можетъ быть велико.

Въ результатѣ мы въ общемъ вынуждены довольствоваться довольно суммарной и исполненной гипотетическихъ элементовъ картиной, да и то отрывочныя данныя, касающіяся разбираемой эпохи, укладываются въ общую, болѣе или менѣе осмысленную картину только, если мы будемъ пользоваться какъ данными эпоса такъ и достовѣрными историческими данными послѣдующаго времени /начиная съ У вѣка/ для реконструкціи лежащей между этими моментами эпохи. Изученіе гомеровскаго эпоса даетъ намъ представленіе объ общей тенденціи того развитія, которое совершается въ послѣгомеровскую эпоху; данныя У и сл. вѣковъ даютъ намъ представленіе о тѣхъ результатахъ этого развитія, которыя въ разныхъ греческихъ областяхъ были достигнуты къ началу У вѣка. Комбинація этого матеріала съ легендами и полуисторическими сказаніями /сравнительно довольно обильными по крайней мѣрѣ для УІ вѣка/ только и можетъ

служить базисомъ для нашего взгляда на греческую жизнь въ указанную эпоху.

Переходная эпоха отъ гомеровскаго времени къ эпохѣ персидскихъ войнъ, время отъ IX-VIII до начала V вѣка отличается усиленнымъ проявленіемъ тѣхъ новыхъ тенденцій, которыя мы постарались вскрыть при разсмотрѣніи данныхъ гомеровскаго эпоса.

Въ экономическомъ отношеніи этотъ періодъ отличается чрезвычайно сильнымъ колонизаціоннымъ движеніемъ, ростомъ торговопромышленныхъ интересовъ и торговопромышленнаго класса и усиленіемъ крупной собственности въ большинствѣ болѣе развитыхъ греческихъ общинъ. Всѣ эти факты стоятъ въ самой тѣсной причинной связи съ ростомъ количества населенія и приводятъ въ значительной части греческихъ общинъ къ переходу отъ домашняго хозяйства къ городскому и къ нарожденію еще болѣе крупныхъ хозяйственныхъ союзовъ.

Въ соціальномъ отношеніи данный періодъ отличается, во-первыхъ, господствомъ землевладѣльческой знати, играющей въ то же время большую роль и въ торговой жизни, во-вторыхъ, уже указаннымъ ростомъ средняго городского класса мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ и, въ-третьихъ, упадкомъ самостоятельности и тяжелымъ положеніемъ земледѣльческой массы.

Въ политическомъ отношеніи разбираемое нами время

Лит. Богданова. Эртелевъ пер. № 1. Директоръ

Библиотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

характеризуется, во-первыхъ, тенденціей къ образованію болѣе значительныхъ государственныхъ единицъ и союзовъ и, во-вторыхъ, внутренней борьбой внутри отдѣльныхъ общинъ, борьбой, проходящей по крайней мѣрѣ въ болѣе развитыхъ центрахъ двѣ стадіи. Въ теченіе перваго времени борьба ведется аристократіей противъ патріархальной царской власти и приводитъ къ повсемѣстному паденію или полному обезсиленію царской власти; въ теченіе послѣдующаго времени сама аристократія подвергается нападенію со стороны нарождающейся демократіи, причемъ борьба приводитъ съ одной стороны къ кодификаціи обычнаго права данной общины, съ другой стороны къ появленію тираніи и подобныхъ ей формъ единоличнаго устройства дѣлъ данной общины.

Въ отношеніи умственнаго развитія указанная эпоха отличается ростомъ индивидуальнаго сознанія, проявляющимся какъ въ религіозной области въ распространеніи новыхъ культовъ и въ образованіи мистическихъ сектъ, такъ и въ развитіи свѣтской мысли, кладущей начало греческой философіи и наукѣ.

Надо впрочемъ замѣтить, что указанная характеристика нашей эпохи имѣетъ лишь условное значеніе и примѣнима ближайшимъ образомъ лишь къ сравнительно болѣе быстро прогрессирующимъ областямъ. Выше уже неоднократно было отмѣчено, что нельзя ставить на одну доску іонійцевъ Малой Азіи и населеніе западной части Эллинскаго міра. Развитіе греческаго какъ и любого другого народа не совершается съ равномѣрною во всѣхъ его частяхъ быстротою.

Подъ вліяніемъ сложной комбинаціи географическихъ и историческихъ условій одни области развиваются быстрѣе, другія медленнѣе и наша характеристика относится преимущественно къ первымъ. Остальныя плетутся въ хвостѣ движенія и отчасти только въ III вѣкѣ достигаютъ той степени развитія, которая въ Іоніи была достигнута въ VI, въ остальной Элладѣ въ V вѣкѣ.

Съ точки зрѣнія быстроты культурнаго развитія мы къ VI вѣку можемъ различать пять главныхъ группъ областей. На первомъ планѣ стоятъ малоазіатскія, особенно іонійскія, и нѣкоторыя изъ островныхъ общинъ /напр. Хіосъ и Самосъ/; на второмъ планѣ мы встрѣчаемъ общины Великой Греціи, на третьемъ торговопромышленные центры собственной Эллады, вродѣ Халкиды и Эретріи, Эгинъ, Коринеа и Аѳинъ. За ними уже слѣдуютъ Спарта, Элида, Віотія и еще дальше Ахея, Ѳессалія, Фокида, Этолія, Акарнанія и Аркадія; въ большей части этихъ послѣднихъ общинъ жизнь въ существенныхъ чертахъ мало чѣмъ или вовсе ничѣмъ не отличается отъ наиболѣе простыхъ формъ греческой жизни эпохи гомеровскихъ поэмъ.

Подчеркивая такимъ образомъ условное значеніе нашей характеристики указанной эпохи, мы въ то же время должны замѣтить, что она даетъ достаточно опредѣленное представленіе объ общемъ ходѣ развитія греческой культуры въ данное время, о развитіи тѣхъ общинъ, жизнь которыхъ положила свою неизгладимую печать на все дальнѣйшее развитіе грековъ и служила прототипомъ общегреческаго развитія.

II. Экономическая жизнь разбираемой нами эпохи всецѣло находится подъ вліяніемъ сильнаго роста греческаго населенія, который въ соединеніи съ унаслѣдованнымъ отъ прошлаго періода и еще усиливающимся въ связи съ ростомъ населенія упадкомъ мелкаго землевладѣнія заставляетъ греческое населеніе искать новые источники пропитанія либо за предѣлами родины либо въ новыхъ формахъ городского труда.

Ростъ населенія, прямыхъ данныхъ о которомъ до насъ разумѣется не дошло и о которомъ мы судимъ только по косвеннымъ даннымъ, а именно по чрезвычайно сильному колонизаціонному движенію и по росту городовъ, въ двухъ отношеніяхъ отражается на народномъ бытѣ. Съ одной стороны онъ приводитъ къ возрастающему дробленію земельныхъ участковъ, результатомъ чего является меньшая экономическая устойчивость мелкихъ хозяйствъ; съ другой стороны онъ приводитъ къ образованію большей или меньшей группы безземельныхъ, количество членовъ которой еще увеличивается въ силу указанной неустойчивости мелкихъ хозяйствъ, вслѣдствіе которой въ число безземельныхъ попадаютъ не только лица, вовсе не получившія надѣла, но и прежде самостоятельные, но обнищавшіе вслѣдствіе неурожая, военныхъ дѣйствій или болѣзни хозяева.

Лицамъ, не могущимъ ожидать пріобрѣтеніе земельнаго участка или же потерявшимъ его, остается три выхода, способныхъ обезпечить ихъ существованіе. Имъ приходится или поступить въ качествѣ арендаторовъ, половниковъ или батраковъ въ услуженіе къ другимъ, преимущественно крупнымъ

землевладѣльцамъ,или переселиться въ другія страны, или наконецъ перенести центръ тяжести своей жизнедѣятельности изъ деревни въ городъ, перейти отъ земледѣлія къ ремеслу и торговлѣ.

Выше уже было указано, что второй выходъ, заключающійся въ переселеніи, особенно на раннихъ стадіяхъ развитія пользуется предпочтеніемъ. Наряду съ косностью, свойственной въ большей или меньшей степени народной массѣ, несомнѣнно значительную роль при этомъ играетъ и невозможность обезпечить продуктами нарождающейся промышленности сравнительно быстро настолько широкій сбытъ, чтобы излишекъ населенія могъ надѣяться на обезпеченіе своей жизни ремесломъ и торговлей, лишь медленно находящимъ мѣсто среди господствующаго домашняго хозяйства.

I/ Результатомъ указанныхъ условій является уже отмѣченное обширное <u>колонизаціонное движеніе</u>, цѣлью котораго такимъ образомъ слѣдуетъ признать пріобрѣтеніе новыхъ земель <u>для земледѣлія</u>, а не пріобрѣтеніе рынковъ для сбыта еще очень немногочисленныхъ продуктовъ нарождающейся промышленности. Какъ и колоніи XIII и сл. вѣковъ, колоніи VIII и сл. вѣковъ являются земледѣльческими, а не торговыми, чѣмъ онѣ существенно отличаются отъ большинства финикійскихъ колоній. Земледѣльческій характеръ движенія однако, разумѣется, нисколько не исключаетъ возможности, что вновь возникшія колоніи по крайней мѣрѣ отчасти и съ теченіемъ времени могутъ сдѣлаться крупными торговыми центрами и съиграть значительную роль въ торговопромышленномъ развитіи греческаго народа /ср.напр.

Сиракузы, Массилія и т.д./.

Несмотря на то, что новое колонизаціонное движеніе такимъ образомъ по своему происхожденію и ближайшей цѣли мало чѣмъ отличается отъ того, которое привело къ заселенію Малоазіатскаго побережія, оно тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличается отъ прежняго движенія. Движеніе XIII и сл.вѣковъ было направлено на ближайшія къ Эллядѣ и соединенныя съ нею цѣлой непрерывной цѣпью острововъ области и ограничивалось почти исключительно бассейномъ Эгейскаго моря. Послѣ занятія этихъ ближайшихъ областей теперь приходилось перейти къ болѣе отдаленнымъ, отчасти къ очень отдаленнымъ мѣстностямъ и въ зависимости отъ этого руководящая роль во всемъ движеніи переходитъ къ такимъ общинамъ, населеніе которыхъ по географическимъ причинамъ было вынуждено особенно много заниматься мореплаваніемъ, т.е. нераздѣльными въ данное время торговлей и морскимъ разбоемъ. Благодаря этому обстоятельству такіе города какъ расположенные на коринескомъ перешейкѣ Коринѳъ и Мегара, расположенныя на Эврипѣ Халкида и Эретрія, острова Лесбосъ, Самосъ, Родосъ, Андросъ, Наксосъ и среди малоазіатскихъ городовъ особенно естественная гавань богатой долины Меандра, Милетъ становятся центромъ колонизаціоннаго движенія. Привлеченные свѣдѣніями о богатыхъ странахъ, находящихся вокругъ занятыхъ эллинами областей, здѣсь стекались переселенцы изъ переполненныхъ греческихъ общинъ, организовывались въ переселенческія партіи и отправлялись искать счастіе внѣ родины. Захватывая такимъ образомъ все болѣе обширныя

1

Абдера
Маронея
Марица
Эносъ
Стримонскій заливъ
Ѳасосъ
Самоѳрака
Халкидика
Имбросъ
Сестосъ
Абидосъ
Потидея
Ѳермейскій зал.
Лемносъ
Тенедосъ
Троада
Мѳимна
Лесбосъ
Митилена
Палазейскій зал.
Скиросъ
Фокея
Эврипъ
Эвбея
Віотія
Эретрія
Халкида
Смирна
Клазомены
Коринѳскій зал.
Аттика
Хіосъ
Эриѳры
Теосъ
Колофонъ
Аѳины
Эфесъ
Самамисъ
Лебедосъ
Коринѳъ
Андреосъ
Меандръ
Эгина
Самосъ
Пріена
Саронійскій зал.
Милетъ
Наксосъ
Аргосскій зал.
Галикарнаосъ

пространства греческая колонизація не только окончательно превратила Эгейское море въ греческое море, но къ началу У вѣка охватила все сѣверное побережіе Средиземнаго моря отъ Малаги въ Испаніи до южнорусскихъ степей и Кавказа и проникла также въ сѣверовосточную Африку.

а/Колонизація побережій и острововъ Эгейскаго моря при данныхъ условіяхъ естественно направилась на сѣверъ. Съ острова Лесбоса въ теченіе УІІІ и сл.вѣковъ была колонизована Троада отъ горнаго хребта Иды до Геллеспонта /Дарданелль/, гдѣ возникъ цѣлый рядъ мелкихъ городовъ, отчасти выше уже поименованныхъ. Отсюда естественно было перейти на Ѳракійскій Херсонисъ, гдѣ возникли Сестосъ и Алопеконнекосъ и затѣмъ нѣсколько далѣе на сѣверозападъ около устья Марицы — Эносъ.

Тогда какъ Лесбосъ такимъ образомъ служилъ исходной точкой для заселенія сѣверовосточнаго угла Эгейскаго моря, сѣверозападный уголъ былъ заселенъ преимущественно изъ Халкиды, о чемъ свидѣтельсвуетъ уже названіе заселеннаго отсюда полуострова, Халкидики. Наряду съ Халкидой въ заселеніи Халкидики принимали впрочемъ участіе и Эретрія,и островъ Андросъ, и даже Коринеъ, главная дѣятельность котораго впрочемъ, какъ мы еще увидимъ, была направлена на западъ. Перечислять всѣ многочисленныя общины, возникшія здѣсь и превратившія почти весь полуостровъ въ чистогреческую территорію, не стоитъ. Отмѣтимъ только Потидею, колонію коринеянъ, сыгравшую впослѣдствіи видную роль /осн.ок.600 г./

Съ острова Пароса былъ занятъ богатый золотыми пріис-

ками островъ Θасосъ и часть расположеннаго къ сѣверу отъ него Θракійскаго побережія. Какъ эти Θракійскія колоніи, такъ и колонія хіосцевъ, Маронея, и колонія клазоменцевъ, Абдера, подвергались однако постоянно набѣгамъ сосѣднихъ Θракійскихъ племенъ. Основанная ок. 650 г. Абдера впослѣдствіи именно поэтому даже была покинута и только ок. 545 г. снова заселена выходцами изъ Теоса.

Дольше всего оставались внѣ греческаго вліянія острова Скиросъ /около Эвбеи/, Лемносъ, Имбросъ и Самоθракія, систематически заселенные и окончательно эллинизованные уже въ У вѣкѣ.

в/Колонизація Мраморнаго и Эгейскаго моря представляетъ главнымъ образомъ результатъ дѣятельности двухъ крупныхъ торговыхъ центровъ этой эпохи, Милета и Мегаръ.

Изъ Милета исходило основаніе Абидоса на Геллеспонтѣ /ок.670 г./, Кизика, Проконниса, Кіоса и др. на южномъ берегу Мраморнаго моря, и Кардіи и др. на Θракійскомъ Херсонисѣ. Отсюда Милетцы перешли къ Черному морю, гдѣ ихъ иниціативѣ впослѣдствіи приписывалось основаніе 90 колоній, благодаря которымъ "негостепріимное" Черное море впослѣдствіи получило названіе "гостепріимнаго"(Pontos Euxeinos). Уже около 630 г. ими былъ основанъ Синопъ, около устья крупнѣйшей рѣки Малой Азіи, Галиса, откуда въ свою очередь былъ основанъ рядъ синопскихъ колоній вродѣ Трапезунда и др. Еще раньше по преданію въ 656 г. былъ основанъ Истросъ около устья Дуная, затѣмъ /по преданію въ 644 г./ Ольвія около устья Буга, затѣмъ Тирасъ около

Днѣстръ
Бугъ
Днѣпръ
Донъ
Ольвея
Танаисъ
Тирасъ
Пантикапея
Фанагорія
Феодосія
Херсонисъ
Истросъ
Дунай
Месемврія
Синопъ
Гераклея
Трапезунтъ
Византія
Калхедонъ
Перинѳъ
Астакосъ
Кіосъ
Сестосъ
Лампсакъ
Кизикъ
Абидосъ
Галисъ

устья Днѣстра, Ѳеодосія, Нимфеонъ и Пантикапея на Таврическомъ Херсонисѣ /Крымъ/, наконецъ Танаисъ около устья Дона и т.д.

Не менѣе значительна дѣятельность Мегаръ. Въ 675 г. ими былъ основанъ Калхедонъ, а въ 658 г. противъ Калхедона Византія, которой съ теченіемъ времени было суждено играть первенствующую роль среди городовъ Мраморнаго и Чернаго морей. На Мраморномъ же морѣ ими были основаны Селимврія и Астакосъ, а въ Черномъ около 550 г. Гераклея, Месемврія и /около Севастополя/ Херсонисъ.

Наряду съ Милетомъ и Мегарами въ сѣверовосточной колонизаціи принимали также участіе малоазіатская Фокея, откуда былъ основанъ Лампсакъ на Геллеспонтѣ, Самосъ, откуда былъ основанъ Перинѳъ /ок.600 г./, Теосъ, откуда была основана Фанагорія около устья Кубани противъ Пантикапеи и т.д. —

Значеніе всѣхъ этихъ колоній, особенно черноморскихъ съ теченіемъ времени расширилось и заключалось главнымъ образомъ въ снабженіи метрополіи хлѣбомъ и рыбами, о чемъ дальше еще придется говорить. Наряду съ этимъ не подлежитъ сомнѣнію, что какъ Мегары, такъ особенно Милетъ въ значительной мѣрѣ были обязаны своимъ богатствомъ и могуществомъ именно постоянной связи съ многочисленными общинами, обязанными имъ своимъ существованіемъ и служившими вѣрнымъ рынкомъ какъ для закупки сырья, такъ и для сбыта продуктовъ милетской и мегарской промышленности. Городъ, откуда двигалась данная партія переселенцевъ, ставилъ во главѣ ея подходящее лицо, которое впослѣдствіи

признавалось героемъ-основателемъ /ойкистомъ/ колоніи и въ качествѣ такового пользовался культомъ, а сама колонія сохраняла извѣстную связь съ метрополіей, связь смотря по обстоятельствамъ болѣе или менѣе тѣсную.

с/Колонизація іонійскаго и адріатическаго моря и западнаго бассейна Средиземнаго моря, также начавшаяся въ теченіе VIII вѣка, имѣла еще большее значеніе чѣмъ колонизація Эгейскаго, Мраморнаго и Чернаго морей и въ общемъ привела къ болѣе прочнымъ результатамъ.

Острова къ западу отъ Пелопонниса и Акарнаніи несомнѣнно уже были съ давнихъ поръ заселены греками и, судя по археологическимъ даннымъ, еще въ Микенскую эпоху существовали сношенія между Элладой и южной Италіей. На это указываютъ черепки микенскихъ вазъ, найденные на крайнемъ юговостокѣ Италіи /въ древней Мессаніи/ и характеръ сицилійскихъ гробницъ, сохранившихся еще отъ догреческихъ временъ. Возможно даже, что поселеніе грековъ въ Элладѣ привело къ выселенію части греческаго племени въ южную Италію. Тѣмъ не менѣе даже территоріи сѣверозападной Эллады /Акарнанія и Этолія/ были еще такъ мало заселены, что здѣсь было возможно основаніе колоній, и при такихъ условіяхъ весьма понятно, что болѣе отдаленныя страны, т.е. южная Италія и Сицилія, представляли еще большія удобства для переселенцевъ,привлекаемыхъ сюда плодородіемъ почвы.

Этолія, Акарнанія, а далѣе Эпиръ и южная Иллирія сдѣлались главнымъ полемъ дѣятельности Коринеа. Въ Этоліи

Неаполь
Везувій
Рима
Искія
Капри
Посидонія
Элея
Пиксунтъ
Лаосъ
Терина
Пандосія
Метапонтъ
Тарантъ
Сирисъ
Сибарисъ
Скидросъ
Кротонъ
Скиллетіонъ
Кавлонія
Локры
Регіонъ
Занкла
Селинунтъ
Акрагантъ
Гела
Сиракузы
Эпидамнъ
Аполлонія
Коркира
Амвракія
Анекторіонъ
Левкада
Солліонъ
Кефалленія
Закинѳъ
Мегары
Коринѳъ

были основаны Халкида и Моликрея на берегу Коринѳскаго залива; въ Акарнаніи Солліонъ, Анакторіонъ и Левкада /на островѣ Левкадѣ/, въ Эпирѣ Амвракія, на берегахъ Адріатическаго моря Аполлонія и Эпидамнъ. Коринѳяне же руководили и занятіемъ острова Коркиры /въ VIII вѣкѣ/.

Южная Италія также еще въ VIII вѣкѣ сдѣлалась цѣлью многочисленныхъ переселенцевъ дорійскаго племени, потомки которыхъ полагали, что ихъ родиной была пелопоннисская Ахея. Здѣсь были основаны Метапонтъ, Сирисъ, Сибарисъ, Кротонъ, Кавлонія, города, которые почти всѣ славились своимъ богатствомъ, которымъ они прежде всего были обязаны плодороднымъ полямъ "Великой Греціи", какъ эта область стала называться повидимому еще въ VI вѣкѣ. Скоро большинство изнъ нихъ сами оказались въ состояніи основать новыя колоніи. Такъ изъ Сибариса были основаны Скидросъ, Лаосъ и Посидонія на берегахъ Тиреннскаго моря, изъ Сириса повидимому былъ основанъ Пиксунтъ, изъ Кротона Пандосія, Терина и Скиллетіонъ.

Наряду съ "ахейцами" въ колонизаціи южной Италіи далѣе приняли участіе выходцы изъ Локриды, основавшіе городъ Локры, спартанцы, основавшіе Тарантъ и, какъ мы сейчасъ еще увидимъ, выходцы изъ Халкиды.

Въ Сициліи первыя греческія поселенія повидимому были основаны еще во второй половинѣ VIII вѣка выходцами изъ Эвбейской Халкиды, сыгравшей такую большую роль при заселеніи Халкидики. Жители города Наксоса /у подножія Этны/ впослѣдствіи утверждали, что ихъ предки первые поселились среди туземныхъ Сикеловъ. Отсюда затѣмъ все тѣ

же халкидцы основали Катану, Леонтины, Каллиполисъ, Звбею съ одной, Занклу и противъ нея Регіонъ съ другой стороны. Добравшись до Тиреннскаго моря они далѣе заняли островъ Пиеикуссы /нынѣ Искія/, а отсюда основали Киму, откуда ок.600 г. въ свою очередь былъ основанъ Неаполь, какъ еще раньше /ок.650 г./ изъ Занклы была основана Гимера въ сѣверной Сициліи.

Іонійскіе халкидцы нашли соревнователей въ дорійскихъ коринѳянахъ, основавшихъ повидимому еще въ VIII вѣкѣ Сиракузы, а отсюда Акры и Касмены внутри острова и ок.600 года Камарину на южномъ берегу его.

За коринѳянами послѣдовали дорійскіе же мегарцы и родосцы. Первые /также повидимому еще въ VIII вѣкѣ основали гиблейскіе Мегары между Сиракузами и Леонтинами, а отсюда около 650 г. былъ основанъ Селинунтъ /на южномъ берегу/, создавшій въ свою очередь рядъ колоній, среди коихъ наибольшее значеніе имѣла Минои. — Вторые въ соединеніи съ критянами основали въ началѣ VII вѣка Гелу на южномъ берегу, откуда спустя сто лѣтъ около 580 г. былъ основанъ Акрагантъ. Оба города впослѣдствіи играли весьма значительную роль въ исторіи Сициліи и уступали только Сиракузамъ въ богатствѣ и могуществѣ, служа вмѣстѣ съ ними твердой опорой дорійскаго элемента въ Сициліи.

Колонизація крайняго запада наконецъ была дѣломъ малоазіатской Фокеи, основавшей ок.600 г. Массилію /Марсель/ недалеко отъ устья Роны, явившуюся оплотомъ греческой культуры въ западномъ бассейнѣ Средиземнаго моря. Цѣлый

Сицилія

Южная Галлія

рядъ колоній на южнофранцузскомъ побережіи вродѣ Антиполя /нынѣ *Antibes*/, Никеи /нынѣ Ницца/, Эмпоріевъ /нынѣ *Ampurias*/ около Пиринеи, а также города Менаки около Малаги свидѣтельствовали о силѣ ихъ основательницы, Массиліи. — Нѣсколько позднѣе Массиліи, около 565 г., фокейцы далѣе основали Алалію на Корсикѣ и, когда ихъ родной городъ въ 545 г. былъ покоренъ персами, значительная часть его населенія покинула родину, чтобы поселиться тутъ же въ Алаліи. Это обстоятельство, однако, привело къ столкновенію съ двумя конкурентами грековъ въ западной части Средиземнаго моря, съ этрусками и съ карѳагенянами, вокругъ которыхъ отчасти добровольно, отчасти по принужденію соединились финикійскія колоніи сѣверо-западной Африки, западной Сициліи /города Мотія, Панормъ, Солунтъ и др./ и южной Испаніи. Борьба привела къ морскому сраженію, въ которомъ греки впослѣдствіи приписывали себѣ побѣду. Тѣмъ не менѣе они оказались вынужденными покинуть Корсику и основали городъ Гіелу или Элею въ южной Италіи, къ югу отъ Посидоніи. Дальнѣйшему распространенію грековъ на западъ такимъ образомъ былъ положенъ предѣлъ, а борьба съ трусками /ср. неудачный походъ этрусковъ на Кимму въ 524 г./ и особенно съ карѳагенянами съ этихъ поръ, можно сказать, болѣе не прекращалась. Борьба продолжалась нѣсколько вѣковъ и велась съ перемѣннымъ счастіемъ, но въ общемъ разрозненность гре-

---

Лит. Богданова Эртелевъ пер. № 1. Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

ческихъ городовъ и частая борьба, какъ между городами, такъ и внутри городовъ не дали имъ возможности не только оттѣснить карѳагенянъ, но даже сохранить всѣ свои собственныя пріобрѣтенія. Кромѣ Корсики они были вынуждены покинуть и южную Испанію, гдѣ карѳагеняне фактически обезпечили себѣ торговую монополію.

d) Колонизація Киренаики. Слабѣе всего проявляется греческое переселенческое движеніе по направленію къ юго-востоку. И это вполнѣ понятно. Въ отличіе отъ странъ по сѣверному побережію Эгейскаго моря, по Мраморному и Черному морямъ, съ одной, въ отличіе отъ южной Италіи, Сициліи и южной Галліи, гдѣ греки сталкивались съ варварскими сосѣдями, неспособными оказать болѣе упорное сопротивленіе и благодаря своей относительной малолюдности не цѣнившими всякаго клочка земли, на востокѣ и юговостокѣ они сталкивались съ народами древней культуры и вдобавокъ по крайней мѣрѣ отчасти организованными въ сильныя государства. Лидійское, ассирійское и египетское царство обладали полной возможностью отразить пришельцевъ и успѣхи послѣднихъ въ этомъ направленіи были очень малы. Кипрскіе греки даже были вынуждены признать сначала власть ассирійскихъ царей /походъ царя Саргона въ концѣ VIII вѣка/, а затѣмъ въ концѣ VII вѣка и власть фараоновъ. Греческіе цари не были устранены завоевателями, но должны были признать себя ихъ вассалами и остались въ такомъ же положеніи и впослѣдствіи, когда была основана міровая держава персовъ.

Тѣмъ не менѣе выходцы изъ Греціи не оставили безъ вни-

манія и востокъ. Ихъ нападенія на Киликію были, правда, отражены Сангерибомъ /705-681/, за то они нашли богатое поле дѣйствій въ Египтѣ, сначала въ качествѣ морскихъ разбойниковъ, нападавшихъ на нильскую дельту, затѣмъ въ качествѣ наемниковъ царя Псамметика и его преемниковъ, которому они помогли снова объединить Египетъ и освободить его отъ ассирійцевъ. За наемниками послѣдовали купцы: еще при Псамметихѣ I /+611/ сначала былъ основанъ "фортъ милетцевъ" около Саиса, затѣмъ городъ Навкратида, въ возникновеніи котораго приняли участіе разные греческіе города /въ томъ числѣ и Милетъ/. "Фараоны XXVI династіи являются предшественниками Птоломеевъ". (Meyer, II, стр. 461).

Около того же времени, когда греки такимъ образомъ заняли прочное положеніе въ Египтѣ, положеніе, изъ котораго ихъ впослѣдствіи устранили только персы, и вѣроятно въ связи съ этимъ выходцами съ острова Ѳеры было основано поселеніе сначала на островѣ Платеѣ около африканскаго побережія /ок.630 г./, а нѣсколько лѣтъ спустя и городъ Кирена, скоро занявшій видное мѣсто, какъ благодаря плодородію почвы и обширнымъ пастбищамъ, такъ и вслѣдствіе выгодной торговли Сильфіономъ и др. Войны съ ливійцами и съ фараономъ Априсомъ /570/ окончились побѣдой переселенцевъ и около 550 г. они могли основать въ той же области новый городъ, Барку и др.—

Въ результатѣ греческія колоніи въ теченіе двухъ столѣтій, отъ половины VIII до половины VI вѣка, покрыли почти всѣ берега Средиземнаго моря. Только Сирія, область карѳагенскаго царства и этрусковъ, а также бурное Адріа-

о Наксосъ
о Θера
о Родосъ
Критъ
Кипръ
Барка
Кирена
Укрѣпленія милетцевъ
Саисъ
Навкратида
Мемфисъ

тическое море не допустили греческихъ поселеній. Извѣстный грекамъ міръ за эти два вѣка невѣроятно расширился и Мейеръ не безъ основанія сравниваетъ заселеніе южной Италіи и Сициліи съ заселеніемъ сѣверной Америки /Meyer, G. des Altert. II, стр.477/. Вліяніе колонизаціоннаго движенія, въ которомъ торговые интересы получаютъ все большее значеніе, далеко не ограничивается освобожденіемъ старыхъ греческихъ земель отъ излишка населенія. Прямо или косвенно оно распространяется на всѣ стороны жизни греческаго народа.

Въ экономическомъ отношеніи оно открываетъ греческому народу громадное поле дѣйствій. Одни южноиталійскія колоніи ахейцевъ по разсчету Белоха /Gr. Gesch. I, стр.177/ покрываютъ пространство въ 15000 кв.кил. /ок.288 кв.миль/. Опредѣлить величину всѣхъ остальныхъ колоніальныхъ владѣній греческаго народа довольно трудно. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что, даже если оставить въ сторонѣ территоріи эксплратируемыхъ греками народностей, и тѣ земли, которыя поступили въ непосредственное обладаніе грековъ, представляютъ весьма значительное приращеніе владѣній греческаго народа. Живой обмѣнъ между метрополіями и колоніями ставитъ все греческое хозяйство на новый, гораздо болѣе широкій базисъ. Къ этому надо прибавить въ высшей степени выгодную торговлю съ туземцами. Послѣдній историкъ западноевропейскаго капитализма, Зомбартъ, недаромъ указываетъ на колоніальную торговлю, граничащую очень близко съ грабежомъ, какъ на одно изъ самыхъ существенныхъ условій грандіознаго роста европей-

скаго богатства въ XVI и сл.вѣкахъ. /Ср. Sombart, der moderne Kapitalismus, t. I, die Genesis des mod. Kapit./ Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что греки неменѣе англичанъ, голландцевъ и т.д., злоупотребляли своей торговой монополіей, а подчасъ и своей военной силой въ сношеніяхъ съ туземцами Малой Азіи, южной Россіи, Ѳракіи, Иллиріи, южной Италіи, Галліи и Испаніи. Но и независимо отъ этого грандіозное расширеніе рынковъ для пріобрѣтенія сырья и сбыта продуктовъ промышленности не могло не содѣйствовать быстрому росту экономической жизни какъ метрополій, такъ и наиболѣе благопріятно расположенныхъ колоній.

Въ соціальномъ отношеніи тѣ же самыя условія должны были ускорить ростъ городского, торговопромышленнаго класса. Возникновеніемъ своимъ онъ, разумѣется, обязанъ другимъ причинамъ, но расширеніе рынка въ двухъ отношеніяхъ должно было ускорить его развитіе. Съ одной стороны становилось возможнымъ организовать значительный подвозъ хлѣба и другихъ средствъ пропитанія /рыба!/, а слѣдовательно, по крайней мѣрѣ въ крупныхъ торговыхъ городахъ городское населеніе постепенно освобождалось отъ зависимости отъ мѣстнаго земледѣлія и могло увеличиваться не подвергаясь опасности голодовокъ. Съ другой стороны городское населеніе данной общины могло значительно расширить свою промышленную дѣятельность, такъ какъ открывшіеся новые рынки опять таки освобождали его отъ исключительной зависимости отъ ограниченнаго мѣстнаго рынка съ его сравнительно медленно ростущими потребностями.

Въ политическомъ отношеніи косвенное вліяніе колонизаціоннаго движенія было не менѣе значительно. Съ одной

стороны оно содѣйствовало усиленію той тенденціи къ союзамъ и другимъ международнымъ сношеніямъ, которыя и безъ того по причинамъ, на которыхъ мы дальше еще остановимся, проявляется въ теченіе этого періода, и въ то же время вызывало появленіе цѣлаго ряда крупныхъ не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи центровъ, оспаривающихъ другъ у друга торговое и политическое первенство. Къ этому времени относятся первыя войны изъ за торговыхъ преимуществъ, въ которыхъ участвуютъ цѣлыя коалиціи. Съ другой стороны ростъ городского торговопромышленнаго класса, ускоренный, какъ мы видѣли, колонизаціей, приводитъ къ борьбѣ между нимъ и знатью, къ началу демократическаго движенія, къ тираніи и т.д.

Въ отношеніи умственнаго развитія также слѣдуетъ отмѣтить двѣ главныя стороны вліянія колонизаціоннаго движенія. Прежде всего получается громадное расширеніе не только географическаго, но въ связи съ этимъ и умственнаго горизонта, расширеніе, о которомъ мы можемъ судить по вліянію открытій конца XУ и XУI вѣка на западноевропейскую мысль. А затѣмъ болѣе близкое знакомство съ такой страной, какъ Египетъ, да и съ востокомъ вообще, не могло не оказать сильнаго вліянія на греческую мысль. Если Геродотъ въ У вѣкѣ до крайности преувеличиваетъ культурное вліяніе Египта на свой народъ, то по этому можно судить, какъ сильно по убѣжденію образованныхъ людей его времени было это вліяніе страны фараоновъ на передовую часть греческаго общества. Не слѣдуетъ, наконецъ, забывать и вліяніе расширившихся связей грековъ съ

окружившимъ ихъ міромъ на ихъ религіозныя представленія.

Само собою разумѣется, что всѣ эти результаты колонизаціоннаго движенія проявились далеко не сразу. Но вѣдь и вліяніе открытія Америки и пути въ Индію проявилось далеко не сразу и даже теперь еще трудно судить о всемъ его значеніи. Нѣкоторыя стороны его для большей части европейскаго общества стали ясны лишь за послѣдніе годы въ связи съ испаноамериканской войной и др.аналогичными событіями. Во всякомъ случаѣ въ Сициліи и южной Италіи наряду съ греческой метрополіей и съ малоазіатскими городами постепенно возникъ новый міръ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки возникъ новый міръ наряду съ старой западной и молодой восточной Европой, и уже въ теченіе У вѣка этотъ новый міръ дважды проявилъ свое вліяніе на ходъ греческой исторіи.

2/ Развитіе торговли и промышленности представляетъ второй продуктъ сильнаго роста населенія. Наряду съ послѣднимъ оно, какъ мы только что видѣли, обязано особенно многимъ колонизаціи.

Земледѣліе /особенно въ началѣ разбираемаго періода/ правда, все еще занимало господствующее положеніе въ экомической жизни населенія. Но, какъ мы уже видѣли, оно было неспособно прокормить все населеніе, несмотря даже на то, что и внутри старой Греціи площадь обрабатываемыхъ земель возрасла и постепенно поглотила все способное къ обработкѣ пространство. "Въ экономически болѣе развитыхъ областяхъ бассейна Эгейскаго моря безъ сомнѣнія уже въ УII вѣкѣ вся удобная земля была захвачена плугомъ". (Beloch,

Gr. Gesch I, стр. 221/. Это касается не только долинъ, но и уступовъ горъ и подвергшихся осушкѣ болотистыхъ мѣстностей и такихъ мѣстъ, гдѣ наоборотъ приходилось заботиться объ искусственномъ орошеніи.

На первомъ планѣ по прежнему стояло хлѣбопашество и по прежнему воздѣлываются главнымъ образомъ ячмень и просо, а на болѣе удобныхъ земляхъ /особенно въ колоніяхъ/ и пшеница. Наряду съ хлѣбопашествомъ винодѣліе и особенно разведеніе оливковыхъ деревьевъ постепенно начинаетъ пріобрѣтать все большее развитіе, но высшій расцвѣтъ этой послѣдней культуры повидимому начинается только къ концу нашего періода.

По сравненію съ земледѣліемъ скотоводство все болѣе отступаетъ на задній планъ и въ связи съ этимъ мясная пища начинаетъ исчезать со стола. Главнымъ средствомъ пропитанія наряду съ хлѣбомъ становится соленая рыба (τάριχος).

Тѣмъ не менѣе земледѣліе оказывается неспособнымъ прокормить населеніе, тѣмъ болѣе, что крайнее дробленіе земельныхъ участковъ /при равномъ правѣ всѣхъ сыновей на движимое и недвижимое имущество отца, господствующемъ въ предѣлахъ почти всей Греціи/ постоянно сокращаетъ базисъ хозяйственной жизни массы земледѣльцевъ. Вдобавокъ и техника еще настолько мало развилась, что продуктивность земледѣльческаго труда не можетъ быть велика: по прежнему господствуетъ двуполльная система, плугъ еще состоитъ цѣликомъ изъ дерева, хлѣбъ молотится при помощи топтающаго его скота и т.д., такъ что растетъ только личный физическій трудъ земледѣльца, при помощи мотыги разбива-

ющаго вспаханную землю и т.д.

Развитіе класса безземельныхъ и увеличеніе количества употребляемаго на земледѣліе труда, вслѣдствіе чего остается меньше времени на другія отрасли домашняго хозяйства, естественно приводятъ къ усиленію того класса ремесленниковъ, порожденіе котораго мы наблюдаемъ уже въ эпоху гомеровскихъ поэмъ. Въ большей или меньшей степени это развитіе несомнѣнно замѣчалось повсюду кромѣ развѣ сѣверозападной Эллады, гдѣ еще долго сохранялись очень первобытные порядки. Но не всюду это развитіе совершалось одинаково быстро. Географическія, историческія и иныя условія выдвигали одни мѣстности въ ущербъ другимъ и при особенно благопріятной комбинаціи вызывали развитіе торговопромышленныхъ центровъ, причемъ трудно сказать, что играло первенствующую роль, торговля или промышленность, или иначе говоря, вызывалъ ли ростъ промышленности болѣе активную торговую жизнь или наоборотъ торговля стимулировала развитіе промышленности, обѣщая ея продуктамъ болѣе широкій сбытъ внѣ данной мѣстности.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно лишь одно, что мы встрѣчаемъ въ это время двѣ группы центровъ, въ которыхъ какъ торговая, такъ и промышленная жизнь достигаютъ широкаго развитія.

Первымъ изъ этихъ центровъ являются іонійскіе города Малой Азіи и въ частности Милетъ, Хіосъ и Самосъ, а далѣе и Фокея, Теосъ, Клазомены, Родосъ и т.д. Въ первомъ особенно широкое мѣсто занимало производство ценнаго рода тканей, причемъ по восточному образцу /подъ вліяніемъ

Лидіи развилась техника окрашиванія тканей при помощи разноцвѣтныхъ пурпуровыхъ улитокъ, которыми такъ богато Эгейское море. Въ Хіосѣ и Самосѣ въ свою очередь особенно развилась обработка металловъ. Хіосцамъ приписывается изобрѣтеніе искусства сплавлять желѣзо, самосцы будто бы изобрѣли /на самомъ дѣлѣ только распространили среди грековъ/ литье металловъ.

Въ торговомъ отношеніи тѣ же іонійскіе города занимали безусловно первенствующее мѣсто. Наряду съ другими малоазіатскими городами они почти цѣликомъ сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ торговлю съ Египтомъ, Сиріей, побережіемъ Мраморнаго и Чернаго морей и даже съ Италіей. Характернымъ показателемъ торговаго развитія іонійцевъ можетъ служить тотъ фактъ, что милетцы первые основали свою факторію въ Египтѣ и что въ Навкратидѣ изъ 12 греческихъ городовъ, имѣвшихъ тамъ свои конторы и поселенія, шесть /Милетъ, Хіосъ, Самосъ, Фокея, Теосъ, Клазомены/ принадлежали къ іонійской части Малой Азіи, пять другихъ также были расположены въ Малой Азіи /Митилена на Лесбосѣ, Галикарнассъ, Книдосъ, Родосъ и Фазелисъ/ и только одинъ /Эгина/ принадлежитъ старой Элладѣ.

Милетъ въ частности являлся своего рода Лондономъ этой эпохи. Его развитію несомнѣнно сильно содѣйствовалъ тотъ фактъ, что онъ рано сосредоточилъ въ своихъ рукахъ торговлю съ богатой долиной Меандра, самой большой рѣки западной части Малой Азіи, подобно тому какъ Фокея обслуживала долину Герма, второй по значенію рѣчной системы этого края. Засимъ Милету также и въ еще большей сте

пени помогли его многочисленныя колоніи въ Мраморномъ и Черномъ моряхъ, какъ Фокеѣ ея колоніи на далекомъ западѣ. Но Милетъ далеко не ограничивается востокомъ;: его торговыя сношенія съ Италіей были не менѣе значительны и особенно тѣсная связь соединяла его съ Сибарисомъ, гибель котораго въ борьбѣ съ Кротономъ /въ концѣ VI вѣка ок. 510 г./ недаромъ оплакивалась въ Милетѣ какъ тяжелое общественное бѣдствіе, сильно подорвавшее богатство Милета.

Наряду съ малоазіатскими центрами получаютъ постепенно возрастающее значеніе нѣкоторые изъ городовъ старой Эллады. На первомъ планѣ здѣсь стоятъ Эгина, Коринеъ, Халкида, Мегары, Эретрія и наконецъ Аѳины, торговопромышленный расцвѣтъ которыхъ впрочемъ относится уже къ концу нашей эпохи /вторая половина VI вѣка/. Всѣ эти города, какъ видно, расположены по двумъ важнѣйшимъ торговымъ путямъ Греціи /съ одной стороны путь съ востока черезъ Сароническій заливъ, Коринескій перешеекъ, Коринескій заливъ на западъ, съ другой стороны путь съ юга черезъ Эврипъ на сѣверъ къ устью Пенея, въ Пагазейскій заливъ и въ Халкидику/. Здѣсь опять таки сосредоточивается какъ промышленная, такъ и торговая жизнь и здѣсь же, какъ мы видѣли, собираются переселенцы, чтобы выселиться подъ руководствомъ и начальствомъ халкидянъ, коринеянъ, мегарцевъ и т.д. Изъ разныхъ отраслей промышленности особенное развитіе получили металлургія /въ Халкидѣ, Коринеѣ, Сикіонѣ, Аргосѣ, Эгинѣ, Аѳинахъ/, производство тканей, особенно шерстяныхъ, /главнымъ образомъ въ Мегарахъ/ и гончарное дѣло /въ Коринеѣ — коринескія вазы! — и въ

Аѳинахъ/. — Параллельно съ промышленностью развивается торговля, чему значительно содѣйствуетъ обширная колонизація нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ городовъ.

Въ результатѣ греческая экономическая жизнь получаетъ совершенно новый характеръ. Домашнее, натуральное хозяйство теряетъ свое господствующее положеніе по крайней мѣрѣ среди болѣе прогрессивныхъ частей греческаго народа. Характернымъ признакомъ этого факта можно признать развитіе упорядоченной системы мѣръ и вѣсовъ и особенно распространеніе чеканки монетъ, какъ общаго мѣрила цѣнностей и орудія обмѣна. И въ томъ и въ другомъ отношеніи греки находятся подъ сильнымъ вліяніемъ востока.

Система мѣръ и вѣсовъ заимствована греками въ VII в. съ нѣкоторыми видоизмѣненіями черезъ посредство лидійцевъ у вавилонянъ. Основой вавилонской системы вѣсовъ служилъ талантъ, распадавшійся на 60 минъ, которыя въ свою очередь распадались на 60 шекелей. Талантъ или точнѣе мина легли также въ основаніе общегреческой системы, причемъ мина однако дѣлилась на 100 драхмъ, т.е. полушекелей /= 50 шекелей /вмѣсто 60/, что соотвѣтствуетъ господству десятичной системы въ Греціи вмѣсто господствовавшей въ Вавилоніи двѣнадцатеричной системы. Только въ южной Италіи и Сициліи господствовала иная болѣе сложная система: здѣсь талантъ распадался не на 60 минъ, а на 120 литровъ, т.е. полуминъ, которыя въ свою очередь дѣлились каждая на 12 унцій.

Несмотря на кажущееся однообразіе всей системы она на практикѣ приняла весьма разнообразныя формы вслѣдствіе

того, что въ разныхъ греческихъ городахъ вѣсъ самого таланта, а слѣдовательно и его составныхъ частей, былъ опредѣленъ различно. Такъ въ Эгинахъ вѣсъ таланта былъ опредѣленъ въ 37 килограммовъ, а въ Халкидѣ и Эретріи въ 26 килограммовъ. Изъ всѣхъ остальныхъ системъ именно эти двѣ получили особенно широкое распространеніе: "эгинская" стала господствующей въ предѣлахъ почти всего Пелопонниса, большей части средней и сѣверной Эллады и на многихъ островахъ, "эвбейская" распространилась на Коринѳъ и его колоніи и на Аѳины /при Солонѣ/.

Еще большее значеніе имѣетъ распространеніе чеканки монетъ. До VII вѣка греческая торговля имѣетъ мѣновой характеръ, причемъ обычнымъ мѣриломъ цѣнности служитъ скотъ. Впрочемъ уже въ эпоху гомеровскихъ поэмъ наряду со скотомъ появляются металлы, главнымъ образомъ мѣдь и желѣзо, по сравненію съ которыми благородные металлы, золото и серебро, по своей рѣдкости еще долго играютъ второстепенную роль. Употребленіе металловъ, какъ мѣрила цѣнности, однако, далеко не равносильно существованію монетъ. Покуда нѣтъ монетъ въ собственномъ смыслѣ слова данный металлъ является такимъ же товаромъ какъ всякій другой. Обмѣниваемый на какой-нибудь другой товаръ металлъ при этомъ каждый разъ долженъ быть взвѣшенъ и приходится провѣрять его чистоту. Только съ того момента какъ опредѣленныя, пользующіяся полнымъ довѣріемъ лица или, что естественнѣе встрѣчается чаще, общины или государства начинаютъ выпускать опредѣленнаго вѣса и достоинства и отмѣченныя въ виду этого какимъ-либо знакомъ

металлическія единицы, не нуждающіяся каждый разъ въ взвѣшиваніи и провѣркѣ, мы имѣемъ дѣло съ монетами въ собственномъ смыслѣ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ монеты, сколько намъ извѣстно, впервые появляются въ западной части Малой Азіи въ началѣ VII вѣка. Въ виду малой цѣнности мѣди и желѣза при этомъ первыя монеты, облегчавшія торговыя сношенія между Лидійскимъ царствомъ и греческими городами Малой Азіи, чеканились изъ своеобразной смѣси золота и серебра, получавшейся изъ лидійскихъ рудниковъ и рѣки Пактола, смѣси, которую греки называли "электронъ" Единицей служилъ шекель или, какъ его называли эллины, статеръ, причемъ согласно вышеотмѣченному разнообразію системъ вѣсовъ и мѣръ въ разныхъ греческихъ городахъ, вѣсъ, а слѣдовательно, и цѣнность статера сильно колебались. Новое изобрѣтеніе чрезвычайно быстро распространилось какъ въ предѣлахъ передней Азіи, такъ и среди греческихъ городовъ.

Изъ городовъ собственной Греціи особенно рано /еще въ началѣ VII вѣка/ приступили къ чеканкѣ монетъ /изъ серебра/ Халкида, Эретрія и Эгина; монетная система этихъ городовъ получила такое же широкое распространеніе какъ и ихъ система мѣръ и вѣсовъ /ср.выше/.

Чеканка монетъ, какъ уже замѣчено, служитъ особенно яркимъ доказательствомъ начинающагося разложенія домашняго хозяйства и перехода къ мѣновому хозяйству. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы этотъ процессъ совершился очень быстро. Белохъ /Gr. Gesch. I, 217/ не безъ основанія замѣчаетъ, что количество благородныхъ металловъ, обра-

шавшееся особенно въ собственной Греціи еще долго, вплоть до У вѣка было весьма незначительно. Малая Азія и въ этомъ отношеніи несомнѣнно шла впереди остальныхъ греческихъ областей. За ней слѣдовали такіе центры, какъ Халкида, Эретрія, Эгина и Коринѳъ. Изъ остальныхъ общинъ даже Аѳины далеко уступали названнымъ городамъ и только по мѣрѣ того, какъ во второй половинѣ VI вѣка Аѳины вступаютъ въ число крупныхъ торгово-промышленныхъ центровъ, и здѣсь денежное хозяйство постепенно оттѣсняетъ домашнее на задній планъ, чтобы устранить его окончательно уже въ У вѣкѣ. Рядъ областей, однако, и въ У вѣкѣ еще остались при старомъ строѣ и потребовалось еще довольно много времени, пока домашнее хозяйство всюду было вытѣснено.

Принимая во вниманіе всѣ указанныя данныя мы тѣмъ не менѣе должны сказать, что домашнее хозяйство, т.е. строгая замкнутость каждой отдѣльной хозяйственной единицы, собственными силами удовлетворяющей всѣ свои потребности и не нуждающейся въ обмѣнѣ своихъ продуктовъ на продукты другой хозяйственной единицы, постепенно начинаетъ разлагаться. Первые симптомы этого процесса мы замѣтили уже въ эпохѣ гомеровскихъ поэмъ. Уже тогда началось выдѣленіе такого класса лицъ, который только путемъ обмѣна продуктовъ своей ремесленной дѣятельности на земледѣльческіе продукты другого класса населенія могъ обезпечить себѣ средства къ пропитанію. Едва замѣтный въ гомеровскихъ поэмахъ, этотъ процессъ постепенно приводитъ къ развитію "городского хозяйства" (Stadtwirtschaf Карла Бюхера въ его Entstehung der Volkswirtschaft). Основнымъ

отличіемъ этого хозяйства служитъ развитіе постояннаго обмѣна между городомъ и окружающей его земледѣльческой областью. Городъ снабжаетъ земледѣльческое населеніе продуктами своей промышленности и получаетъ вмѣсто нихъ необходимые для него продукты земледѣлія. Переходъ отъ домашняго къ городскому хозяйству въ большинствѣ случаевъ, т.е. всюду, гдѣ не дѣйствуютъ особыя географическія или иныя условія, совершается крайне медленно. Съ одной стороны домашнее производство возможно большаго количества необходимыхъ предметовъ лишь медленно вытѣсняется покупкой извѣстной части этихъ предметовъ на городскомъ рынкѣ. Съ другой стороны и самые города первоначально имѣютъ аграрный характеръ: большая или по крайней мѣрѣ значительная часть жизни еще не порвали окончательно связи съ землей и, обрабатывая по крайней мѣрѣ отчасти сами окрестныя земли, сравнительно не такъ сильно и постоянно нуждаются въ возможности пріобрѣсти земледѣльческіе продукты на рынкѣ. Еще въ разбираемое нами время многіе греческіе "города" находятся въ такомъ положеніи.

Съ теченіемъ времени и по мѣрѣ роста городского населенія взаимная зависимость города и окружающей его земледѣльческой области растетъ. Если не всѣ, то во всякомъ случаѣ большинство горожанъ теперь вынуждены пріобрѣтать земледѣльческіе продукты на рынкѣ, и въ то

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

же время крестьяне по разнымъ причинамъ вынуждены и привыкаютъ пріобрѣтать такимъ же путемъ продукты ремесла. Такимъ путемъ создается замкнутое городское хозяйство. Отдѣльная хозяйственная единица прежняго времени, т.е. отдѣльный домъ по общему правилу теряетъ свою самостоятельность. Самостоятельной хозяйственной единицей теперь является не домъ, а городъ съ окружающей его территоріей. Городъ и его территорія производятъ все, въ чемъ они нуждаются, и въ такомъ количествѣ, въ какомъ они нуждаются. Они не нуждаются для поддержанія своей жизни въ обмѣнѣ съ другими хозяйственными единицами такого же типа.

Слѣдующая стадія развитія заключается въ томъ, что города выходятъ изъ этого изолированнаго состоянія и вступаютъ въ болѣе или менѣе дѣятельный и постоянный обмѣнъ съ другими городами. Чѣмъ шире и постояннѣе эти междугородскія мѣновыя отношенія, тѣмъ значительнѣе становится взаимная зависимость городовъ другъ отъ друга, тѣмъ болѣе естественнымъ является съ одной стороны связь однихъ городовъ и съ другой стороны конкурренція и открытая борьба между другими. Развитіе экономической жизни народа, сломившее самостоятельность отдѣльнаго дома, начинаетъ разрушать самостоятельность отдѣльныхъ городскихъ хозяйствъ.

При незначительности территоріи громаднаго большинства греческихъ городскихъ общинъ, въ которыхъ и установилась указанная форма замкнутаго городского хозяйства, означало ранній застой экономическаго и въ част-

ности торговопромышленнаго развитія. Промышленность и торговля могли развиваться только въ томъ случаѣ, если онѣ могли разсчитывать не на одинъ только крайне ограниченный мѣстный сбытъ. А это значило, что поскольку постоянно ростущій избытокъ населенія не покидалъ родную общину, онъ только въ томъ случаѣ могъ обезпечить себѣ существованіе, если рамки его хозяйственной дѣятельности не были ограничены данной общиной. Подобно тому какъ ростъ населенія вызвалъ огромное колонизаціонное движеніе и замѣну домашняго хозяйства городскимъ, онъ затѣмъ приводитъ къ расширенію хозяйства за предѣлы данной городской общины.

Жизнь такихъ городовъ какъ Милетъ, Халкида, Коринѳъ, Фокея и мн. др. /вопреки терминологіи Бюхера/ также мало укладываются въ рамки замкнутаго городского хозяйства, какъ жизнь Венеціи, Флоренціи, Генуи, Брюгге и мн.др. въ XIУ - XУI столѣтіяхъ. Каждый изъ названныхъ греческихъ городовъ является экономическимъ центромъ сравнительно весьма обширной области /своего рода колоніальной имперіи/ и только благодаря этому они и могли поставить свою промышленность и всю свою хозяйственную жизнь на дѣйствительно широкій базисъ. Тѣ хозяйственныя единицы, которыя такимъ путемъ создаются, представляютъ нѣчто среднее между городскимъ и народнымъ хозяйствомъ, къ которому ихъ развитіе при благопріятныхъ географическихъ и политическихъ условіяхъ и приводитъ. Какъ мы дальше еще увидимъ въ жизни греческаго народа географическія и политическія условія

прямо препятствовали такому результату, но это отнюдь не значитъ, чтобы греческая хозяйственная жизнь остановилась на стадіи городского хозяйства.

Характерными признаками болѣе широкаго развитія греческаго экономическаго развитія уже въ эту эпоху можно признать увеличивающееся значеніе рабскаго труда въ промышленности наиболѣе важныхъ центровъ и начало торговыхъ войнъ.

Что касается перваго пункта, то само собою ясно, что широкое примѣненіе рабскаго труда къ промышленной дѣятельности возможно только при условіи весьма обширнаго сбыта. Возможность внѣгородского сбыта постепенно придаетъ торговлѣ и промышленности капиталистическій характеръ, если признать съ Зомбартомъ, что характерной особенностью капиталистическаго духа и предпріятій въ отличіе отъ ремесленнаго заключается въ томъ, что цѣлью производства вмѣсто поддержанія жизни становится возможно болѣе значительная нажива. По мнѣнію Белоха уже въ VI вѣкѣ милетское производство тканей большей частью покоилось на трудѣ ввозимыхъ изъ сосѣднихъ негреческихъ /"варварскихъ"/ областей рабынь, тогда какъ для металлургическаго и гончарнаго производства, какъ физически болѣе тяжелыхъ, пользовались рабами. Еще болѣе значительную роль играютъ рабы на островѣ Хіосѣ, вся жизнь котораго покоится на владѣніи рабами. Примѣру малоазіатскихъ городовъ послѣдовали и города собственной Греціи, особенно Эгина и Коринѳъ, а затѣмъ и Аѳины. О значеніи этого факта для всей дальнѣйшей жизни гре-

ческаго народа, намъ дальше еще придется говорить.

Наряду съ распространеніемъ рабскаго труда войны изъ за торговыхъ соображеній представляются крайне знаменательными. Всѣ крупные торговые города были вынуждены содержать для охраны своей торговли военные флоты: такъ въ Аѳинахъ, повидимому, уже при Солонѣ /архонтъ 594 г./ была создана особая организація, обезпечивавшая государству 48 кораблей. Кораблестроительная техника развилась уже рано настолько, что начали строить тріеры /корабли съ тремя рядами веселъ/: по преданію первыя тріеры были выстроены въ концѣ VIII вѣка въ Коринѳѣ и коринѳянинъ Аминоклъ по словамъ Ѳукидида ок.700 г. построилъ четыре тріеры для союзнаго съ Коринѳомъ Самоса. Предназначенные ближайшимъ образомъ для борьбы съ морскимъ разбоемъ, военные корабли скоро были обращены въ орудіе борьбы между конкуррирующими городами.

Особенно большое впечатлѣніе произвела и особенно большое значеніе имѣла продолжительная война между Халкидой и Эретріей, достигшая своего апогея около половины VII вѣка. Начавшись изъ за богатой Леантской долины, которую Халкида и Эретрія оспаривали другъ у друга, война скоро пріобрѣла гораздо болѣе широкое значеніе, такъ какъ въ нее вмѣшались всѣ крупные центры этого времени. На сторонѣ Халкиды стояли Коринѳъ и Самосъ, на сторонѣ Эретріи Милетъ, Эгина и Мегары. Всюду, гдѣ сталкивались торговые интересы этихъ городовъ, отражается вражда: въ связи съ этой войной, вѣроятно, стоитъ

нападеніе Самоса на Эгину, Мегаръ на самосскую колонію Перинеъ. Война закончилась полной побѣдой Халкиды: Эретрія съ этихъ поръ потеряла всякое значеніе. Но и Халкида испытала на себѣ послѣдствія войны, тяжесть которой была еще усилена внутренними раздорами между аристократіей и демократіей. Халкида, правда, пріобрѣла Лелантскую долину, но съ этихъ поръ и ея богатство и могущество падаетъ и въ VI вѣкѣ первенствующее мѣсто среди торговопромышленныхъ центровъ собственной Греціи принадлежитъ уже не Халкидѣ, а Коринеу и Эгинѣ. Устраненіе ближайшаго повода къ войнѣ — уступка Лелантскаго поля халкидянамъ — однако, разумѣется, не устранило антагонизма между сторонами и весь греческій міръ и послѣ этого раздѣлялся на двѣ большія партіи. Война Сибариса съ Кротономъ, заканчивавшаяся полнымъ разореніемъ Сибариса /ок.510 г./, была только однимъ изъ ея эпизодовъ.

Въ результатѣ мы видимъ, что экономическое развитіе приводитъ эллиновъ къ совершенно новымъ формамъ жизни. Громадное расширеніе площади захваченныхъ эллинами непосредственно или эксплуатируемыхъ ими земель, развитіе торговопромышленной дѣятельности и городского класса, наконецъ тенденція къ устраненію замкнутости жизни городскихъ общинъ, все это вмѣстѣ рѣзко отличаетъ разбираемую эпоху отъ эпохи гомеровскихъ поэмъ. Весьма понятно, что всѣ эти явленія не могутъ остаться безъ вліянія на соціальную и политическую жизнь эллиновъ.

III. Соціальный строй становится болѣе сложнымъ по мѣрѣ роста торговопромышленнаго класса и сопутствующихъ ему явленій.

Господствующее положеніе въ теченіе даннаго періода тѣмъ не менѣе внѣ всякаго сомнѣнія принадлежитъ аристократіи, возрастающее вліяніе которой нами было отмѣчено уже при разсмотрѣніи греческаго быта гомеровскихъ временъ. Наряду съ крупнымъ землевладѣніемъ матеріальной опорой знати въ возрастающей степени служитъ ея участіе въ торговлѣ. Только знать, какъ мы видѣли, обладая достаточными средствами, чтобы вести торговлю въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, иначе говоря, только она по общему правилу дѣйствительно извлекала изъ торговли крупные барыши, немыслимые при незначительности обращаемыхъ на это дѣло средствъ. "Въ Іоніи, на Эвбеѣ, въ Коринѳѣ и Мегарахъ знать руководила колонизаціей и она же стояла во главѣ коммерческихъ предпріятій. Земледѣльческая знать превращается въ знать торговую". (Meyer. G.d. A. т.II, стр.553/. Лучшимъ доказательствомъ ея соціальнаго преобладанія является повсемѣстное устраненіе или по крайней мѣрѣ полное обезсиленіе царской власти и жалкое положеніе народнаго собранія, неспособнаго играть сколько нибудь значительную роль въ государственной жизни.

Господство аристократіи представляетъ совершенно естественный продуктъ выше очерченнаго экономическаго развитія. Какъ мы уже видѣли, и колонизація, и ростъ

городского класса прежде всего свидѣтельствуютъ о затруднительномъ положеніи народной массы. Дробленіе земельныхъ участковъ создаетъ неустойчивыя мелкія хозяйства, существованіе которыхъ за неимѣніемъ у ихъ собственниковъ какихъ-либо запасовъ находится въ полной зависимости отъ одного-двухъ неурожаевъ или военнаго разворенія. На первый взглядъ, правда, можетъ показаться, что по крайней мѣрѣ въ болѣе быстро развивавшихся общинахъ, положеніе крестьянъ должно было улучшиться, такъ какъ увеличившійся торговопромышленный классъ долженъ былъ представлять постоянно ростущій рынокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. На самомъ же дѣлѣ и въ этихъ общинахъ положеніе крестьянъ было ничѣмъ не лучше чѣмъ въ другихъ болѣе отсталыхъ. Съ одной стороны переходъ отъ домашняго къ мѣновому хозяйству всегда влечетъ за собою кризисъ обычнаго строя жизни и чѣмъ быстрѣе совершается этотъ процессъ, тѣмъ тяжелѣе онъ отзывается на массѣ населенія, вынужденной или добывать деньги, дабы удовлетворять всѣ свои потребности, или отказаться отъ удовлетворенія этихъ послѣднихъ. А затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду и то обстоятельство, что именно здѣсь ко всѣмъ выше указаннымъ затрудненіямъ прибавляется еще новое, зависимость отъ торговой конъюнктуры. Производя по крайней мѣрѣ отчасти сырье для промышленности, крестьянскія хозяйства заинтересованы въ томъ, чтобы продукты этой промышленности находили сбытъ, такъ какъ иначе неминуемо долженъ понизиться спросъ и на ихъ сырье. Промышленный кризисъ /какъ результатъ войны или

другихъ причинъ/ такимъ образомъ отразится здѣсь не только на торгово-промышленномъ классѣ, но и на земледѣльцахъ. И только тогда, когда данный городъ займетъ настолько благопріятное торговое положеніе, что ему будетъ обезпеченъ широкій сбытъ продуктовъ его промышленности, земледѣльческое населеніе будетъ въ состояніи улучшить свое положеніе въ связи съ ростущими потребностями торговопромышленнаго класса. Но въ такихъ случаяхъ земледѣльцу придется считаться съ подвозомъ хлѣба и т.д. и съ конкурренціей заморскаго сырья вообще, о чемъ намъ дальше еще придется говорить. Ко всѣмъ указаннымъ условіямъ наконецъ надо прибавить конкурренцію крупнаго землевладѣнія и знати вообще.

Отношенія между общественными классами подвергаются крутой ломкѣ, по мѣрѣ того, какъ сначала знать, затѣмъ все болѣе широкіе круги общества начинаютъ стремиться къ возможно болѣе значительнымъ доходамъ. Патріархальныя отношенія между знатью и массой замѣняются беззастѣнчивой эксплоатаціей массы, причемъ знать опирается не только на свое экономическое, но и на свое подавляющее политическое превосходство.

Что касается формъ, въ которыхъ знать могла эксплоатировать народную нужду, то можно указать главнымъ образомъ на два факта. Съ одной стороны знать по всему вѣроятію старалась использовать старыя патріархальныя формы подчиненія массы знати, вытекавшія изъ признанной руководящей роли знати въ военномъ, политическомъ, религіозномъ и т.д. отношеніяхъ. Нравственныя преимущества

вытекавшія для знати изъ ея патроната надъ массой, съ измѣненіемъ всѣхъ формъ жизни несомнѣнно давали удобную почву для расширенія экономическаго вліянія патроновъ. Вспомнимъ аналогичное развитіе въ западной Европѣ въ XУ и слѣдующихъ вѣкахъ, гдѣ знать почти повсемѣстно воспользовалась своимъ положеніемъ для конфискаціи общинныхъ земель, увеличенія поборовъ съ крестьянъ, а отчасти /напр. въ Германіи/ и для обращенія крестьянъ въ крѣпостное состояніе.

Не меньшее, если не большее значеніе имѣла возрастающая задолженность крестьянъ, кредиторами которыхъ при данныхъ условіяхъ, очевидно, могли быть только крупные землевладѣльцы. Для того, чтобы оцѣнить все значеніе этого факта, надо принять во вниманіе какъ высоту роста, такъ и строгость долгового права. Судя по тому, что въ началѣ УI вѣка, въ эпоху Солона въ Аттикѣ I8 процентовъ капитала признавались умѣреннымъ ростомъ, можно себѣ представить до какихъ размѣровъ могъ простираться ростъ въ тѣхъ несомнѣнно частыхъ случаяхъ, когда заимодавецъ не могъ быть увѣренъ въ полной кредитоспособности своего должника и въ виду этого старался обезпечить себя крупными размѣрами выговариваемыхъ имъ процентовъ, не говоря уже о тѣхъ несомнѣнно также не рѣдкихъ случаяхъ когда лицо, къ которому обращался земледѣлецъ за ссудой беззастѣнчиво пользовалось безвыходнымъ положеніемъ просителя, которому государство и не думало приходить на помощь. Весьма понятно, что высота процентовъ, такимъ образомъ, должна была быть весьма значительна и

что задолженность населенія быстро возрастала.

Неоплатный должникъ подпадалъ затѣмъ дѣйствію закона, строго охранявшаго интересы кредитора и отдававшаго должника всецѣло во власть кредитора. Не говоря уже о томъ, что земля должника поступала въ залогъ къ кредитору, который ставилъ на ней камень, свидѣтельствовавшій о его правахъ, въ такое же положеніе попадалъ и самъ должникъ. Положеніе его можетъ быть опредѣлено какъ долговое рабство, ничѣмъ существенно не отличавшееся отъ обычныхъ формъ рабства. Кредиторъ въ силу этого имѣетъ право либо пользоваться трудомъ своего должника и его семьи либо вознаградить себя посредствомъ ихъ продажи хотя бы и за предѣлы государства.

Результатомъ такого порядка можно признать чрезвычайно плачевное положеніе земледѣльческой массы въ УII и УI вѣкѣ въ предѣлахъ почти всей Греціи. Къ этому времени мы почти во всѣхъ греческихъ общинахъ встрѣчаемъ наряду съ господствующей аристократіей болѣе или менѣе безправную какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи массу. Крайній предѣлъ безправности представляютъ илоты Лакедемоніи, мноты и афаміоты Крита и пенесты Θессаліи. Разница въ положеніи этихъ крѣпостныхъ заключается прежде всего въ томъ, что илоты и мноты считаются собственностью государства и частнымъ лицамъ только предоставляется право пользоваться ихъ трудомъ, тогда какъ афаміоты и пенесты признаются собственностью отдѣльныхъ свободныхъ хозяевъ, на земляхъ

которыхъ они работаютъ. О положеніи всѣхъ этихъ группъ крѣпостного населенія мы освѣдомлены лишь въ общихъ чертахъ. Такъ, мы знаемъ, что периэты обрабатываютъ опредѣленные участки земли за опредѣленные поборы /вѣроятно натурой/, но не могутъ быть ни проданы за предѣлы государства ни убиты безъ формальнаго судебнаго рѣшенія. Больше мы знаемъ о критскихъ порядкахъ въ частности на основаніи права города Гортины. Здѣсь крѣпостные именуются "дворовыми людьми" (Foikées); они принадлежатъ къ дому соотвѣтственнаго свободнаго хозяина (πάστας), который обладаетъ по отношенію къ нимъ дисциплинарной властью и замѣняетъ ихъ на судѣ. Тѣмъ не менѣе они образовывали признанный закономъ семьи и могли даже вступать въ бракъ съ свободными женщинами. Характерны постановленія, регулирующія положеніе дѣтей отъ такихъ браковъ на основаніи соображеній экономическаго характера: если свободная женщина, вышедшая замужъ за крѣпостного, селилась въ его домѣ, дѣти становились крѣпостными; если крѣпостной наоборотъ переходилъ въ домъ своей жены, то дѣти становились свободными. Уже изъ этого видно, насколько ихъ положеніе сравнительно благопріятно: еще очевиднѣе это явствуетъ изъ того, что всѣ крѣпостные даннаго лица имѣли наслѣдственныя права на его имущество, если онъ не оставлялъ наслѣдниковъ. Что касается наконецъ илотовъ, то и они, правда, не могли быть проданы за предѣлы спартанскаго государства, и несли лишь опредѣленные поборы, въ силу чего они имѣли возможность пріобрѣтать собственное

имущество но зато они были лишены основной гарантіи личной неприкосновенности. Страхъ, какъ бы они не возстали, привелъ къ организаціи особой тайной полиціи изъ молодыхъ спартіатовъ, члены которой имѣли право убивать подозрительныхъ илотовъ безъ всякаго суда и слѣдствія.

Въ аналогичномъ положеніи находилась и земледѣльческая масса Аттики. И здѣсь, по словамъ Аристотеля, "вся земля была въ рукахъ немногихъ". Разумѣется, эти слова не слѣдуетъ понимать буквально: и въ эпоху Дракона и въ эпоху Солона наряду съ крупнымъ землевладѣніемъ продолжали существовать остатки средняго и даже мелкаго. Объ этомъ свидѣтельствуютъ уже слова Солона, заявляющаго въ одной изъ своихъ элегій, что онъ освободилъ поля Аттики отъ ипотечныхъ камней: очевидно, процессъ окончательнаго поглощенія мелкаго землевладѣнія крупнымъ не былъ доведенъ до конца. Тѣмъ не менѣе и здѣсь положеніе земледѣльческой массы было до крайности плачевно. Наряду съ большимъ количествомъ упомянутыхъ ипотечныхъ камней объ этомъ особенно явно свидѣтельствуютъ слова того же Аристотеля: "и бѣдные служили богатымъ на подобіе рабовъ какъ сами, такъ и ихъ жены и дѣти, и назывались они пелатами и гектеморами /лица, получающія шестую часть/. Дѣло въ томъ, что они обрабатывали поля богатыхъ именно за такое вознагражденіе, т.е. за шестую часть урожая. Находясь въ полной экономической и политической зависимости отъ крупной знати, соединявшей въ своихъ рукахъ и экономическую и политическую

власть, они, такимъ образомъ, находились въ положеніи крѣпостныхъ.

Внутренняя жизнь остальныхъ греческихъ общинъ, въ томъ числѣ и малоазіатскихъ, въ этотъ періодъ намъ къ сожалѣнію слишкомъ мало, вѣрнѣе почти совершенно не извѣстна, такъ что мы лишены возможности выяснить степень распространенности этихъ явленій въ предѣлахъ всѣхъ старыхъ греческихъ областей. Даже больше. Самое происхожденіе вышеописанныхъ порядковъ не можетъ быть признано вполнѣ яснымъ, или точнѣе, трудно сказать, играли ли при закрѣпощеніи земледѣльческой массы роль одни только экономическіе факторы или наряду съ ними дѣйствовали и условія политическія, т.е. въ частности завоеваніе. Позднѣйшіе греческіе источники объясняли закрѣпощеніе сельской массы въ Лаконіи, Критѣ и Θессаліи исключительно какъ результатъ θессалійскаго и дорійскаго завоеваній. Но такъ какъ ихъ свѣдѣнія объ этихъ завоеваніяхъ покоятся не на точныхъ данныхъ, а только на комбинаціяхъ, то довѣряться ихъ показаніямъ никакъ нельзя и приходится указать на тѣ общія условія экономическаго развитія, которыя и сами по себѣ могли вызвать закрѣпощеніе массы, хотя этимъ и не исключается возможность извѣстнаго вліянія завоевательныхъ движеній. О томъ, въ какомъ смыслѣ завоеванія и военная анархія могутъ содѣйствовать закрѣпощенію, можно судить хотя бы по примѣру развитія крѣпостного строя въ западной Европѣ въ періодъ отъ I - II до X вѣка нашей эры. Экономическія условія, приводящія къ поглощенію средняго и мел-

каго землевладѣнія крупнымъ и къ экономическому подчиненію массы населенія крупнымъ землевладѣльцамъ, переплетаются здѣсь съ вліяніемъ многовѣковой анархіи эпохи повторныхъ варварскихъ нашествій, заставлявшихъ массу искать защиты у магнатовъ путемъ добровольнаго подчиненія послѣднимъ. Мы не имѣемъ возможности утверждать, но нѣтъ также и основанія отрицать, чтобы нѣчто подобное могло произойти въ указанную эпоху и въ Греціи.

Какъ бы то ни было, одно не подлежитъ сомнѣнію: положеніе земледѣльческой массы было въ высшей степени не удовлетворительно и давало поводъ къ постоянному росту недовольства, проявившагося въ эпоху УІІ и УІ вѣка въ возстаніяхъ и договорахъ противъ политическаго, а далѣе и экономическаго господства знати.

Въ движеніи противъ аристократическаго строя принималъ участіе и вновь народившійся и постепенно возраставшій торговопромышленный классъ. Господствующее положеніе и въ этой области, правда, принадлежало, какъ мы видѣли, знати, отнюдь не ограничивавшей своей дѣятельности областью землевладѣнія. Тѣмъ не менѣе ея положеніе здѣсь было значительно менѣе прочно. Съ одной стороны торговопромышленная предпріимчивость вообще представляетъ болѣе подходящую почву, чтобы выдвинуться и пріобрѣсти экономическую самостоятельность, а благопріятныя общія условія эпохи усиленной колонизаціи должны были содѣйствовать болѣе быстрому росту независимаго отъ знати торговаго и особенно промышленнаго класса. Съ другой стороны городское населеніе по всему

характеру своей жизни всегда отличается болѣе независимымъ духомъ, чѣмъ масса земледѣльцевъ. Эта относительная духовная независимость городского населенія непосредственно вытекаетъ уже изъ того факта, что съ него снимается та "власть земли", которая тяготѣетъ надъ земледѣльцемъ. Жизнь послѣдняго, результаты его труда находятся въ тѣсной зависимости отъ климатическихъ условій, отъ почвы и т.д. Одно градобитіе, одно наводненіе можетъ разрушить плоды долгой работы. Положеніе ремесленника и т.д. существенно отличается отъ положенія земледѣльца именно тѣмъ, что преобладающую роль здѣсь играютъ личная энергія, ловкость, техническія и иныя способности и т.д., т.е. индивидуальныя особенности даннаго лица.

---ooOoo---

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ